

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
постсоветского
пространства
Научный журнал

Т. 6, № 4
2019

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 6, № 4
2019

Проблемы
постсоветского
пространства

Научный журнал

Т. 6, № 4
2019

Post-Soviet Issues

Scientific journal

Vol. 6, № 4
2019

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки)
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- **Владимир Иванович Аникин**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- **Евгений Петрович Бажанов**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Анджея Вержбицки**, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- **Светлана Михайловна Гаврилова**, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Майкл Глянц**, Университет Колорадо, США
- **Олег Евгеньевич Гришин**, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Лукаш Донай**, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- **Игорь Сергеевич Зонн**, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации,

водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

- **Андрей Вячеславович Ишин**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Леонид Александрович Карабешкин**, к. п. н., Евро-академия, Таллин, Эстония
- **Балташ Нурмухамбетович Карилов**, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- **Олег Геннадьевич Карпович**, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Геннадий Владимирович Косов**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Андрей Геннадьевич Костяной**, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П. П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- **Елена Михайловна Кузьмина**, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примова РАН, Москва, Россия

- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Алексей Михайлович Мاستепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархомчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шutow**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	Типография «Буки Веди», Москва, Партийный переулок, д. 1, корп. 58
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	28.11.2019
	© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland
- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA
- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia
- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia
- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan
- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Andrej G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia
- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan
- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology "Soyuzvodproekt", Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis "The Centre of regional research"
Publisher's address:	Moscow, 127576, Abramzevskaj str. 8A
Printing house:	"Buki Vedi", Moscow, Partyinyi lane, 1, bld. 58
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	28.11.2019
	© "Post-Soviet Issues". All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Инфраструктурные проекты в Каспийском регионе.....	324
---	------------

Сергей С. Жильцов

Охрана природы в Израиле.....	336
--------------------------------------	------------

Николай С. Орловский, Лия Г. Орловская, Игорь С. Зонн

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Торгово-экономическое сотрудничество стран ЕАЭС с Республикой Таджикистан.....	355
---	------------

Зарина А. Дадабаева

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

К вопросу о федерализме в Бельгии.....	366
---	------------

Светлана М. Гаврилова

Основные принципы работы региональных «морских» объединений с участием России.....	378
---	------------

Александра В. Качалова

Членство Республики Хорватия в НАТО.....	390
---	------------

Марта Зубович

Региональный, национальный и конфессиональный факторы формирования национальной идентичности Казахстана.....	398
---	------------

Жанар Колбачаева

Концептуальные основы политической модернизации в Казахстане.....	409
--	------------

Олег Г. Карпович

Придунайский треугольник Румыния–Украина–Молдова: особенности межгосударственного сотрудничества.....	417
--	------------

Драган Г. Даниела

Каспий или Арктика: вот в чем вопрос.....	427
--	------------

София Ю. Черницына

Эволюция внешней политики Кубы на современном этапе.....	438
---	------------

Екатерина С. Запарий

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

Словацко-белорусские культурные отношения.....	450
---	------------

Гопта Иво, Гоптова Луциана

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

The infrastructure projects in the Caspian Region.....	324
---	------------

Sergey S. Zhiltsov

Environment Protection in Israel.....	336
--	------------

Nicolai S. Orlovsky, Leah G. Orlovsky, Igor S. Zonn

ECONOMY

Trade and Economic Cooperation of the EAEU countries with the Republic of Tajikistan.....	355
--	------------

Zarina A. Dadabaeva

POLITICS

On the question of federalism in Belgium.....	366
--	------------

Svetlana M. Gavrilova

Basic Working Principles of Regional Sea Associations with Russian Participation.....	378
--	------------

Alexandra V. Kachalova

Republic of Croatia's Membership in NATO.....	390
--	------------

Marta Zubovic

Regional, national and confessional factors of formation of national identity of Kazakhstan.....	398
---	------------

Zhanar Kolbachayeva

Conceptual foundations of political modernization in Kazakhstan.....	409
---	------------

Oleg G. Karpovich

Danube Triangle: Romania-Ukraine-Moldova: Problems and Prospects of Interstate Cooperation.....	417
--	------------

Daniela G. Dragan

Caspian or Arctic region: that is the question.....	427
--	------------

Sofiya Y. Chernitsyna

Development of Cuban foreign policy at the present stage.....	438
--	------------

Ekaterina S. Zapariy

HISTORY AND RELIGION

Slovak-Belarusian culture relations.....	450
---	------------

Hopta Ivo, Hoptová Luciána

Инфраструктурные проекты в Каспийском регионе

Сергей С. Жильцов

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

sszhiltsov@mail.ru

Аннотация: В последние годы страны Каспийского региона стремятся расширить региональное сотрудничество в энергетической и транспортной сферах. Длительное время эти направления сотрудничества не получали своего развития, что в целом негативно сказывалось на региональной экономике. Пересмотр стран региона сложившихся подходов к сотрудничеству продиктован ростом проблем в экономике каждого из государств. Сохраняется интерес к Каспийскому региону со стороны внерегиональных государств. Прежде всего, их привлекают проекты, направленные на диверсификацию поставок углеводородных ресурсов из региона на внешний рынок. В свою очередь, строительство новых экспортных трубопроводов рассматривается странами Каспийского региона в качестве укрепления своих геополитических позиций и решения социально-экономических проектов. Новые трубопроводы могут не только создать дополнительные возможности для доставки нефти и газа из региона на внешние рынки, но и кардинально изменить расстановку сил. Этим объясняется повышенное внимание к вопросам добычи и экспорта углеводородных ресурсов.

В тоже время, пересмотр энергетической политики стран региона, который начался в 1990-х годах, не снизил их зависимость от внерегиональных стран, которые выступают в качестве конечного потребителя или транзитеров нефти и газа. Строительство новых трубопроводов разрушило монополию России на экспорт углеводородных ресурсов из стран региона на внешние рынки. Однако снижение российского влияния компенсировали Иран и Китай, которые через механизмы ценообразования и объемы закупаемого углеводородного сырья получили возможности влиять на государства региона. По этой причине, страны региона выступают за дальнейшее увеличение числа новых трубопроводов, считая, что их строительство расширит возможности для экспорта нефти и газа и снизит зависимость от соседних государств.

Ключевые слова: Каспийский регион, энергетическая политика, нефть, газ, трубопроводы, Россия, США, ЕС, Китай

Для цитирования: Жильцов С.С. Инфраструктурные проекты в Каспийском регионе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):324-335. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335>

Статья поступила: 27.09.2019

Принята в печать 13.10.2019

Опубликована 02.12.2019

The infrastructure projects in the Caspian Region

Sergey S. Zhiltsov

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
sszhiltsov@mail.ru

Abstract: In recent years, the countries of the Caspian region have sought to expand regional cooperation in energy and transport spheres. For a long time, these areas of cooperation were not being developed, which negatively affected the regional economy. The revision of the existing approaches of regional countries to cooperation is dictated by the growth of problems of economic development of each country. Non-regional states have a continuing interest in the Caspian region. First of all, they are interested in projects aimed at diversifying the supply of hydrocarbon resources from the region to foreign markets. In turn, the construction of new export pipelines is considered by the countries of the Caspian region as a way of strengthening their geopolitical positions and realising socio-economic projects. New pipelines not only can create additional opportunities for the delivery of oil and gas from the region to foreign markets, but also can radically change the balance of power. This explains the increased attention to the issues of production and export of hydrocarbon resources.

At the same time, the revision of the energy policy of the regional countries, which began in the 1990s, did not reduce their dependence on non-regional states that act as final consumers or transit countries for oil and gas. The construction of new pipelines broke Russia's monopoly over the export of hydrocarbon resources from the regional countries to foreign markets. However, the decline of Russian influence was compensated by Iran and China, which got the opportunity to influence the regional countries through pricing mechanisms and volumes of purchased hydrocarbon raw materials. For this reason, the regional countries are in favor of a further increase in the number of new pipelines, believing that their construction will expand opportunities for oil and gas exports and will reduce dependence on neighboring states.

Keywords: Caspian region, energy policy, oil, gas, pipelines, Russia, USA, EU, China

For citation: Zhiltsov S.S. The infrastructure projects in the Caspian Region. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):324-335. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-324-335>

Received 27.09.2019

Revised 13.10.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

В 90-х годах прошлого века энергетические ресурсы Каспийского региона и Центральной Азии оказались в фокусе внимания стран, которые образовались после распада СССР. Они также привлекли повышенное внимание западных стран [1]. Нефть и газ

в Каспийском регионе и Центральной Азии рассматривались ими в качестве источников, способных снизить зависимость от стран — экспортеров нефти Персидского залива [2]. В свою очередь, публикации о наличии значительных запасах углеводо-

родных ресурсов подталкивали некоторые центрально-азиатские страны ускорить разработку собственных месторождений. Так, Казахстан и Туркменистан, располагавшие наибольшими запасами нефти и газа [3], не стали дожидаться подписания Конвенции о международно-правовом статусе Каспийского моря и начали освоение месторождений [4]. Более того, для получения политической поддержки и форсирование освоение месторождений, они привлекли западный нефтегазовый капитал.

Многие из проектов трубопроводов, которые предлагались в 1990-х годах и были направлены на создание условий для экспорта углеводородных ресурсов из Каспийского региона и Центральной Азии, в XXI веке были реализованы. Среди них следует отметить газопроводы Туркменистан — Иран (1997, 2010 гг.), газопроводы и нефтепроводы Туркменистан — Китай (2009 г.), Казахстан — Китай (2009 г.). Кроме этого, был реализован проект Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), который обеспечил выход казахстанской нефти в Россию. Также был сформирован энергетический коридор для поставок нефти танкерами из Казахстана и Туркменистана через Каспийское море в Азербайджан. Хотя объемы поставок не превышали в среднем 2–3 млн тонн за год, тем не менее, сама возможность экспорта в западном направлении высоко оценивалась в странах Центральной Азии.

Закреплению Китая в Центральной Азии облегчала изоляция Ирана. Введение против Тегерана западных санкций привело к исключению иранской стороны из обсуждения новых проектов по добыче и экспорту нефти и газа из Каспийского региона и Центральной Азии. Кроме того, сказалась заинтересованность Пекина в углеводородных ресурсах и стремление снизить зависимость от поставок с Ближнего Востока [5].

Это усилило его внимание к нефти и газу Центральной Азии [6]. В итоге Китай расширил присутствие в энергетическом секторе стран региона. В первую очередь, в Казахстане и Туркменистане, одновременно добившись серьезных успехов в организации поставок оборудования и предоставления сервисных услуг для нефтегазового сектора [7].

Новая трубопроводная инфраструктура, созданная странами региона, позволила им диверсифицировать поставки нефти и газа на внешние рынки. В свою очередь, внерегиональные государства стремились подключиться к новым проектам разведки, освоению и экспорту углеводородов Центрально-азиатского и Каспийского регионов. При том, что для них нефть и газ Каспия были лишь теми «блюдами», которые еще только предстояло распробовать [8]. Тем не менее, борьба за доступ к нефти и газу Центральной Азии, выбор будущих маршрутов экспорта, привели к геополитической и экономической конкуренции между заинтересованными региональными и внерегиональными игроками [9].

ИМИТАЦИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ

К 2015-2016 годам страны Центральной Азии завершили длительный этап по созданию новых трубопроводов. Экспортные газопроводы и нефтепроводы нарушили монопольное положение России, как и основного транзитера и потребителя, и создали условия для выхода центрально-азиатских ресурсов на внешний рынок. Однако строительство новых трубопроводов, идущих из стран Центральной Азии не снизило их зависимость от соседних государств, которые выступают в качестве основных потребителей углеводородных ресурсов. Так, в 2015 году Китай завершил сооружение второй и третьей «ниток» трубопровода

Туркменистан — Китай, что позволило Пекину довести потенциально максимальный объем импорта газа до 55 млрд м³ в год. Однако затем китайская сторона уменьшила интерес к туркменскому газу, что было связано с развитием собственной добычи. Это привело к переносу сроков строительства четвертой «ветки» газопровода протяженностью 210 км и мощностью 30 млрд м³. Трубопровод должен был соединить действующую систему газопроводов на территории Узбекистана со строящимся участком в Таджикистане. В марте 2017 года компании «Узбекнефтегаз» и китайская национальная нефтегазовая корпорация отложили реализацию проекта [10]. Однако уже в 2018 году в связи с активизацией политики ЕС, который усилил интерес к туркменским ресурсам, Китай изменил свою политику, выразив готовность приступить к прокладке газопровода Туркменистан — Китай по территории Таджикистана.

Временное снижение заинтересованности Китая в расширении мощности экспортного газопровода происходило на фоне пересмотра принципов сотрудничества с Туркменистаном со стороны России и Ирана. Во втором десятилетии XXI века поставки туркменского газа в Россию неуклонно снижались, а с января 2016 года экспорт газа через российскую территорию был прекращен. Прежде всего, это было связано с отсутствием спроса на туркменские углеводородные ресурсы на европейском рынке, куда он длительное время поставлялся через российскую территорию, а также расхождением подходов двух стран к ценообразованию.

Непросто складывались отношения Туркменистана с Ираном. Туркменская сторона могла экспортировать газ в Иран по двум трубопроводам, построенным в 1997 году и в 2010 году. Для Ирана, который с середины 1990-х годов находился под санкциями

западных стран, строительство газопроводов, идущих из Туркменистана, позволяло решать текущие экономические задачи, связанные с поставками газа в северо-восточные области страны, удаленных от основных иранских газовых месторождений. Максимально возможный объем поставок мог быть доведен до 20 млрд м³. Однако Тегерану столько газа никогда не требовалось и Туркменистан ежегодно экспортировал в Иран в среднем около 8 млрд м³. В свою очередь, иранское направление рассматривалось Ашхабадом в качестве перспективного маршрута экспорта углеводородных ресурсов. Туркменистан рассчитывал увеличить поставки до 14 млрд м³, а в перспективе реализовать проект строительства газопровода в Европу, который должен был проходить через иранскую территорию. Однако данные планы не были реализованы. Более того, в конце 2016 года отношения двух стран ухудшились. Причиной послужила неурегулированность вопроса о долге Ирана в размере 1,8 млрд долл., который образовался в 2007-2008 годах за поставки туркменского газа. Иранская сторона отказалась выполнить требование Туркменистана, который с января 2017 года в качестве ответной меры прекратил поставлять газ в северо-восточные области Ирана. Однако данные действия Ашхабада не изменили позицию иранской стороны. В последние годы Иран осваивает месторождение Южный Парс и создает инфраструктуру для поставок собственного газа в северо-восточные области страны. Для этого был построен газопровод, задействован автомобильный и железнодорожный транспорт. В результате, после 2016 года Иран смог самостоятельно обеспечить внутренние потребности, что снизило его заинтересованность в приобретении туркменского газа. К началу 2018 года, Иран и Туркменистан не сумели возобновить

сотрудничество в энергетической сфере. В итоге, единственным покупателем туркменского газа оказался Китай.

Расчеты Ашхабада на поставки газа в западном направлении — в Европу также не оправдались. Периодически ЕС инициирует переговоры о строительстве Транскаспийского газопровода, который должен создать возможности для транспортировки туркменского газа на европейский рынок. Однако пока дальше политических заявлений проект не продвинулся. Сказывается нерешенность вопроса о статусе Каспийского моря в пятистороннем формате. Строительству газопровода препятствуют неясные перспективы относительно уровня добычи газа в Туркменистане, расхождение интересов между Ашхабадом и Баку, поскольку азербайджанская сторона заинтересована в поставках в Европу собственных углеводородных ресурсов.

Таким образом, пример Туркменистана показывает, что экспорт углеводородных ресурсов этой страны по-прежнему находится в сильной зависимости от политики соседних государств, прежде всего, России, Ирана и Китая. Новые экспортные трубопроводы открыли странам региона дополнительные возможности. Однако это не привело к повышению энергетической независимости центрально-азиатских стран.

КУРС НА ДИВЕРСИФИКАЦИЮ МАРШРУТОВ ЭКСПОРТА

Несмотря реализацию ряда трубопроводных проектов, во втором десятилетии XXI века страны Каспийского региона и Центральной Азии стремились расширить возможности для экспорта углеводородных ресурсов. Усиление интереса к реализации новых экспортных трубопроводов в значительной мере произошло под влиянием России, Ирана и Китая [11], поскольку эти страны стали пересматривать характер со-

трудничества с государствами Центральной Азии в энергетической сфере. В первую очередь, это было связано со снижением у них потребности в получении дополнительных объемов углеводородных ресурсов, а также изменением геополитической ситуации в Центральной Азии и характера отношений Ирана с западными странами.

Одновременно страны региона приступили к освоению новых крупнейших месторождений. С 2016 года Казахстан начал добычу нефти на месторождении «Кашаган», с которым связаны планы по наращиванию добычи и поставкам нефти на внешний рынок. Туркменистан осваивает газовое месторождение «Галкыныш». Соответственно, со строительством новых трубопроводов, которые должны связать страны региона с новыми потребителями углеводородного сырья, страны Центральной Азии связывают большие надежды.

В последние годы одним из резонансных трубопроводных проектов является проект газопровода Туркменистан — Афганистан — Пакистан — Индия (ТАПИ). Данный проект обсуждался с 90-х годов прошлого века, однако так и не был построен. Тем не менее, Ашхабад сохранял интерес к проекту, пытаясь привлечь к строительству газопровода потенциальных участников. Мощность трубопровода, протяженностью 1800 км должна была составить 33 млрд м³ при стоимости в 10 млрд долл.

С учетом позиции Ирана, который утратил интерес к туркменскому газу и Китая, который стал единственным покупателем углеводородных ресурсов, добываемых Ашхабадом, ТАПИ рассматривался Туркменистаном в качестве альтернативы иранскому и китайскому направлению экспорта. Кроме того, Туркменистан рассматривает Индию в качестве перспективного потребителя углеводородных ресурсов. В случае

реализации ТАПИ Туркменистан сможет диверсифицировать поставки своего газа на внешние рынки, снизив зависимость от других направлений экспорта.

В конце 2015 года Туркменистан начал реализацию проекта ТАПИ, приступив к прокладке «трубы» на своей территории. В созданном для этого консорциуме доли были распределены следующим образом: 51% принадлежит Туркменистану, остальная часть — Афганистану, Пакистану, Индии и внешним инвесторам. Ресурсной базой для газопровода ТАПИ должно стать газовое месторождение «Галкыныш».

На пути реализации проекта стоят различные преграды. Часть маршрута должна пройти по территории Афганистана, где сохраняется нестабильность. Кроме того, проект ТАПИ выступает конкурентом газопроводу Центральная Азия — Китай и не отвечает интересам Ирана. Тегеран заинтересован в строительстве газопровода, идущего в Индию через территорию Пакистана (Иран — Пакистан — Индия (ИПИ)), обходя при этом нестабильный Афганистан.

В феврале 2018 года началось строительство трубопровода ТАПИ на афганской территории. Началу реализации данного участка трубопровода предшествовали переговоры Туркменистана с руководством Афганистана, которое заявило о готовности обеспечить безопасность будущего газопровода. В случае реализации проекта ТАПИ расстановка сил в регионе может кардинально измениться. Туркменистан получит дополнительные возможности для экспорта своего газа на внешние рынки и снизит зависимость от Китая.

Наряду с продвижением проекта ТАПИ, в последние годы Ашхабад обсуждает с ЕС возможности экспорта своего газа на европейский рынок. В июне 2015 года по итогам переговоров между Туркменистаном, Азербайджаном, Турцией и ЕС было приня-

то решение о создании постоянной рабочей группы, которая должна была проработать различные варианты доставок туркменского газа в Европу. Один из них предполагал строительство Транскаспийского газопровода по дну Каспийского моря. Данная инициатива ЕС преследовала политические интересы. Европейский Союз заинтересован усилить влияние на Туркменистан, добиваясь от него взаимодействия в энергетической сфере.

Казахстан и Азербайджан оперативно отреагировали на заявление представителя ЕС. В декабре 2017 года были созданы две рабочие группы по вопросам транспортировки казахстанских нефти и газа через Азербайджан на внешние рынки. Впрочем, планы Казахстана и Туркменистана по экспорту газа в Европу в ближайшие годы практически не имеют шансов на реализацию. Прежде всего, против строительства Транскаспийского газопровода выступают Россия и Иран, что уменьшало шансы на его реализацию [12]. Выход Ирана из режима санкций, введенных западными странами в 90-х годах, скорректировал его энергетическую политику, в том числе, в Центральной Азии. Иран намерен стать одним из главных поставщиков газа в западном (европейском) и восточном (китайском) направлениях, потеснив прикаспийские государства. К 2021 году Иран намерен экспортировать до 80 млрд м³ газа, что сделает его основным конкурентом Азербайджану и Туркменистану. Соответственно Иран, заинтересованный экспортировать собственные ресурсы, вряд ли согласится осуществлять транзит казахстанского и туркменского газа по своей территории в Европу.

Амбициозные планы по наращиванию добычи и экспорта нефти имеет Казахстан. В конце 2016 года Казахстан начал добывать нефть на месторождении «Кашаган»

в промышленных масштабах. Ожидается, что объем добычи на этом месторождении в последующие годы возрастет до 13 млн т в год и 9 млрд м³ газа. Это позволит Казахстану рассчитывать на рост экспорта по нефтепроводу Западный Казахстан — Китай.

Таким образом, страны Каспийского региона и Центральной Азии вступили в новый период своего развития, проводя политику дальнейшей диверсификации экспортных маршрутов. Туркменистан, который считался лидером по запасам газа, в последние годы экспортировал на внешние рынки, главным образом в Китай, около 30 млрд м³. Еще по 10 млрд м³ в Китай поставлял Узбекистан и Казахстан.

ТРАНСКАСПИЙСКИЙ ГАЗОПРОВОД

В последние годы возобновилось обсуждение проекта Транскаспийского газопровода, который предполагается прокладывать по дну Каспия. Его реализацию поддерживает ряд прикаспийских государств, а информационно-политическую поддержку оказывают западные страны и международные финансовые структуры.

Трубопровод, который должен был связать Туркменистан и Азербайджан, обсуждался с 1990-х годов. Изначально проект Транскаспийского газопровода был направлен на то, чтобы обеспечить экспорт туркменского газа в западном направлении. Его разработка и продвижение пришлось на период, когда западные страны соперничали с Россией за пути транспортировки потенциальных объемов нефти и газа, которые предполагалось добывать в регионе в перспективе. Кроме того, все новые прикаспийские государства стремились диверсифицировать маршруты экспорта углеводородных ресурсов. Появлению и активному обсуждению проекта Транскаспийского газопровода способствовал бум прогнозов об объемах добычи нефти и газа

в Каспийском регионе. Согласно представленным в тот период данным, которые целенаправленно шли от заинтересованных игроков, Каспийский регион должен был занять чуть ли не лидирующее место в мире по добыче углеводородных ресурсов.

Однако Транскаспийский газопровод так и не был построен в силу объективных причин. Во-первых, были обнаружены значительные запасы газа в Азербайджане. Это снизило интерес Баку к строительству газопровода из Туркменистана, поскольку Азербайджану не нужны были туркменские углеводороды. Затем, основным объемом газа, который добывался на туркменских газовых месторождениях, стал транспортироваться в сторону Китая. Это позволило Ашхабаду на время решить вопрос экспорта газа и также снизило интерес к прокладке трубопровода в стороны европейского газового рынка.

Несмотря на невысокие темпы добычи газа в прикаспийских странах, а также его разбор по разным географическим направлениям, интерес к проекту Транскаспийского газопровода настойчиво поддерживается ЕС и США. На Западе его реализацию преподносят в качестве диверсификации маршрутов экспорта углеводородных ресурсов. Однако в реальности, проект используется как политический инструмент давления на прикаспийские страны, которые находятся в фокусе внимания ЕС и США. Более того, в отношении проекта развернута масштабная информационная кампания, на подобие той, которая шла в 90-х годах прошлого века вокруг новых экспортных трубопроводов. Многочисленные публикации в западных исследовательских центрах, визиты представителей ЕС и США в Туркменистан — эти и другие шаги направлены на сохранение «в живых» проекта Транскаспийского газопровода.

При этом полностью игнорируются положения Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, которая была подписана президентами пяти прикаспийских государств в августе 2018 года. В документе четко изложены условия прокладки трубопроводов по дну Каспия. Так, стоит напомнить, что Конвенция определяет условия, при которых прикаспийские страны могут реализовывать проекты магистральных трубопроводов, идущих по дну Каспия. В статье 14 Конвенции отмечается, что «Стороны могут прокладывать подводные магистральные трубопроводы по дну Каспийского моря при условии соответствия их проектов экологическим требованиям и стандартам, закрепленным в международных договорах, участниками которых они являются, включая Рамочную конвенцию по защите морской среды Каспийского моря и соответствующие протоколы к ней». Это означает, что прокладку трубопроводов по дну Каспия необходимо рассматривать только в «пакете» с Протоколом по оценке воздействия на окружающую среду в трансграничном контексте (ОВОС) к Рамочной Тегеранской конвенции 2003 года.

Документ был принят прибрежными странами 20 июля 2018 года, до проведения саммита президентов прикаспийских государств. В нем закреплено право каждой из стран участвовать в экологической экспертизе для выяснения степени влияния на природную среду Каспия предлагаемого к реализации проекта. Соответственно, заключения по экологии, подготовленного одним из прикаспийских государств, уже будет недостаточно. В этот процесс должны быть вовлечены все заинтересованные стороны. В соответствии с Протоколом, оценка должна проводиться в отношении труб большого диаметра, предназначенных для транспортировки нефти и газа. Таким образом, любое из прикаспийских госу-

дарств сможет принять участие в оценке возможных последствий от прокладки подводной трубы, еще на этапе ее проектирования. Наконец, в той же статье Конвенции по статусу содержится положение, согласно которому «определение трассы для прокладки подводных кабелей и трубопроводов осуществляется по согласованию со Стороной, через сектор дна которой должен быть проведен подводный кабель или трубопровод».

Политизация вопросов, связанных с реализацией проекта Транскаспийского газопровода, проходит на фоне отсутствия ярких событий в энергетике стран региона. В последние годы в прикаспийских государствах не наблюдается резкого роста добычи углеводородного сырья. Все данные и прогнозы говорят о том, что пока не стоит ожидать появления дополнительных объемов газа в Туркменистане. Ресурсы именно этой страны должны были бы наполнить Транскаспийский газопровод. Однако ситуация с загрузкой уже действующих экспортных трубопроводов, в которые поступает туркменский газ, не столь радужна. По газопроводу Туркменистан — Китай экспортировалось 36 млрд м³ газа, при том, что мощность «трубы» составляет 55 млрд м³. Трубопроводы в иранском направлении наполнялись туркменским газом не более чем на 8 млрд м³ газа в год, хотя были рассчитаны на 20 млрд м³. Впрочем, уже несколько лет Туркменистан не имеет и этой возможности.

Азербайджанская сторона политически поддерживает проект Транскаспийского газопровода, хотя туркменский и азербайджанский газ сейчас являются конкурентами. Голубое топливо с азербайджанского морского месторождения «Шах-Дениз II» призвано наполнить создаваемый совместно с Турцией газопровод в Европу ТАНАП. Важно также учитывать принципиальную позицию

Ашхабада о том, что газ он планирует продавать на границе, далее — то есть в гипотетической каспийской трубе — топливо становится собственностью покупателя.

Несмотря на данные по добыче и экспорту, ряд прикаспийских стран и западных государств поддерживают интерес к проекту Транскаспийского газопровода. Прежде всего, это связано с желанием молодых прикаспийских государств сохранить интерес со стороны нефтегазовых компаний к проектам добычи. Сложности, с которыми на практике сталкиваются консорциумы при разработке каспийских месторождений, снизили их интерес к углеводородным ресурсам региона. Они в большей степени рассматриваются как перспективные запасы, роль которых может возрасти в будущем. Кроме того, прикаспийские страны стремятся использовать в своих интересах геополитическую конъюнктуру. Санкции Запада против России, преюбилитетность энергетической политики ЕС и США, направленных на прокладку трубопроводов, идущих в обход России, усиливают заинтересованность прикаспийских государств использовать эти факторы в собственных интересах.

Отсюда и разные трактовки положений Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Некоторые комментаторы продвигают позицию, что Конвенция о правовом статусе позволяет любой прибрежной стране прокладывать магистральные трубопроводы по дну Каспия без согласования с соседями по водоему, то есть без процедуры ОВОС. Так искажается реальное содержание юридических обязательств, принятых на себя всеми сторонами, что может создать превратное представление у потенциальных инвесторов и создать нездоровый ажиотаж. В значительной части публикаций, которые продвигают западные исследовательские центры и некоторые прикаспийские государства, выдвигается тезис,

что после подписания Конвенции о правовом статусе Каспия раздел моря состоялся, что открывает новые возможности для строительства трубопроводов, идущих по дну Каспийского моря. Подобные публикации способствуют активизации переговорного процесса Туркменистана и Азербайджана с ЕС и США, однако создают ненужные барьеры на пути к реализации регионального взаимодействия на Каспии.

В сложившихся условиях Россия стремится расширять политическое сотрудничество с прикаспийскими государствами, подкрепляя его конкретными договоренностями в сфере энергетики. В последнее время вновь активизировались взаимоотношения России с Туркменистаном в энергетической сфере. В конце 2018 года Россия и Туркменистан возобновили переговоры о сотрудничестве в газовой сфере, которое было прекращено в начале 2016 года. Для Туркменистана, который оказался в зависимости от Китая, поставляя свой газ только в китайском направлении, диверсификация маршрутов экспорта являлась ключевой задачей. Россия, возобновляя закупки туркменского газа, усиливала сотрудничество с Ашхабадом, одновременно снижая вероятность переориентации поставок туркменского газа в западном направлении. Тем более, что к этому Туркменистан активно подталкивали ЕС и США, оказывая политическую поддержку проекту Транскаспийского газопровода. В результате переговоров, в апреле 2019 года «Газпром» возобновил закупки туркменского газа. По краткосрочному контракту, который действовал с 15 апреля по 30 июня 2019 года объем поставок составил 1,2 млрд м³. Затем, 1 июля 2019 года «Газпром» заключил контракт на закупку природного газа у «Туркменгаз» сроком на пять лет. Ежегодно российская компания должна будет закупать до 5,5 млрд м³ газа в год.

На фоне заключения соглашения между Россией и Туркменистаном о поставках туркменского газа через российскую территорию, Ашхабад, тем не менее, проводил работу по подписанию рамочного соглашения о поставках своего «голубого топлива» в Европу. В июле 2019 года Туркменистан посетила Верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Ф. Могерини.

Таким образом, объективных предпосылок к строительству Транскаспийского газопровода пока нет, равно как и не обозначено пока конкретного пула инвесторов либо операторов проекта. У туркменской стороны отсутствуют необходимые объемы газа, сохраняется конкуренция между странами-поставщиками за европейский газовый рынок. Свои проекты предлагает и Иран, который также конкурирует с туркменским и азербайджанским газом. Второй фактор, снижающий потенциальную активность на этом направлении — это экология. Прежде чем прокладывать трубопроводы по дну Каспия, заинтересованные стороны должны будут провести дорогостоящую экспертизу, включающую общественные слушания и ряд других публичных процедур, которая может занять немало времени. Лишь в случае получения положительного решения, а также внесения соответствующих корректировок в планы строительства можно будет приступить к практической реализации трубопроводного проекта. Любой серьезный консорциум инвесторов и операторов подобного рода масштабных проектов просто обязан учитывать эти факторы и взвешивать все возможные риски.

Очевидно, что прорыва в добыче и экспорте углеводородных ресурсов из региона в перспективе ждать не приходится. Каспийские регион не встанет в один ряд с Персидским заливом. В тоже время, ненужная, зачастую искусственная конку-

ренция трубопроводных проектов, подталкивание отдельных стран к принятию односторонних действий, без учета интересов соседних государств может провоцировать рост региональной напряженности. Политика Запада, который упорно реанимирует обсуждение проекта Транскаспийского газопровода, направлена на снижение доверия в рамках «каспийской пятерки» и уровня взаимодействия в экономической и транспортной сферах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Углеводородные и водные ресурсы Центральной Азии по-прежнему остаются в центре внимания государств региона. С экспортом нефти и газа на внешние рынки и обеспечением надежного и стабильного доступа центрально-азиатских стран к водным ресурсам связано дальнейшее развитие региона, укрепление политических институтов государств, которые расположены в регионе. В тоже время, пока не приходится ожидать прорыва в решении региональных проблем, поскольку углеводородные ресурсы Центральной Азии находятся на значительном удалении от внешних рынков [13]. Географическая изолированность ограничивает экспортные возможности стран региона.

Первый этап геополитического соперничества за доступ к углеводородным ресурсам Центральной Азии и выбор маршрутов транспортировки дополнительных объемов нефти и газа, которые стали добывать страны региона, завершился [14]. Выбор был сделан в пользу восточного вектора — в направлении Китая. Новые трубопроводные проекты в европейском направлении по объективным причинам реализованы не были, а Россия сохранила за собой контроль над частью экспорта нефти и газа. Несмотря на это, Казахстан и Туркменистан, обладающие наибольшими запасами

ми углеводородного сырья в Центральной Азии, не отказались от планов расширить не только географию трубопроводных маршрутов, но и увеличить количество направлений экспорта.

В 2016-2019 годах интерес к инфраструктурным проектам в Каспийском регионе и Центральной Азии усилился. Страны оказались вовлечены в обсуждение и реализацию новых проектов экспорта углеводородных ресурсов, рассчитывая с их помо-

щью укрепить позиции в регионе. В то же время, основываясь на динамике добычи нефти и газа в странах Каспийского региона и в Центральной Азии и учитывая объективно существующие экономические и технологические трудности, которые стоят на пути осуществления добычи и экспорта углеводородов, сложно ожидать стремительного роста объемов нефти и газа, поставляемых на внешний рынок.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Старченков Г.И. Нефть Каспия и пути ее транспортировки /Мусульманские страны у границ СНГ. Москва: Институт Востоковедения РАН, Крафт+; 2001. С.298.
2. Schreiner B. Doc. 9635 Europe and the Development of Energy Resources in the Caspian Sea Region. 2003 Ordinary Session (first Part), Documents 9519, 9568 and 9576-9639. Council of Europe: Parliamentary Assembly. *Working Papers*. 2003;1:303-315.
3. Калюжный В.И. выступление на конференции «Нефть и газ Каспийского и Черного морей». Стамбул (Турция), 2003. 27 мая. *Вестник Каспия*. 2003;3:7-12.
4. Рожков И.С. Ретроспектива каспийских саммитов: от стабильности к прогрессу. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4(3):210-220.
5. Pop I. China's Energy Strategy in Central Asia: Interaction with Russia, India and Japan. *UNISCI Discussion Papers*. 2010;24:200-205.
6. Peyrouse S. Turkmenistan: Strategies of Power, Dilemmas of Development: Strategies of Power, Dilemmas of Development. Routledge; 2015. 264 p.
7. Дадабаева З.А., Кузьмина Е.М. Процессы регионализации в Центральной Азии: проблемы и противоречия. Москва: Институт экономики РАН; 2014. С.33.
8. Зонн И.С. Каспий: иллюзии и реальность. Москва: Коркис; 1999. 467 с.
9. Amineh M.P. Impact of the Caspian Energy Supply on the Global Market. *AtlantishPerspectiev*. 2003;27(7-8):27-33.
10. Dadabaev T. «Silk Road» as foreign policy discourse: the construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*. 2018;1:30-41.
11. Griffith B. Back Yard Politics: Russia's Foreign Policy Toward the Caspian Basin. *The Journal of Post-Soviet Democratization*. 1998;6:426-441.
12. Sokolsky R., Charlick-Paley T. Caspian Oil and Energy Security. In NATO and Caspian Security: A Mission Too Far? RAND Corporation; 1999. p.69-80.
13. Manning R. The Myth of the Caspian Great Game and the «New Persian Gulf». *The Brown Journal of World Affairs*. 2000;8:15-33.
14. Umbach F., Raszewsk S. Strategic Perspectives for Bilateral Energy Cooperation between the EU and Kazakhstan Geo-Economic and Geopolitical Dimensions in Competition with Russia and China's Central Asia Policies. Konrad-Adenauer-Stiftung; 2016. 70 p.

REFERENCES

1. Starchenkov G.I. Caspian oil and its transportation / Muslim countries near the borders of the CIS. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS. Moscow: Kraft+; 2001. p. 298. (in Russ.)
2. Schreiner B. Doc. 9635 Europe and the Development of Energy Resources in the Caspian Sea Region. 2003 Ordinary Session (first Part), Documents 9519, 9568 and 9576-9639. Council of Europe: Parliamentary Assembly. *Working Papers*. 2003;1:303-315.
3. Kalyuzhny V.I. "Exhibiting the oil and gas Caspian and Black seas at the conference", Istanbul. 27 On May. 2003. *Caspian Bulletin*. 2003;3:7-12 (in Russ.)
4. Rozhkov I.S. In the Face of the Strategic Choice: New Imperatives of World Policy. *Post-Soviet Issues*. 2017;4(3):210-220. (In Russ.)
5. Pop I. China's Energy Strategy in Central Asia: Interaction with Russia, India and Japan. *UNISCI Discussion Papers*. 2010;24:200-205.
6. Peyrouse S. Turkmenistan: Strategies of Power, Dilemmas of Development: Strategies of Power, Dilemmas of Development. Routledge; 2015. 264 p.
7. Dadabaeva Z. A., Kuzmina E. M. regionalization Processes in Central Asia: problems and contradictions. Moscow: Institute of Economics RAS; 2014. P. 33. (in Russ.)
8. Zonn I. S. the Caspian: illusion and reality. Moscow: Korkis; 1999. 467 p. (in Russ.)
9. Amineh M.P. Impact of the Caspian Energy Supply on the Global Market. *AtlantishPerspectiev*. 2003;27(7-8):27-33.
10. Dadabaev T. «Silk Road» as foreign policy discourse: the construction of Chinese, Japanese and Korean engagement strategies in Central Asia. *Journal of Eurasian Studies*. 2018;1:30-41.
11. Griffith B. Back Yard Politics: Russia's Foreign Policy Toward the Caspian Basin. *The Journal of Post-Soviet Democratization*. 1998;6:426-441.
12. Sokolsky R., Charlick-Paley T. Caspian Oil and Energy Security. In NATO and Caspian Security: A Mission Too Far? RAND Corporation; 1999. p.69-80.
13. Manning R. The Myth of the Caspian Great Game and the «New Persian Gulf». *The Brown Journal of World Affairs*. 2000;8:15-33.
14. Umbach F., Raszewsk S. Strategic Perspectives for Bilateral Energy Cooperation between the EU and Kazakhstan Geo-Economic and Geopolitical Dimensions in Competition with Russia and China's Central Asia Policies. Konrad-Adenauer-Stiftung; 2016. 70 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1; sszhiltsov@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia; sszhiltsov@mail.ru

Охрана природы в Израиле

Николай С. Орловский^а, Лия Г. Орловская^б, Игорь С. Зонн^с

^{а, б} *Институт изучения пустынь им. Блауштейна*

Университета Неgev им. Бен-Гуриона, Израиль,

nicolai@bgu.ac.il

^с *Московский Университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия,*

zonnis@list.ru

Аннотация: В такой стране, как Израиль, с высокими темпами индустриализации и урбанизации, охрана природы играет важную роль в обеспечении биоразнообразия природной среды. Признание необходимости защиты драгоценных природных и ландшафтных ресурсов Израиля привело к принятию многочисленных законов об охране природы и диких животных. Эти законы обеспечивают юридическое обоснование деятельности по защите окружающей среды, природных ресурсов, диких животных, уникальных уголков природы и мест, представляющих научный и образовательный интерес в Израиле.

Географическое положение Израиля на стыке трех континентов, а также соединение различных климатических и ботанических регионов, привели к возникновению уникального по своему обилию и составу растительного и животного мира. Богатство биологического разнообразия Израиля выражается в 2800 видах растений (150 из которых эндемики Израиля), 8 видах земноводных, 80 видах рептилий, 450 видов птиц и 70 видов млекопитающих. Для охраны биоразнообразия природной среды на территории Израиля образовано 224 природных заповедников и 203 национальных парков. В результате около 23% территории Израиля являются охраняемыми природными заповедниками и национальными парками. Вместе заповедники и парки представляют весь спектр природного наследия Израиля — средиземноморские леса, прибрежные и водные ландшафты, песчаные дюны, пустынные и кратерные пейзажи и оазисы — а также его уникальное археологическое и историческое наследие.

В последние годы правительственные и общественные организации сосредоточили внимание на разработке программ управления окружающей средой для мониторинга и обеспечения необходимого качества воды, воздуха, переработки и утилизации твердых отходов. Впечатляющие достижения были сделаны в таких областях, как реинтродукция хищных и библейских видов, защита морских черепах, подтопление долины Хула и сохранение перелетных птиц. Инициативы правительства сопровождались растущим участием общественности. Экологическое образование, осведомленность и активность общественности значительно возросли, о чем свидетельствует резкий рост числа неправительственных экологических организаций — от единиц в начале 90-х годов до более ста в настоящее время. Уделяется больше внимания сбору и публикации экологических данных.

Ключевые слова: охрана природы, заповедники, национальные парки, экообразование

Для цитирования: Орловский Н.С., Орловская Л.Г., Зонн И.С. Охрана природы в Израиле. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):336-354. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-336-354>

Статья поступила 16.09.2019

Принята в печать 10.11.2019

Опубликована 02.12.2019

Environment Protection in Israel

Nicolai S. Orlovsky^a, Leah G. Orlovsky^b, Igor S. Zonn^c

^{a,b} Blaustein Institute for Desert Research Ben-Gurion University of the Negev, Israel,
nicolai@bgu.ac.il

^c The Moscow Vite S.Yu. University, Moscow, Russia,
zonnis@list.ru

Abstract: In such country as Israel with its high industrialization and urbanization rates the environment protection is of key importance for preserving the biodiversity of nature. Awareness of the need to protect precious natural resources and landscapes of Israel forced to pass numerous laws on protection of nature and wild animals. These laws provide legal basis for protection of environment, natural resources, wild animals, unique nature features and places being of scientific and educational value in this country.

Israel locates at the juncture of three continents combining different climatic and botanical regions which have led to appearance of the unique, by diversity and composition, plant and animal world. In Israel you can find 2800 plant varieties (of which 150 are endemics), 8 species of amphibia, 80 species of reptiles, 450 species of birds and 70 species of mammals. For protection of natural biodiversity there were established 224 nature preserves and 203 and historical heritage deserves special mention.

In the recent years the governmental and public organizations have focused on development of the programs on environment management for monitoring and ensuring the required quality of water and air and for processing and utilization of solid wastes.

Quite spectacular achievements are observed in reintroduction of predatory and bible species, protection of sea turtles, impoundment of the Hula valley and preservation of migratory birds. The government's initiatives were welcomed by the public that joined in national parks which cover around 23% of the territory of Israel. The nature preserves and national parks represent the whole range of the natural heritage of Israel: Mediterranean forests, coastal and water landscapes, sand dunes, desert and crater landscapes and oases, while the unique archeological these activities. The environmental education, awareness and activities of the society have increased enormously which is proved by the growing number of nongovernmental environmental organizations — from a few in the 1990s to over one hundred nowadays. The greater attention is paid to collection and publication of environmental data.

Keywords: nature conservation, reserves, national parks, ecoeducation

For citation: Orlovsky N.S., Orlovsky L.G., Zonn I.S. Environment Protection in Israel. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):336-354. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-336-354>

Received 16.09.2019

Revised 10.11.2019

Published 02.12.2019

Ранее по данной тематике были опубликованы две статьи «Водные ресурсы Израиля: опыт освоения»¹ и «Роль технологии в предотвращении процессов опустынивания в Израиле»².

ВВЕДЕНИЕ

Небольшой по площади Израиль отличается невероятным разнообразием физических и климатических условий и поразительным богатством растительного и животного мира. Протяженность страны с севера на юг составляет всего 470 километров, но при этом она являет такое разнообразие ландшафтов, какое в других странах возможно лишь на расстояниях в тысячи и более километров. Этому удивительному многообразию способствуют два фактора: география и топография [1].

В силу большого географического и топографического разнообразия чрезвычайно многообразны и биологические формы. На севере возвышается гора Хермон с ее снежными склонами и альпийской фауной и флорой, а на юге раскинулся Эйлатский залив с его потрясающей красоты коралловыми рифами и рыбами фантастических расцветок, представляющими тропическую фауну. Между этими двумя крайностями лежат засушливые пустынные районы, цве-

тующие оазисы, зеленые средиземноморские леса и самая низкая точка на земле — Мертвое море.

Израиль служит местом встречи трех фитогеографических регионов: средиземноморского, ирано-туранского и сахаро-аравийского (или сахаро-синдского) — и демонстрирует исключительное по своему разнообразию собрание трав, особенно однолетних и геофитных, типичных для всех трех регионов. По территории Израиля проходит южная граница растений средиземноморской зоны. Представители растительного мира Сахары и азиатских пустынь в этой точке планеты заходят выше всего на север и встречаются здесь с ирано-туранскими видами, для которых Израиль служит западной границей распространения. Территория Израиля — самый северный предел для таких растений, как египетский папирус, и самый южный для других, подобных ярко красному коралловому пиону [1].

Особое географическое положение Израиля на стыке трех континентов и климатические изменения, которым этот район подвергался на протяжении тысячелетий, привели к возникновению уникального по своему обилию и составу растительного и животного мира. Богатство биологиче-

¹ Орловский Н.С., Зонн И.С. Водные ресурсы Израиля: опыт освоения. Проблемы постсоветского пространства. 2018;5(1):8-35.

² Орловский Н.С., Зонн И.С. Роль технологий в предотвращении процессов опустынивания в Израиле. Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1. Экономика и управление. 2019;3:48-66.

ского разнообразия Израиля выражается в 2800 видах растений (150 из которых эндемики Израиля), 8 видах земноводных, 80 видах рептилий, 450 видов птиц и 70 видов млекопитающих [1,2,3,4]. На его небольшой территории встречаются две совершенно разных и даже противоположных климатических зоны — Средиземноморская на севере и пустыня Негев на юге. Центральная часть Израиля является переходной зоной между этими двумя биогеографическими регионами, где пустынная флора и фауна постепенно заменяется средиземноморской. Израиль — это земля евразийских дубов и африканских акаций, евразийских лис и волков и африканских газелей. Это место слияния континентов, флоры и фауны.

ОХРАНА ПРИРОДЫ

Высокие темпы индустриализации и развития сельского хозяйства, быстрый рост населения и урбанизация в первое десятилетие после создания государства Израиль нанесли ущерб многим видам животных и растений в стране. Вред проявлялся на разных уровнях тяжести, начиная от географического распространения и заканчивая полным исчезновением отдельных видов флоры и фауны. Понимание того, что исчезновение какого-то вида может иметь чрезвычайно серьезные последствия, не поддающиеся исправлению в будущем, делает защиту биоразнообразия природной среды и уникальных ландшафтов в такой небольшой стране, как Израиль, особенно сложной. Поэтому охрана природы требует чрезвычайной бдительности и активности, что является общей задачей как государственных органов, так и неправительственных объединений.

У истоков израильского движения охраны окружающей среды стояли небольшие объединения любителей природы. При-

мыкали к ним и ученые, которых тревожила реализация таких спорных проектов, как осушение заболоченной долины Хула, расположенной севернее озера Кинерет. Заболоченная площадь составляла примерно 65 км². Здесь обитало свыше 6000 индийских буйволов, несметное количество диких свиней, бобров, черепах и камышовых кошек. В озерах и болотах проживали десятки тысяч пернатых, много видов редких рыб и растений, создавая особый удивительный мир флоры и фауны. В 1951—1958 гг. проводились работы по осушению озера с целью борьбы с малярией и высвобождения земельных массивов под сельскохозяйственные нужды). Осознавая, что полное исчезновение болот Хулы приведет к гибели уникальной флоры и фауны, защитники природы добились сохранения небольшого участка озера в качестве природного заповедника. Их успешная кампания гарантировала не только выживание среды обитания Хула, но и рождение израильского природоохранного движения. Защитники Хулы объединились и создали Общество охраны природы, одной из целей которого стала задача сохранения уникальной природы долины [5].

Со временем правительство Израиля осознало, что не все земли в результате осушения болот, пригодны для сельского хозяйства. Более того, иногда сельскохозяйственные процессы загрязняют почву и воду, а это губит уникальный растительный и животный мир долины. В результате в 1956 г. правительством был создан при Министерстве главы правительства специальный Отдел по охране природы и исторических памятников, при котором в 1963 г. были созданы Управление национальных парков и Управление национальными заповедниками [6].

С 1970-х годов израильское общественное экологическое сознание начало разви-

ваться в ногу с мировой тенденцией, хотя более медленными темпами. Рост общественного сознания вместе с давлением ученых-экологов заставил правительство учитывать экологические проблемы при принятии решений. В 1972 г. в качестве первого шага в создании всеобъемлющей и современной природоохранной администрации в Израиле, было решено создать Службу Охраны Окружающей Среды (СООС). Она была образована в 1973 г. и отвечала за консультации различных правительственных министерств по вопросам экологии. В следующие годы после её учреждения, СООС способствовала формированию представлений о сохранении окружающей среды в общественном сознании и созданию контролирующих структур в Израиле. Важной ролью СООС было внедрение обязательной подготовки «оценки экологических рисков» для всех планировавшихся и строящихся крупных объектов на стадии получения разрешений на строительство. Это способствовало созданию надзора и систем мониторинга для водных источников, побережья и загрязнения воздуха, в кооперации с международными программами и соглашениями [7].

Несмотря на успех СООС в повышении экологического понимания среди лиц, принимающих решения, были ограничения по внедрению, что мешало возможности СООС планировать и осуществлять долгосрочную экологическую политику. По этим причинам в 1988 г. было образовано Министерство окружающей среды (переименованное в 2006 г. в Министерство охраны окружающей среды), чтобы сконцентрировать экологическую ответственность, разработку экологической политики и ее реализацию, которые были перед этим рассеяны среди различных государственных министерств таких как Министерство внутренних дел, Министерство здравоохранения

и Министерство сельского хозяйства. Это стало важной вехой в развитии окружающей среды Израиля и в решимости правительства решать экологические проблемы. На национальном уровне министерство отвечает за разработку комплексной и всеобъемлющей государственной политики, а также стратегий, стандартов и приоритетов в области охраны окружающей среды [8].

В 1998 г. два независимых ведомства — Управление национальных заповедников и Управление национальных парков объединились в Израильское управление природных заповедников и национальных парков. Целью нового органа является сохранение зеленых зон Израиля в условиях быстрого развития городов, увеличения транспортных потребностей и резкого роста населения Израиля. В задачи Управления входит определение мест для создания заповедников и национальных парков; создавать, поддерживать и управлять существующими заповедниками и парками, контролировать природные ресурсы; начать образовательную деятельность и проводить исследования по охране природы [9].

Национальные парки и заповедники вместе оберегают естественное наследие Земли Израиля: средиземноморские леса, прибрежные дюны, удивительные пустынные пейзажи, великолепные оазисы, древние кратеры — и бесценные исторические и археологические памятники: пещеры, в которых обитал доисторический человек, древние синагоги с изумительными мозаиками, дворцы и крепости периода Второго Храма, замки крестоносцев и многое, многое другое.

В табл. 1 представлены отдельные данные по охраняемым территориям Израиля, а на рис.1 показаны самые посещаемые национальные парки и природные заповедники. Около 99% заповедников являются наземными, а остальные расположены

в прибрежных и морских регионах. Что касается типа охраняемая территория, 52% являются заповедниками и 48% национальными парками. Площадь национальных парков — 281 км², природных заповедников — 3818 км², всего площадь охраняемых территорий — 4100 км² [10]. Пять новых национальных парков были объявлены Управлением природных заповедников и национальных парков Израиля и одобрены Министерством финансов в июне 2017 г., что составляет около 220 га вновь охраняемых земель [1].

Примерно пятая часть израильских земель защищена. Большинство охраняемых районов расположены на юге страны, с наибольшим количеством открытого пространства и самой маленькой численностью населения в стране. Охраняемые территории в центральных и прибрежных районах намного меньше и составляют около 3% от общей площади этих регионов. Кроме того, эти районы разбросаны и фрагментированы и не создают наземной непрерывности, что необходимо для сохранения биоразнообразия.

Признание необходимости защиты драгоценных природных и ландшафтных ресурсов Израиля привело к принятию многочисленных законов об охране природы и диких животных. Эти законы обеспечивают юридическое обоснование деятельности по защите окружающей среды, природных ресурсов, диких животных, уникальных уголков природных мест, представляющих научный и образовательный интерес в Израиле. Так закон 33а, регулирующий охрану окружающей среды, содержит список территорий и растений, охраняемых государством, и запрещает сбор охраняемых растений, использование их в коммерческих целях и нанесение им вреда. Список охраняемых растений постоянно пересматривается и обновляется в зависимости от состояния их популяции. К нему прилагается дополнительный «красный» список растений, находящихся под угрозой исчезновения. Законы об охране естественной среды обитания, природных ресурсов, дикой природы и мест, представляющих научный и образовательный интерес, строго соблюдаются [11].

Таблица 1. Охраняемые территории в Израиле (данные на 2002 г.) [10]

Всего	Тип охраняемой территории			
	Наземные	Прибрежные	Морские	Всего
Количество	390	29	8	427
Площадь, км ²	4,071.7	19.7	8.3	4,099.7
Национальные парки				
Количество	180	23	-	203
Площадь, км ²	263.0	18.3	-	281.3
Природные заповедники				
Количество	210	6	8	224
Площадь, км ²	3,808.7	1.4	8.3	3,818.4

Министерство охраны окружающей среды ответственно за наблюдением и осуществлением этих законов. Сегодня, Министерство охраны окружающей среды имеет частичную или полную ответственность за более, чем 26 законов и 71 инструкцию, имеющие отношение ко всем областям экологии.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПАРКИ

Законодательство Израиля определяет национальный парк как территорию природной, живописной, исторической, археологической или архитектурной ценности, которая охраняется и развивается в рекреационных целях [9,12]. Управление по национальным паркам было учреждено, как уже отмечалось ранее, законом в 1963 г., чтобы взять на себя функции, выполняемые с 1956 г. Отделом по охране природы и исторических памятников. Этими функциями являются: подготовка, обустройство и обслуживание парковых зон для широкой публики; реставрация, благоустройство и сохранение исторических и археологических памятников; строительство подъездных путей и удобств для отдыха и досуга; и, в случае древних мест, предоставление пояснительных стендов, объявлений и брошюр. Некоторые парки были разбиты без какой-либо связи с историческим местом, чтобы уберечь сельские районы от посягательств городского развития [11].

На территории некоторых национальных парков Управлением национальных парков было создана инфраструктура, в других парках была оставлена естественная среда, за исключением маркировки маршрутов и ограждений. Некоторые из парков были созданы вокруг археологических памятников, другие, предназначены для посещения населением в выходной или праздничный день, для отдыха возле воды и под деревьями, для наблюдения за животными в их естественной среде обитания.

Национальные парки играют важную роль в защите природной красоты страны от стремительного посягательства на урбанизацию, а также на восстановление и поддержание древностей, которые были утрачены или заброшены на протяжении веков [13]. Характерной чертой национальных парков в Израиле является то, что ввиду обилия в стране археологических и исторических памятников большинство таких парков связано с историческими местами. Поэтому Управление национальных парков не только обеспечивает условия для отдыха посетителей, но и охраняет, а в случае надобности реставрирует находящиеся на территории парка памятники. В некоторых случаях Управление национальных парков было инициатором раскопок и финансировало их.

Израиль богат библейскими местами, остатками поселений постбиблейских евреев, римлян, византийцев, мусульман и крестоносцев. В Израиле насчитывается около 40 разрушенных крепостей крестоносцев. Национальными парками с памятниками древности и средних веков являются: Масада на западном берегу Мертвого моря, Тель-Хацор в Галилее, строения крестоносцев в Кесарии и Акко, римский амфитеатр в Бет-Шеане, крепость крестоносцев Мегиддо, контролировавшую так называемый морской путь из Египта в Месопотамию в 35 км к юго-востоку от города Хайфы и крепость Бельвуар, Кохав Ха-Ярден («Звезда Иордана») в 29 км к югу от озера Кинерет, археологический парк в Ашкелоне, древнее поселение Арад (Тель-‘Арад) в северо-восточной части пустыни Негев, города набатеев в Негеве: Мамшит (Курнуб), Авдат и Шивта. Среди национальных парков, открытых после Шестидневной войны (1967 г.) на пограничных территориях — древнее еврейское, затем христианское поселение Курси на восточном бере-

гу озера Киннерет и Бет-Гуврин, ставший 1001 по счету в мировом списке памятников, находящихся под охраной ЮНЕСКО, расположен в 50 км юго-западнее Иерусалима. В уникальном природно-историческом парке Бет-Гуврин можно посетить замок крестоносцев, увидеть разрушенный древний город. Кроме того, здесь много пещер и есть город, находящийся под землей. В подземном городе километры лабиринтов и тоннелей, есть подземные церкви и усыпальницы, а также жилые помещения.

Некоторые национальные парки связаны с событиями новейшей истории: парк возле kibbוצа Яд-Мордехай на северо-западе Негева и гора Кастел в окрестностях Иерусалима, территория вокруг могил Д. Бен-Гуриона и его жены Поли в Сде-Бокере и др.

Много национальных парков предназначены для отдыха на лоне природы (хотя и на их территории порой находятся исторические памятники). Часто такие парки одновременно служат целям охраны заповедных уголков от промышленного использования. В Изреельской долине знамениты парки Ган ха-Шлоша, где можно полюбоваться живописным водопадом, бурными потоками и озером с постоянной температурой воды +28°C, и один из самых больших парков на севере Израиля — Эйн-Харод, площадью 20 га. В северной части долины Хула в Верхней Галилее находится национальный парк Хуршат Тал с рощей столетних реликтовых таворских дубов. К юго-востоку от озера Киннерет расположен парк Хатам-Гадер. Парк поделен на сектора: тропический парк, зоопарк, крокодиловая ферма, римские купальни, термоминеральный бассейн, спа.

Парк Эйн-Геди («источник козленка»), один из наиболее известных национальных парков, расположен на берегу Мертвого моря. Этот тропический оазис, возникший благодаря сочетанию пустынного клима-

та и испарений от ручьев и речек Давида и Аругот, чьи воды за несколько тысячелетий создали гигантские каньоны, поражает многообразием и великолепием своей флоры и фауны. Здесь можно увидеть множество видов редких птиц и животных (даманов, диких козлов, пустынных лисиц-феньков, и даже леопардов).

В пустыне Негев находится национальный парк Эйн-Авдат. Он предлагает потрясающий маршрут внутри каньона Цин и вдоль ручья Цин, который протекает через парк, создавая водопад и несколько бассейнов. Каньон является частью национального парка, который включает и раскопки набатейского города Авдат.

Национальный парк Эшколь представляет собой цветущий оазис в пустыне Западный Негев. На холмах, которыми изобилует ландшафт парка сохранились развалины египетских строений и византийского храма. На территории Парка есть естественный бассейн с теплой водой (Заповедники) [12].

На юге Израиля в пустыне Арава в сухих руслах рек Тимна и Нехуштан расположен национальный парк Тимна с красивым ландшафтом и древней историей. Многовековая эрозия разноцветных песчаников, а также из разных вулканических, магматических и осадочных пород, создала затейливые природные достопримечательности с причудливыми формами рельефа: каменные сфинксы, гигантские грибы, арки, птицы [13]. Самая знаменитая и величественная природная скульптура — Соломоновы столбы, гигантские колонны, образованные в результате эрозии в красном нубийском песчанике. Парк Тимна не только геологический, но и археологический памятник античной египетской культуры XIV-XII веков до нашей эры. Здесь находится самый древний медный рудник в мире, шахты которого носят название «Копи царя Соломона».

Самый южный национальный парк и природный заповедник Израиля находится под водой — великолепный коралловый риф в Эйлате. Коралловый риф в Эйлате относительно невелик — 1200 метров — и раскинулся он вдоль берега и является в то же время самым северным коралловым рифом на земле. Здесь живет около 270 видов кораллов, ставших пристанищем для более чем 2500 рыб и иных представителей фауны, тем более что некоторые обитают исключительно в Красном море.

Ботанические сады входят в сеть организаций и учреждений, занятых проблемами охраны природы. Ботанические сады были созданы в Иерусалиме при поддержке Еврейского университета в Иерусалиме. Один из них располагает богатейшей в стране коллекцией, отображающей многообразие растительного мира различных континентов, другой представляет исключительно растительность Израиля. При Тель-Авивском университете имеются как ботанические, так и зоологические сады. Они обслуживают учебные центры и посетителей [14].

Эйлатский ботанический сад находится на севере Эйлата, южного города Израиля. Расположенный в пустыне, этот ботанический сад похож на оазис с тропическим лесом, расположенным внутри. Здесь представлено более тысячи различных видов растений, кустарников и деревьев со всего мира, прекрасные водные потоки и водопады, а также огромная коллекция птиц.

Сафари Парк Рамат Ган не входит в систему национальных парков и заповедников, однако он настолько огромен, что его коллекция дикой природы в Израиле считается самой большой на всем Ближнем Востоке. Расположенный к югу от Тель-Авива сафари-парк построен для того, чтобы почувствовать африканское сафари, где животные содержатся в естественных условиях. Здесь насчитывается около 1600 раз-

личных видов животных. Есть много животных из Африки, а также Азии, а именно слонов, шимпанзе, бегемотов и львов. Управлению национальных парков не подчинены также и принадлежащие бежаистам сады в Хайфе и Акко, открытые для посетителей.

ЗАПОВЕДНИКИ

Если национальные парки создаются в основном для благоустройства тех или иных районов страны, повышения качества жизни, защиты естественной красоты земли от вторжения современной индустрии и охраны памятников старины, заброшенных и разрушавшихся в течение долгих столетий, то заповедники призваны сохранять в неизменном виде известную с древнейших времен природу Израиля. Законодательство Израиля определяет природный заповедник как территорию, содержащую уникальные и характерные формы животных, растений и минералов, которые необходимо охранять, от любых нежелательных изменений их внешнего вида, биологического состава или эволюции [15,16,18]. Заповедники являются домом для более чем 2500 различных видов растений и 500 различных видов животных, объектов наследия и древностей. Заповедники Израиля различаются по размеру, характеру и использованию: 63% существующих и предлагаемых заповедников меньше 1 км², 25% — меньше 10 км², и только 4% больше 100 км². Большинство из них открыты для публики, а некоторые закрыты для сохранения их научной ценности. Не все заповедники представляют собой непосредственный общественный интерес. Многие из них созданы исключительно для сохранения конкретных природных богатств: сезонный пруд, отдельная долина, где цветут редкие виды дикорастущих цветов, освещенная солнцем отвесная скала с рядом уступов, удобных для гнездовья и др. [11].

По международным нормам в области охраны природы порядок в израильских заповедниках считается «строгим». Многие заповедники подготовлены для массового посещения, в них проложены автомобильные трассы и тропы для пеших экскурсантов, они снабжены пояснительными щитами и указателями. Однако, посетителям запрещается каким-либо образом вмешиваться в происходящие здесь естественные процессы. Нельзя рвать цветы, разбивать лагерь или организовывать пикники. Заповедники содержатся в максимально возможном нетронутом состоянии.

Около 3% средиземноморской области Израиля и почти 20% его пустынь объявлены природными заповедниками, многие из которых частично совпадают с запретными военными зонами. В средиземноморской области, где имеется 105 естественных заповедников, основной проблемой является фрагментация их территории [1]. Пока большинство диких животных Израиля достаточно хорошо размножаются в заповедниках, являющихся для многих видов последним оплотом их сохранения и выживания, уменьшение числа особей на открытой местности не представляется катастрофическим. Тем не менее малая территория большинства заповедников делает их уязвимыми со стороны "недружелюбного" окружения, во многом определяющего будущее их флоры, фауны и всех экологических систем [14,15].

В Израиле насчитывается около 160 ландшафтных, геологических и археологических заповедников [16]. Среди них и такие весьма значительные по площади, как гора Мерон на севере Израиля (около 7 тыс. гектаров) или гора Кармел на северо-западе Израиля («маленькая Швейцария»; около 2,5 тыс. гектаров), и миниатюрные (например, зимние бассейны для охраны некото-

рых видов земноводных и ракообразных, а также отдельных эндемичных растений).

В сравнительно небольших по размерам природных заповедниках, расположенных вдоль небольших рек на севере Израиля, как Амуд, Снир, Таннаним, Айун (Ayun), сочетается уникальная форма природы и человеческого наследия, в том числе водопады, скальные пруды, пышная растительность, характерная для берегов рек и доисторические пещеры.

Природный заповедник Эн Афек в пригороде Хайфы хранит болотные и водные источники, большинство из которых потонуло в Израиле. В то время как заповедник Арбель возле Тверии расположен на утесе из твердых известняковых и доломитовых пород. Скалы, подобные Арбелю, обычно не встречаются в ландшафтах Израиля, здесь обитают разнообразные растения, птицы и животные [12].

Интересны и популярны Тель-Дан и Баниас (истоки реки Иордан), гора Гилбоа с лесами и источником у подножия, сталактитовая пещера Сорек в Иудейских горах в 30 км к юго-западу от Иерусалима. Охраняются государством пять уникальных, единственных в своем роде многокилометровых естественных котловин (махтешим). Образование их является следствием протекающего миллионы лет геологического процесса. Отвесные стены котловин позволяют ученым получить важнейшую информацию относительно строения земной коры. Махтеш Рамон — это естественный музей истории нашей планеты, в форме кратера глубиной 500 м, дающий возможность слой за слоем проследить геологическую эволюцию и развитие жизни на земле. На краю котловины обнаружена стоянка человека периода энеолита. Вся эта область признана частью Международной программы охраны общечеловеческого наследия [13,14].

Имеются заповедники, в которых пытаются восстановить исчезнувшие в Израиле виды животных из тех стран, где они сохранились. В рамках этого проекта израильские сторонники охраны природы разъезжают по всему миру в поисках остатков тех видов, которые когда-то обитали в Израиле. Все животные, независимо от их происхождения, сначала помещаются в специальные заповедники, чтобы они приспособились к жизни в условиях дикой природы. Один заповедник, Хай-Бар Йотвата, в переводе с иврита это означает просто «живая природа», находится в пустыни Арава — он специализируется на животных пустыни [11]. Данный парк был специально создан более 40 лет назад для сохранения и восстановления популяции редких и исчезающих животных. Сегодня здесь в условиях, максимально приближенных к естественной среде, обитает 25 видов животных (серны, газели, дикие козлы, куланы, ориксы, феньки, леопарды, каракалы, лесные коты, гиены, волки, летучие собаки).

Другой заповедник находится на вершине горы Кармел на средиземноморском побережье вблизи Хайфы — там содержатся животные, обитающие в средиземноморском дубовом лесу. Третий заповедник сейчас создается на Голанских высотах и предназначен для животных, обитающих на равнинах Галилеи и на Голанских высотах.

Восстановительный процесс очень сложен, и на него уходят годы трудоемкой работы. Фактически, с момента приобретения азиатских диких ослов в копенгагенском зоопарке и до того дня, когда их потомство было признано достаточно окрепшим и подготовленным к жизни на свободе, прошло 14 лет. Эти животные были выпущены из заповедника и теперь они вновь осваивают отдаленные районы пустыни Негев, производя на свет свое собственное, рожденное на свободе потомство. В послед-

ние годы персидские лани и косули были возвращены в густую горную цепь Кармел, а онагры и арабский орикс — в пустыни Негев и Арава.

Израиль также является основным миграционным маршрутом для палеарктических птиц и единственным местом их встречи из Европы, Азии и Африки. Около 500 млн птиц, в том числе 85% всей популяции белого аиста, дважды в год пересекают территорию Израиля: осенью на пути к Африканскому континенту и весной, на пути в Европу и Азию [17]. Заповедник Хула на севере Израиля являются одними из основных пунктов остановки и отдыха перелётных птиц с севера на юг и обратно. Здесь можно увидеть аистов, пеликанов, фламинго, бакланов, морских орлов, цаплей, журавлей, — всего более 200 видов птиц. За сезон над долиной пролетает порядка полумиллиарда птиц, в том числе более 100 000 журавлей. Часть птиц, включая более 30 000 журавлей, остаются зимовать в долине. Долина Хула превратилась в один из самых красивых заповедников Израиля. На вновь заболоченных участках создан парк Агамон Ахула. Это место замечательно со всех точек зрения. Заповедник дал возможность огромному количеству птиц вернуться к своим постоянным миграционным путям, но значительную часть природного мира, погибшего более пятидесяти лет назад в результате осушения болота, восстановить не удалось [19].

Вторыми по численности пролетающими через Израиль птицами являются пеликаны. Около 40 000 этих птиц пролетают через Израиль два раза в год, осенью и весной. Часть из них останавливается на отдых в заповеднике Хула, а большая часть отдыхает на водохранилище Мишмар Ашарон в долине Хефер севернее озера Киннерет. Такое большое количество пеликанов, останавливающихся на этом водоеме не случай-

но. В прошлом пеликаны останавливались на болотах долины Хефер во время своего перелета в Африку, чтобы получить энергию для продолжения дальнего перелета. Но болота были высушены и большие стаи пеликанов стали поедать рыбу на промышленных рыбных прудах. Взрослый пеликан съедает 1 кг рыбы в день, рыбачат они группами. Этим они наносят огромный ущерб промышленному рыбоводству. Если просто прогонять пеликанов с рыбных прудов не накормив их, то это приведет к смерти усталых птиц или к тому, что они останутся на зимовку в Израиле, т. к. у них не будет сил продолжать полет дальше. Было выяснено, что если дать пеликанам возможность, как в прошлом на болотах, поесть рыбы, то они быстрее продолжат свой путь в Африку. Израильское управление природных заповедников и национальных парков, совместно с отделом промышленного рыбоводства Министерства сельского хозяйства раз в день доставляют пеликанам рыбу, которая не годится для продажи [20].

Важно отметить, что и за пределами природных заповедников сотни видов растений и животных, таких, как папоротники, полевые цветы, редкие кустарники, деревья и рыбы, а также неодушевленные структуры, как, например, окаменелости или береговые скалы дюны, охраняются законом в качестве естественных богатств страны [15]. Надзором за их защитой занимаются различные государственные и общественные организации. Такие животные, как леопард, газель, каменный козел и ястреб, объявлены в Израиле охраняемыми видами. При этом проводятся операции по спасению видов, находящихся под угрозой исчезновения, в частности особые усилия прилагаются к спасению вида малой пустельги (*Falco naumanni*), одной из трех птиц, гнездящихся в Израиле и стоящих сегодня на грани исчезновения. Последние

данные Израильского орнитологического центра свидетельствуют о том, что в стране осталось всего 550 пар малой пустельги, то есть лишь 10% от того количества, которое было зарегистрировано 50 лет назад (Государство Израиль). К спасению пустельги были привлечены и виноградары Израиля, которые согласились отчислять на проект определенный процент прибыли от каждой реализованной бутылки вина. При этом покупателей, как в Израиле, так и за рубежом, оповестили о том, что они не только наслаждаются прекрасным вкусом израильских вин, но и становятся участниками важного и благородного дела спасения исчезающего вида птиц.

Хотя осознание необходимости охраны природных и ландшафтных ресурсов привело к появлению значительной системы природных заповедников и национальных парков, небольшие размеры страны и сильное давление на ее ограниченные земельные ресурсы оставили мало свободных от использования земель. В результате этого охраняемых территорий недостаточно для сохранения природных ценностей, экосистем и уникального ландшафта этой крайне разнообразной в природном отношении страны. Несмотря на то, что разработка дополнительных природных заповедников остается приоритетом, ни один из объявленных заповедников в Израиле не является настолько большим, чтобы сохранить целые экосистемы, охватывающие множество мест обитания. Только одна область в Израиле — гора Мерон — недавно была объявлена в рамках Программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера» биосферным заповедником и способна сохранять разнообразные экосистемы (Environmental Protection)). Другие участки, получившие статус биосферных заповедников или включенные в международные программы охраны общечеловеческого наследия, Иудейские

горы в центре страны, на стыке Средиземноморской области и зоны пустынь; и области, примыкающие к Мертвому и Красному морю (в сотрудничестве с соседними странами).

В основном же многие мелкие и фрагментированные горячие точки биоразнообразия находятся под угрозой исчезновения в результате антропогенной деятельности [21]. Поэтому в последние годы в израильском обществе возросло беспокойство по поводу стремительного исчезновения в стране свободных участков земли. В связи с этим выдвигается требование разумного распределения оставшегося естественного пространства, звучат призывы к более действенной защите природы, в частности, указывается на необходимость составления карты всех еще не затронутых хозяйственной деятельностью земель. Методы промышленного и жилищного планирования обязаны учитывать хрупкость местных экологических систем, проблему охраны диких животных и небольших по площади, но столь уникальных ландшафтов Израиля [22, 23].

Для того чтобы обеспечить планировщиков необходимой информацией в этой области, была осуществлена предварительная классификация всех районов страны и разработаны рекомендации в отношении уровня защиты для каждого из них в зависимости от их ценности, важности, чувствительности и уязвимости: охраняемые районы, ландшафты открытого пространства, районы контролируемого развития [10].

Израильское управление природных заповедников и национальных парков в сотрудничестве с Еврейским национальным фондом осуществили проект, который, как предполагается, позволит решить проблему фрагментации среды обитания отдельных видов [1]. Ожидается, что новая инициатива позволит упорядочить эксплу-

атацию открытых пространств Израиля и сохранить их биологическое разнообразие. Определяя участок будущего заповедника, специалисты должны руководствоваться тремя основными принципами: наличием на данной территории вида или экологической системы, находящихся под угрозой исчезновения; ее биологическим потенциалом и возможностью дальнейшего нормального функционирования, что, в свою очередь, определяется размерами участка, примыканием к другим заповедникам или наличием «коридоров», позволяющих перемещение и распределение видов и особей; а также существованием вокруг участка «буферных зон», предохраняющих его от вредных внешних воздействий [10]. Можно надеяться, что осуществление этого проекта позволит сохранить уникальные экологические системы Израиля.

Сегодня специалисты в области экологии, и хозяйственники убеждены, что поворотным пунктом в деле охраны природы должны стать кардинальные перемены в самом подходе к развитию страны. Лидирующая философия «покорения пустыни» должна смениться философией охраны всех открытых пространств. Уникальная и сложная экологическая система пустынь Израиля также находится под угрозой нежелательных изменений и тоже в основном из-за стремления к бурному экономическому развитию. Требуются серьезнейшие усилия для поддержания разумного баланса хозяйственной эксплуатации южных районов, установления, с одной стороны, допустимых норм выпаса домашнего скота, создания сети современных дорог и размещения туристических комплексов, а с другой, — охраны природы и восстановления исчезнувших видов [24]. Преимущества такого подхода очевидны: защита драгоценного естественного наследия послужит благом как нынешнего, так и будущих поколений,

сохранит ценный потенциал естественных экологических систем.

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ИНФОРМАЦИЯ

Огромная задача по охране и восстановлению природы возложена на Управление заповедников, природных и национальных парков и службу по охране окружающей среды. Но основное значение для охраны природы имеет воспитание, и здесь бесспорным лидером является Общество охраны природы в Израиле (ООПИ). Охватывая сеть из 24 школ, по пропаганде охраны природы, каждая из которых способна разместить на ночь 150—250 гостей, ООПИ осуществляет активную программу воспитательной деятельности по вопросам рационального природопользования и охраны природы. Это общество публикует много журналов, пособий и книг для тех, кто стремится познать и оценить разнообразие и красоту природных богатств Израиля [25]. Чтобы познакомить как можно больше людей с природным наследием Израиля и содействовать сохранению природы, общество создало отличную образовательную сеть с 26 полевыми учебными центрами, 40 филиалами и общественными центрами, сотнями молодежных клубов и комплексными программами подготовки учителей. ООПИ является крупнейшей природоохранной неправительственной организацией Израиля. Посредством своей обширной программы образования, охраны природы, исследований и общественных действий, она привлекает к своей бесчисленной деятельности почти 20% населения Израиля.

Первые годы общество действовало в узком составе и занималось в основном разъяснительной работой. В 1954 г. широкий круг любителей природы и преподавателей естествознания решил изменить статус общества, и с этого времени ООПИ действует

как общественная организация. В середине 1950-х гг. оно убедило Еврейский национальный фонд отвести часть осушаемой в районе озера Хула территории под первый в стране заповедник. В 1956 г. общество начало кампанию за принятие новых законов об охране природы, в результате чего в 1963 г. Кнесет принял закон о национальных парках и заповедниках и было создано Управление заповедников. В 1960-х гг. Общество охраны природы провело широкую разъяснительную кампанию, в результате которой во время прогулок люди перестали рвать дикорастущие цветы. В те же годы был принят закон, запрещающий добычу гравия на холмах, которые составляют часть ландшафта Приморской равнины. С 1962 г. повело борьбу за превращение горы Кармел в национальный парк и ограничение площадей каменоломен на ней, увенчавшуюся успехом в 1972 г.

В 1991 г. ООПИ начало новую кампанию, направленную против использования горного участка реки Иордан для строительства электростанции. В последующие годы общество боролось против строительства, сопряженного с вырубкой зеленых насаждений в Иерусалиме, Акко, Тират-Кармеле и других городах, выступало за сохранение свободного доступа к берегам озера Киннерет и т. д. На протяжении многих лет общество вело борьбу, которая завершилась в 2004 г. принятием закона о сохранении береговой среды, гарантирующего свободный доступ граждан к береговой линии и объявляющего защиту флоры и фауны берегов и близлежащих территорий важной общенациональной задачей. Среди значимых проектов, инициированных ООПИ в 2000-е гг., — создание парка им. Ариэля Шарона на месте бывшей свалки Хирия между городами Рамат-Ган, Бней-Брак и Холон. Этот парк, создаваемый с использованием самых современных

технологий, является одним из наиболее передовых примеров рекультивации загрязненных территорий [26].

Охраняя окружающую среду, животный и растительный мир, общество одновременно проводит их изучение. Для этой цели, наряду с отделом охраны природы и ландшафта, оно имеет следующие отделы: изучения среды и ее ресурсов, научных исследований, центр информации.

Важная область деятельности ООПИ — воспитательная работа. Этим занимаются отдел руководства экскурсиями, отдел экскурсий для молодежи, пункты советов экскурсантам, полевые (краеведческие) школы (в них есть места для ночлега экскурсантов) и центры связи с населением. Таким образом общество стремится привить людям не только любовь к природе, но и ответственность за ее сохранение. Отдел внутреннего туризма, отдел иностранного туризма, отдел туризма для иностранцев организуют туристические экскурсии и прогулки под названием «Досуг». Есть также информационный отдел. Магазины ООПИ продают снаряжение для походов и путешествий, карты, путеводители и т. п. ООПИ вносит огромный вклад в сохранение зеленого облика Государства Израиль, его флоры и фауны. Вместе с тем оно подвергается критике за то, что под давлением экологических активистов целый ряд территорий, на которых могло бы вестись жилищное строительство, остается неосвоенным. Деятельность общества указывается в числе существенных факторов, приводящих к дефициту доступных для строительства земельных участков и, как следствие, к повышению стоимости жилья. Общество, со своей стороны, настаивает на том, что поиски решения жилищной проблемы не должны наносить непоправимый урон флоре и фауне Израиля, сохранение которых является приори-

тетным интересом общегосударственного значения.

В последние годы возросшее беспокойство по поводу экологических проблем привело к росту активности населения. На национальном уровне создаются новые неправительственные природоохранные организации, в то время как низовые группы организуют во многих областях оказание давления на органы власти с целью поиска решений экологических проблем на местном уровне.

Экологическое просвещение населения обеспечивается также через СМИ, интернет, музеи, библиотеки, эколого-просветительские центры, лектории, экологические инициативы и акции, конференции и выставки. Процессы эколого-правового просвещения, воспитания и образования осуществляются в заповедниках, национальных парках, эколого-просветительских центрах, посредством создания экологических троп, экологических лагерей, развития экологического туризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на небольшую территорию, Израиль характеризуется широким спектром физических условий и богатым разнообразием флоры и фауны. Это разнообразие объясняется рельефной структурой страны и ее расположением на пересечении трех континентов, а также соединением различных климатических и ботанических регионов.

Хотя осознание важности охраны природы привело к появлению значительной системы природных заповедников и национальных парков, однако, небольшой размер страны, темпы развития и рост населения затрудняют охрану ценных природных ресурсов и ландшафтов открытого пространства. Уже сегодня становится ясным, что в рамках системы заповедников надежная защи-

та многообразия флоры и фауны страны невозможна в существующих условиях. Тем более, что охраняемые территории разбросаны и фрагментированы и не создают наземной непрерывности, что необходимо для сохранения биоразнообразия. Для решения этой проблемы сформулирован новый подход к развитию ландшафтов открытого пространства и предложена концепция экологических коридоров, которые соединяют охраняемые районы. Проведена классификация всего открытого ландшафта страны, и даны рекомендации для соответствующих уровней защиты / развития для каждого ландшафтного объекта в соответствии с его ценностью, важностью, чувствительностью и уязвимостью.

Впечатляющие достижения были сделаны в таких областях, как реинтродукция хищных и библейских видов, защита морских черепах, подтопление долины Хула и сохранение перелетных птиц. Инициативы правительства сопровождались растущим участием общественности. Экологическое образование, осведомленность и вовлеченность значительно возросли, о чем свидетельствует резкий рост числа

неправительственных экологических организаций. Уделяется большое внимание сбору и публикации экологических данных в целях создания надежной базы данных экологической информации и разработке экологических показателей, которые позволяют оценить тенденции, определить проблемы и приоритеты для охраны природы. Эта информация полностью доступна для широкой общественности с целью достижения максимальной прозрачности.

Как страна, которая вложила много средств для преодоления неблагоприятных природных условий, Израиль стремится занять свое место в международном сообществе, учиться на опыте других и вносить вклад в глобальные усилия по охране природы.

Несмотря на рост общественного понимания и повышения инвестиций в экологию, Израиль все еще сталкивается с серьезными экологическими проблемами. Относительно маленький бюджет Министерства охраны окружающей среды не позволяет фундаментальное сопровождение всех проблем одновременно, и поэтому внимание сосредоточено на приоритетных и самых неотложных проблемах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Gabbay S. Nature Conservation in: Israel Environment & Nature. 2018. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/nature-conservation-in-israel> (дата обращения: 16.08.2019)
2. Danin A. Desert vegetation of Israel and Sinai. Cana: Publishing House; 1983. P. 148.
3. Danin A. Vegetation of Israel and Sinai. *Ботанический журнал*. 1996;81(11):14–31
4. Elliman W. Flora and Fauna in: Israel Environment & Nature. 2001. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/flora-and-fauna-in-israel> (дата обращения: 23.08.2019)
5. Государство Израиль. Охрана окружающей среды. Электронная еврейская энциклопедия. 2006. Т. 3. URL: <https://eleven.co.il/state-of-israel/general/15611/> (дата обращения: 10.08.2019)
6. Israel: Environment & Nature. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/environment-and-nature-in-israel> (дата обращения: 23.08.2019)
7. Израильские экологические технологии. URL: <https://studylib.ru/doc/3632071/izraelskie-e-kologicheskie-tehnologii-israel> (дата обращения: 5.08.2019)

8. Ministry of Environmental Protection. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/> (дата обращения: 08.08.2019)
9. Национальные парки в Израиле. URL: <https://eleven.co.il/land-of-israel/geography/12934/> (дата обращения: 04.08.2019)
10. Environment Data Compendium. Yerusalem: Central Bureau of Statistics of Israel; 2006. p. 12-145.
11. Шенк В. Экология в Израиле. URL: <https://proza.ru/2017/04/27/1059> (дата обращения: 06.08.2019)
12. National Parks & Nature Reserves in: Israel Environment & Nature. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/national-parks-and-nature-reserves-in-israel> (дата обращения: 13.08.2019)
13. Environmental Protection In: Israel Environment & Nature. <https://www.jewishvirtuallibrary.org/environmental-protection-in-israel> (дата обращения: 23.07.2019)
14. Охрана природы в Израиле. Посольство Израиля в Белоруссии. URL: <https://embassies.gov.il/minsk/AboutIsrael/Land/Pages/Oxpana-prirody.aspx> (дата обращения: 14.08.2019)
15. Yom-Tov Y. Human impact on wildlife in Israel since the nineteenth century: In: Daniel E. Orenstein, Char Miller, Alon Tal (Eds.). Between Ruin and Restoration: An Environmental History of Israel. Pittsburgh: University of Pittsburgh; 2013. P. 53-81.
16. Заповедники в Израиле. URL: <https://eleven.co.il/land-of-israel/geography/11600/> (дата обращения: 12.08.2019)
17. Государство Израиль. Охрана окружающей среды. URL: <https://eleven.co.il/state-of-israel/general/15611/> (дата обращения: 17.08.2019)
18. Israel National Parks and Nature Reserves – Best, Map, Matmon. URL: <https://www.israel-in-photos.com/national-parks-in-israel.html> (дата обращения: 11.08.2019)
19. Рудник М. Рукотворные экологические проблемы в Израиле. *Заметки по еврейской истории*. 2018;10(211) URL: <http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer10-rudnik/> (дата обращения: 12.08.2019)
20. Лицом к природе. 2017. URL: <https://nature-israel.livejournal.com/1062506.html> (дата обращения: 10.08.2019)
21. Gil H., Amdur L., Sagi Y., Perelbergand A., Ramon U. Identifying Biodiversity Hotspots in Israel. Past, Present and Future of Israeli Conservation. In: The 1st Israeli Conference for Conservation Science. Ben-Gurion: SdeBoker Campus, Ben-Gurion University; 2017. P. 4-34.
22. Shkedy Y. Nature conservation in Israel: major directions. Past, Present and Future of Israeli Conservation. In: The 1st Israeli Conference for Conservation Science. Ben-Gurion: SdeBoker Campus, Ben-Gurion University; 2017. P. 45-52.
23. Rothschild A. A national biodiversity action plan — from a top down failure to a bottom up success. Past, Present and Future of Israeli Conservation. The 1st Israeli Conference for Conservation Science. Ben-Gurion: SdeBoker Campus, Ben-Gurion University; 2017. p. 78-82.
24. Portnov, B.A. and Safriel, U.N. Combating desertification in the Negev: dryland agriculture vs. dryland urbanization. *Journal of Arid Environment*. 2004;56:659–680.
25. The Society for the Protection of Nature in Israel. Annual Report. 2017. URL: <https://www.natureisrael.org> (дата обращения: 01.08.2019)
26. Ariel Sharon Park, Tel Aviv. URL: <https://yallatoursblog.com/2018/04/09/ariel-sharon-park-tel-aviv/> (дата обращения: 02.08.2019)

REFERENCES

1. Gabbay S. Nature Conservation in: Israel Environment & Nature. 2018. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/nature-conservation-in-israel> [Accessed: 16.08.2019]
2. Danin A. Desert vegetation of Israel and Sinai. Cana: Publishing House; 1983. p. 148
3. Danin A. Vegetation of Israel and Sinai. *Ботанический журнал*. 1996;81(11):14–31.
4. Elliman W. Flora and Fauna in: Israel Environment & Nature. 2001. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/flora-and-fauna-in-israel> [Accessed: 23.08.2019]
5. State of Israel. Nature Conservation. Electronic Jewish Encyclopedia. 2006. Vol. 3. URL: <https://eleven.co.il/state-of-israel/general/15611/> [Accessed: 10.08.2019] (in Russ.)
6. Israel: Environment & Nature. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/environment-and-nature-in-israel> [Accessed: 23.08.2019]
7. Israeli environmental technology. URL: <https://studylib.ru/doc/3632071/izraelskie-e-kologicheskie-tehnologii-israel> [Accessed: 5.08.2019] (in Russ.)
8. Ministry of Environmental Protection. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/> [Accessed: 08.08.2019]
9. National Parks in Israel. URL: <https://eleven.co.il/land-of-israel/geography/12934/> [Accessed: 04.08.2019] (in Russ.)
10. Environment Data Compendium. Yerusalem: Central Bureau of Statistics of Israel; 2006. P. 12-145.
11. Shenk V. Environmental in Israel. URL: <https://proza.ru/2017/04/27/1059> [Accessed: 06.08.2019] (in Russ.)
12. National Parks & Nature Reserves in: Israel Environment & Nature. URL: <https://www.jewishvirtuallibrary.org/national-parks-and-nature-reserves-in-israel> [Accessed: 13.08.2019]
13. Environmental Protection In: Israel Environment & Nature. URL: [allibrary.org/environmental-protection-in-israel](https://www.jewishvirtuallibrary.org/environmental-protection-in-israel) [Accessed: 23.07.2019]
14. Nature Conservation in Israel. Israel Embassy in Belorussia. URL: <https://embassies.gov.il/minsk/AboutIsrael/Land/Pages/Охрана-природы.aspx> [Accessed: 14.08.2019] (in Russ.)
15. Yom-Tov Y. Human impact on wildlife in Israel since the nineteenth century: In: Daniel E. Orenstein, Char Miller, Alon Tal (Eds.). *Between Ruin and Restoration: An Environmental History of Israel*. Pittsburgh: University of Pittsburgh; 2013. p. 53-81.
16. Nature Reserves in Israel. URL: <https://eleven.co.il/land-of-israel/geography/11600/> [Accessed: 12.08.2019] (in Russ.)
17. State of Israel. Nature Conservation. URL: <https://eleven.co.il/state-of-israel/general/15611/> [Accessed: 17.08.2019] (in Russ.)
18. Israel National Parks and Nature Reserves — Best, Map, Matmon. URL: <https://www.israel-in-photos.com/national-parks-in-israel.html> [Accessed: 11.08.2019]
19. Rudnic M. Handmade Environment Problems in Israel. *Notes on Jewish History*. 2018;10(211) URL: <http://z.berkovich-zametki.com/2018-znomer10-rudnik/> [Accessed: 12.08.2019] (in Russ.)
20. Face to Nature. 2017. URL: <https://natur-israel.livejournal.com/1062506.html> [Accessed: 10.08.2019] (in Russ.)
21. Gil H., Amdur L., Sagi Y., Perelbergand A., Ramon U. Identifying Biodiversity Hotspots in Israel. Past, Present and Future of Israeli Conservation. In: *The 1st Israeli Conference for Conservation Science*. Ben-Gurion: SdeBoker Campus, Ben-Gurion University; 2017. p. 4-34.
22. Shkedy Y. Nature conservation in Israel: major directions. Past, Present and Future of Israeli Conservation. In: *The 1st Israeli Conference for Conservation Science*. Ben-Gurion: SdeBoker Campus, Ben-Gurion University; 2017. P. 45-52.

23. Rothschild A. A national biodiversity action plan — from a top down failure to a bottom up success. Past, Present and Future of Israeli Conservation. The 1st Israeli Conference for Conservation Science. Ben-Gurion: Sede-Boker Campus, Ben-Gurion University; 2017. P. 78-82.
24. Portnov, B.A. and Safriel, U.N. Combating desertification in the Negev: dryland agriculture vs. dryland urbanization. *Journal of Arid Environment*. 2004;56:659–680.
25. The Society for the Protection of Nature in Israel. Annual Report. 2017. URL: <https://www.natureisrael.org> [Accessed: 01.08.2019]
26. Ariel Sharon Park, Tel Aviv. URL: <https://yalatoursblog.com/2018/04/09/ariel-sharon-park-tel-aviv/> [Accessed: 02.08.2019]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николай С. Орловский, Доктор географических наук, Институт изучения пустынь им. Блауштейна Университета Негев им. Бен-Гуриона, Израиль; 84990, Израиль, Седе-Бокер Кампус;

nicolai@bgu.ac.il

Лия Г. Орловская, Институт изучения пустынь им. Блауштейна Университета Негев им. Бен-Гуриона, Израиль; 84990, Израиль, Седе-Бокер Кампус;

nicolai@bgu.ac.il

Игорь С. Зонн, доктор географических наук, академик РАН, Московский Университет им. С.Ю. Витте, Москва, Россия; 115432, Россия, Москва, Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1;

zonnis@list.ru

Nicolai S. Orlovsky, Blaustein Institute for Desert Research Ben-Gurion University of the Negev, Israel; Sede-Boquer Campus, 84990, Israel;

nicolai@bgu.ac.il

Leah G. Orlovsky, Blaustein Institute for Desert Research Ben-Gurion University of the Negev, Israel; Sede-Boquer Campus, 84990, Israel;

nicolai@bgu.ac.il

Igor S. Zonn, Doctor of Geography, Academician of RANS, The Moscow Vite S.Yu. University, Moscow, Russia; bld. 12/1, Koguchovski str., Moscow, 115432, Russia;

zonnis@list.ru

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Торгово-экономическое сотрудничество стран ЕАЭС с Республикой Таджикистан

Зарина А. Дадабаева

Институт экономики РАН, Москва, Россия,

zarina.17.06@list.ru

Аннотация: последние годы стали для евразийского пространства временем переосмысления интеграционных приоритетов. Существующие на постсоветском пространстве объединения не смогли в полной мере охватить весь спектр интересов стран и не все страны оказались готовы к еще более тесной интеграции. Важной задачей формирования и укрепления ЕАЭС, наиболее успешного интеграционного объединения на постсоветском пространстве, признано создание «внешнего контура» евразийской интеграции и развитие межгосударственных связей третьими странами, в том числе выстраивание системы торгово-экономических отношений с партнерами, не входящими в ЕАЭС. В связи с этим, рассмотрение перспектив сотрудничества ЕАЭС и приграничных государств, на примере Таджикистана представляется актуальной и своевременной задачей.

Республика занимает особое место в интеграционных проектах на постсоветском пространстве и находится на периферии СНГ. Но, имея сложные географические и природные условия, и обладая значительным геополитическим, экономическим, демографическим потенциалом, страна не имеет реальных возможностей по их использованию. Осознание важности и необходимости интеграции с более сильными и экономически развитыми государствами обосновано ещё и тем, что республика, как и другие страны региона, находится в зоне политических, экономических и военных интересов крупнейших мировых держав (России, США, Европы, Китая, Индии).

Анализ двусторонних экономических отношений Таджикистана с каждой из стран ЕАЭС показывает, что только Россия и Казахстан имеют с ним устойчивые торговые и инвестиционные связи. В связи с этим, фактор ЕАЭС, пока не является определяющим во внешнеэкономических приоритетах Таджикистана, который сильно зависит от других международных партнеров, в первую очередь Китая. Но поиск новых форматов взаимодействия на евразийском пространстве может обеспечить республике стабильное экономическое положение.

Ключевые слова: Республика Таджикистан, ЕАЭС, интеграция, торгово-экономическое сотрудничество

Для цитирования: Дадабаева З.А. Торгово-экономическое сотрудничество стран ЕАЭС с Республикой Таджикистан. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):355-365. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-355-365>

Статья поступила 16.09.2019

Принята в печать 10.11.2019

Опубликована 02.12.2019

Trade and Economic Cooperation of the EAEU countries with the Republic of Tajikistan

Zarina A. Dadabaeva

Institute of Economics, Moscow, Russia,

zarina.17.06@list.ru

Abstract: Recent years have become a time for the Eurasian space to rethink integration priorities. The existing associations in the post-Soviet space were not able to fully cover the entire range of interests of countries and not all countries were ready for even closer integration. An important task of forming and strengthening of the EAEU, the most successful integration is to create «outer contour» of the Eurasian integration and the development of bilateral relations with third countries, including developing a system of trade-economic relations with partners outside the EAEU. In this regard, considering the prospects of cooperation between the EAEU and border States, on the example of Tajikistan, is an urgent and timely task.

The Republic occupies a special place in integration projects in the post-Soviet space and is located on the periphery of the CIS. But, having difficult geographical and natural conditions, and possessing considerable geopolitical, economic, demographic potential, the country has no real opportunities for their use.

Awareness of the importance and necessity of integration with stronger and economically developed States is justified by the fact that the Republic, like other countries in the region, is in the zone of political, economic and military interests of the largest world powers (Russia, the United States, Europe, China, India).

The analysis of Tajikistan's bilateral economic relations with each of the EAEU countries shows, that only Russia and Kazakhstan have stable trade and investment ties with it. In this regard, the factor of the EAEU is not yet decisive in the foreign economic priorities of Tajikistan, which is highly dependent on other international partners, primarily China. But the search for new formats of interaction in the Eurasian space can provide the Republic with a stable economic situation.

Keywords: Republic of Tajikistan, EAEU, integration, trade and economic cooperation

For citation: Dadabaeva Z.A. Trade and Economic Cooperation of the EAEU countries with the Republic of Tajikistan. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):355-365. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-355-365>

Received 16.09.2019

Revised 10.11.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

Перспективы евразийской интеграции обрели более четкие и реальные очертания в 2015 году с началом действия Договора о Евразийском экономическом союзе, конечно, это не умаляет той большой работы, которая была проделана в рамках ЕврАзЭС и Таможенного союза (в составе трех стран). ЕАЭС как важный интеграционно-экономический проект на постсоветском пространстве привлекает к себе внимание евразийских стран, не стал исключением Таджикистан.

Густонаселенная страна с небольшой территорией, имеющая значительные водно-энергетические резервы, обладающая крупнейшими запасами редких полезных ископаемых остро нуждается в укреплении своего экономического потенциала, в увеличении торгового оборота с разными странами и, в первую очередь с соседями по региону. Особое географическое расположение Таджикистана делает его с одной стороны привлекательным транзитным коридором для евразийских стран, с другой именно так называемый «географический тупик» и отсутствие морских выходов создает трудности международного экономического сотрудничества для республики. Слабые региональные торговые связи, географическая удаленность от основных магистралей, транзитная зависимость сильно влияют на структуру и объемы внешней торговли [1].

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

Как и многие небольшие страны, республика активно использует различные возможности по выходу на мировой рынок. В 2013 году Таджикистан вступил во Всемирную Торговую Организацию (ВТО), таджикские экспортеры обязались соблюдать правила, касающиеся приме-

нения средств торговой защиты. В частности, антидемпинговые пошлины не могут быть наложены другими государствами-членами ВТО на импорт из Таджикистана без доказательства, что экспорт из Таджикистана является действительно демпинговым. Страна сумела сохранить некоторые тарифные преференции по ранее заключенным соглашениям о свободной торговле в рамках СНГ.

За годы членства в ВТО республике не приобрела каких-либо явных преимуществ от присоединения к международной торговой системе. По всей видимости, оно не оказывает особого влияния на возможное вступление в республики в ЕАЭС, так как не вступает в противоречие с правилами и тарифами, принятыми в Союзе, тем более, что четыре из пяти стран уже члены ВТО, предполагается, что Республика Беларусь завершит все процедуры по вступлению в 2019–2020 гг.

С момента образования Республики Таджикистан число внешнеторговых партнеров значительно выросло, при этом поменялась географическая структура внешнеторговых связей, усилилась их концентрация с наиболее крупными зарубежными партнерами (Таблица 1) [2].

Следует отметить, что с 2000 и по 2015 гг. страны СНГ сократили свое участие во взаимной торговле с Таджикистаном с 64% до 47% [3]. Но уже к 2017 г. страны СНГ охватили немного больше половины внешнеторгового оборота республики (53%). К 2018 г. по официальным данным доля стран СНГ во внешнеторговом обороте выросла до 55,6% (2346,8 млн долл.) наряду с сокращением торговли до 44,4% (1876,1 млн долл.) со странами дальнего зарубежья [4]. В первом квартале 2019 г. оборот со странами СНГ продолжил расти и по сравнению с аналогичным периодом составил 56,3%, или 751,1 млн долл.,

Таблица 1

Внешнеторговые операции Таджикистана со странами СНГ (млн долл.)

1995 г.	
всего	748,6
СНГ	251,6
Другие страны мира	497,0
2000 г.	
всего	784,3
СНГ	373,8
Другие страны мира	410,5
2005 г.	
всего	908,7
СНГ	177,9
Другие страны мира	730,8
2010 г.	
всего	1194,7
СНГ	161,2
Другие страны мира	1033,5
2015 г.	
всего	890,6
СНГ	229,7
Другие страны мира	663,9
2018 г.	
всего	4222,9
СНГ	2346,8
Другие страны мира	1876,1
Январь-апрель 2019	
всего	1335,2
СНГ	751,1
Другие страны мира	584,1

со странами дальнего зарубежья 43,7%, или 584,1 млн долл. [5].

Что касается пяти стран ЕАЭС, две из которых являются непосредственными соседями Таджикистана, то основное взаимодействие базируется на двусторонних торговых отношениях, взаимных инвестициях, трудовой миграции, широком

гуманитарном сотрудничестве. Следует отметить, что страны Союза, имеют неодинаковые торговые отношения с Таджикистаном. Доля стран ЕАЭС (Таблица 2) во внешнеторговом обороте республики в 2018 г. составила 1960,8 млн долл., что всего на 386 млн меньше, чем со странами СНГ и на 848 млн долл. больше, чем со всем остальным миром 1876,0 млн долл. [6, 7, 8].

Все члены ЕАЭС входят в СНГ, также как и Таджикистан в связи с чем, его торгово-экономические отношения с членами союза опираются, в том числе и на Договор о Зоне свободной торговли СНГ (ЗСТ СНГ). При этом Таджикистан в 2015 г., последним из всех стран ратифицировал его и, ему удалось сохранить изъятия из режима свободной торговли по 16 позициям, включая некоторые традиционные экспортные товары (электроэнергию, и алюминий, часть видов сельхозпродукции).

ТАДЖИКСКО-РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Из стран СНГ и ЕАЭС главным торговым партнером для Таджикистана выступает Россия. Россия важный стратегический партнер в политической, экономической военной, миграционной политике в борьбе с международным терроризмом и наркобизнесом. Россия была одной из стран гарантов в урегулировании межтаджикского конфликта. Экономическая поддержка России позволяет Таджикистану существовать в жесткой конкурентной борьбе на евразийском рынке и мировом экономическом пространстве.

Важно отметить, что потенциал для взаимодействия России и Таджикистана имеет довольно широкий диапазон, начиная от сотрудничества в сельскохозяйственной сфере, до развития предприятий по выпуску агрегатов современного машиностро-

Таблица 2

Динамика товарооборота Таджикистана со странами ЕАЭС в 2010-2019 гг. (млн долл.)

Страны	2010	2011	2012	2013	2016	2017	2018	2019 Январь-апрель
Армения								
Оборот	0,5	0,7	0,3	1,1	0,3	0,3	0,3	0,18
Экспорт	0,1	0,0	0,0	0,6	0,0	0,1	0,0	-
Импорт	0,4	0,7	0,3	0,5	0,3	0,2	0,3	0,18
Сальдо	-0,3	-0,7	-0,3	-0,1	-0,3	-0,1	-0,3	-0,1
Белоруссия								
Оборот	51,8	67	75,7	41,9	21	39,5	38	8,1
Экспорт	6,8	11,5	6,4	3,2	2,1	2,5	3,8	1,0
Импорт	45,0	55,5	69,3	38,7	18,9	37,0	35,2	7,1
Сальдо	-38,2	-44	-62,9	-35,5	-16,8	-34,5	-3	-6,1
Казахстан								
Оборот	312,6	470,8	706	712,8	676	838,9	836,5	277,6
Экспорт	19,9	47,2	101,7	86,2	194,9	324,3	299,9	59,2
Импорт	292,7	423,6	604,3	626,6	481,1	514,6	536,6	218,3
Сальдо	-272,8	-376,4	-502,6	-540,4	-286,2	-190,3	-236,7	-159,0
Киргизия								
Оборот	22,3	37,5	80,2	186,6	25,7	48,8	62,2	15,3
Экспорт	6,9	3,1	7,1	7,2	8,9	10,9	14,0	2,6
Импорт	15,4	34,4	73,1	179,4	16,8	37,9	48,2	12,7
Сальдо	-8,5	-31,3	-66	-172,2	-7,9	-27,0	-34,2	-10,1
Россия								
Оборот	958,3	1039,1	1067,5	1031,6	1036,3	935,9	1023,1	332,6
Экспорт	101,8	75,2	106,9	120,1	50,6	32,1	55,2	10,3
Импорт	856,5	963,9	960,6	911,5	985,7	903,8	967,9	322,3
Сальдо	-754,7	-888,7	-853,7	-791,4	-935,1	-871,7	-912,7	-312,0
Страны ЕАЭС								
Оборот	1345,5	1615,1	1929,7	1974,0	1759,4	1863,5	1960,8	634,0
Экспорт	135,5	137	217,3	217,3	256,6	369,9	355,1	73,3
Импорт	1210,0	1477,6	1707,6	1756,7	1502,8	1493,6	1588,2	560,7
Сальдо	-1074,5	-1340,6	-1490,3	-1539,4	-1246,2	-1123,7	-1233,1	-487,4

ения и, неплохой потенциал имеют связи российских и таджикских бизнесменов в рамках программ государственно-частного партнерства.

Несмотря на это, за 2010–2018 годы товарооборот вырос незначительно: с 958 до 1023 млн дол., и доля России

во внешнеторговых операциях с Таджикистаном в январе-декабре 2018 года составила всего 36% [9].

По структуре экономических отношений: в Россию экспортируются продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё, металлы и изделия из них. Из России в ре-

спублику завозятся нефтепродукты, азотные удобрения, сельхозпродукция, лесоматериалы, машино-техническая продукция. С помощью России было завершено строительство крупного гидроэнергетического объекта Сангтудинской ГЭС–1. Инвестиции российской стороны составили более 16 млрд руб. России принадлежат 75% минус одна акция ОАО «Сангтудинской ГЭС–1».

Объем российских инвестиций в таджикскую экономику в 2017 году составил 81,1 млн долл. или 7,4%. Для сравнения на первом месте по инвестициям был Китай, который вложил 303,0 млн долл. или 27,5% от общего объема инвестиций [10]. В 2018 году российские инвестиции ещё сократились и составили 21,5 млн долл. или 3,3%, при том что Китай увеличил свой портфель до 51,3% или 330,5 млн долл. [11].

Возможно, списание Россией крупных долгов Таджикистана, (как это, например, произошло с Киргизией) стало бы привлекательным аргументом для создания зоны свободной торговли с ЕАЭС или получения статуса страны-наблюдателя. Хотя, говорить о вступлении в ЕАЭС в сложный период, когда Россия находится под санкциями, по мнению некоторых экспертов преждевременно.

Для эффективной работы российского бизнеса в Душанбе открыто представительство Российского экспортного центра (РЭЦ), организации, продвигающей интересы российских экспортеров за рубежом. Создан Деловой совет сотрудничества с Таджикистаном при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (ТПП РФ). В ходе визита в Душанбе (в 2017 г.) глава группы РЭЦ П. Фрадков назвал Таджикистан ключевым направлением для российских товаров: «В нашем портфеле 20 российско-таджикских проектов на сумму более 33 млн долл. и столько же проектов находится в проработке» [12].

Именно Президент России в январе 2018 года в рамках сопряжения форматов ЕАЭС и СНГ предложил некоторым странам-участницам содружества стать наблюдателями при Союзе [13].

В 2017 году импорт из России составил 32,6% от общего объема импорта [10]. В этом же году по сравнению с 2016 годом Россия вернула себе первенство во внешнеторговом обороте с Таджикистаном (935,9 млн долл.) [10], в 2018 году 102,31 млн долл. [8] или 23,6%, несмотря на общее снижение товарооборота между двумя странами на 9,7%.

ТАДЖИКско-КАЗАХСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

В Евразийском Союзе есть ещё один очень важный для Таджикистана партнер, с которым у него состоялись достаточно ровные и взаимовыгодные отношения. Во взаимодействии двух стран практически нет разногласий ни в одной сфере, это единственная страна в регионе, с которой у Таджикистана не возникало ни территориальных, ни даже водных конфликтов, Казахстан является гарантом геополитической безопасности в регионе. Обе страны оперативно решают вопросы трудовой миграции, в ВУЗах Казахстана предусмотрены квоты для обучения таджикских студентов. Объем гуманитарной помощи Казахстана с 2006 года по 2019 год составил более 37 млн долл. [14], в виде поставок топочного мазута.

В рамках Казахстанско-Таджикского Фонда прямых инвестиций Казахстан вложил 500 млн долл. «Основная задача Фонда, зарегистрированного на территории Республики Казахстан, заключается в реализации совместных инвестиционных программ в области экономики, энергетической и металлургической областях; при этом доля казахской стороны составляет 80% уставного

фонда» [15]. Казахстан инвестирует в горнорудную промышленность, энергетику, цветную металлургию и машиностроительный сектор, телекоммуникационную сферу, сельское хозяйство, горнорудную промышленность и развитие цветной металлургии.

Наиболее впечатляют показатели товарооборота двух стран (см. таблицу 2). Так экспортно-импортный оборот с Казахстаном в 2010 году составлял 312,6 млн долл., в 2017 году (838,9 млн долл.) [10]. В 2018 году он вырос на 167% — до 836,5 млн долл. [8]. То есть значительно сильнее, чем с Россией. Экспортный потенциал стран тщательно изучается созданной межправительственной комиссией по экономическому сотрудничеству. Для поддержки казахских экспортеров в мае 2019 года в Душанбе был открыт офис представителя АО «ЭСК «KazakhExport». «Уже сегодня при поддержке KazakhExport городские кроссоверы JAC S3 отечественной (казахской) сборки формируют таксопарк Душанбе. Кроме того, компания содействует поставкам в Таджикистан местных автобусов марки Hyundai County» [16]. С таджикскими банками достигнуты договоренности «о сотрудничестве в сфере страхования и финансирования казахстанских производителей, осуществляющих экспорт из Казахстана в Таджикистан» [16].

Структура взаимной торговли двух стран состоит из казахстанского экспорта зерна и мучных изделий, в Таджикистан ввозятся нефтепродукты, сжиженный газ, прокаты черных металлов, продукция неорганической химии. В Казахстан традиционно экспортируется хлопок, алюминий, алюминиевые изделия, электроэнергия, шлак, зола, текстильные материалы и плодощная продукция.

ТАДЖИКСКО-КИРГИЗСКОЕ ТОГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Торговый оборот с Киргизией увеличился с 22,3 млн долл. в 2010 году до 62,2 млн долл. в 2018 году (рост 178%). (см. таблицу 2). Такой внушительный подъём объясняется, в том числе и тем, что вступление Киргизии в ЕАЭС упростило торговлю топливом, которое он успешно реэкспортировал в Таджикистан. Пик товарооборота достиг в 2013 году и это тоже было связано с активными поставками топлива из Киргизии.

Торгово-экономические отношения с Киргизией достаточно ровные, несмотря имеющиеся приграничные конфликты. В настоящее время их количество снизилось, в июле 2018 года обе страны договорились об ускорении делимитации границ. Правительством Таджикистана принято специальное постановление об упрощении правил взаимной торговли, в том числе приграничной.

Обе страны заинтересованы, как можно эффективнее использовать свои водно-энергетические возможности, через создание единого энергетического рынка, сооружения энергетических мостов, участия в проекте CASA–1000¹. Обе страны весьма заинтересованы в развитии транспортно-коммуникационной инфраструктуры на международно-региональном уровне.

Самое главное для Таджикистана — внимательное изучение опыта вступления Киргизии в ЕАЭС и последствия объединения.

ТАДЖИКСКО-БЕЛОРУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Взаимодействие между Республикой Беларусь и Республикой Таджикистан также носит ровный и дружественный характер, регулярные встречи лидеров и правитель-

¹ Проект CASA–1000 предусматривает экспорт излишков электроэнергии из двух стран через Афганистан в Пакистан. Строительство таджикского участка будут осуществлять шведская АБВ и индийская Kalpataru компании. В 2019 г. индийская компания уже приступила к определению места опор линий электропередач.

ственных делегаций заканчиваются принятием двусторонних соглашений в разных областях. В 2018 году была подписана дорожная карта сотрудничества Белоруссии и Таджикистана на 2019–2020 гг. В ней отражены основные направления взаимодействия, включающие машиностроение, производство лекарственных препаратов, развитие легкой, горно-металлургической и пищевой промышленности.

Особое внимание будет уделено расширению отношений между регионами в сельскохозяйственной сфере и логистике. В 2018 году президенты двух стран присутствовали при открытии белорусско-таджикского ЗАО «Агротехсервис» по производству тракторов в Гиссаре (Таджикистан). Проектная мощность производства 2600 машин в год, собранные трактора планируется экспортировать в Афганистан.

Активно развиваются культурно-миграционные связи. В Белоруссию также направляется поток трудовой миграции, правда в меньших масштабах, чем в Россию и Казахстан. Увеличилось количество граждан южной республики, которые обучаются в ВУЗах Белоруссии.

Структура экспорта из Белоруссии в Таджикистан стабильна и включает большегрузную строительную и карьерную технику, текстильные изделия, мебель, электрооборудование, бытовую технику. Таджикистан экспортирует как привычную продукцию хлопок-волокно, алюминий, сухофрукты, так и менее популярные товары: шерсть, масленичные семена и плоды. С 2010 года взаимный товарооборот двух стран составлял 51,8 млн долл. Пик был достигнут в 2013 году — 75,7 млн долл. В последующее годы наблюдалось неравномерное падение торговли между странами до 38,5 млн долл. в 2018 году (см. таблицу 2). В этом же году Белоруссия даже вышла на третье место по объёму товаро-

борота среди стран ЕАЭС, потеснив Киргизию (см. таблицу 2).

ТАДЖИКско-АРМЯНСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Отношения с Арменией носят дружественный характер, но географическая удаленность двух стран не способствует росту товарооборота. Обе республики входят практически во все интеграционные объединения на постсоветском пространстве, на площадках которых проходят ежегодные встречи и обмен мнениями по поводу дальнейшего торгово-экономического сотрудничества.

В ходе официального визита президента Таджикистана в Армению в 2017 году были достигнуты договоренности по созданию дистрибьютерских компаний для организации экспорта и импорта продукции, взаимодействия в легкой промышленности и ювелирной сфере. Таджикистан имеет значительные запасы драгоценных и полудрагоценных камней, которые предполагается поставлять для изготовления готовых изделий в Армению с последующим обратным импортом. Но говорить о глубокой экономической связанности двух государств не приходится. Товарооборот в 2010–2018 гг. стабильно сохраняется в пределах 0,3–1,1 млн долл. (см. таблицу 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Функционирование ЕАЭС создало для стран-членов условия по восстановлению научно-технической и производственной кооперации предприятий. Произошли положительные изменения в таможенном законодательстве, либерализации взаимной торговли, формировании общего рынка товаров и услуг. Объем взаимной торговли государств-членов ЕАЭС в 2017 году составил 54,7 млрд. долл., в 2018 г. — 60,3 млрд. долл., за шесть месяцев 2019

года — 28,0 млрд. долл. [17]. Принятые преференции становятся привлекательными при обсуждении вопроса о возможном присоединении Таджикистана к ЕАЭС.

Исходя из вышеизложенного, трудно однозначно определить фактор Евразийского союза в региональном экономическом развитии Таджикистана. С одной стороны, экономическая целесообразность и сильная зависимость республики от основных торговых и инвестиционных партнеров стран-членов ЕАЭС России и Казахстана увеличивает его шансы на успешное эконо-

мическое развитие, при продолжении более тесного сотрудничества со странами союза. С другой стороны, достаточно тесные двусторонние связи и сильная зависимость Таджикистана от других международных партнеров, в частности Китая, Турции, стран ЕС препятствует принятию быстрого решения по вступлению республики в союз.

Возможно, как для Таджикистана, так и для стран-членов Союза можно было рассмотреть формат наблюдателя или создание Зоны свободной торговли ЕАЭС–Таджикистан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дадабаева З.А. Внешнеэкономические связи Республики Таджикистан и вопросы интеграционного выбора. В: Внешнеэкономические связи постсоветских стран в контексте евразийской интеграции. Отв. ред. Л.Б. Вардомский, А.Г. Пылин. Москва: ИЭ РАН; 2014. С.180.
2. 25 лет Содружеству Независимых Государств 1991—2015: Статистический сборник. Москва: Межгосударственный статистический комитет СНГ; 2016. С. 301.
3. Содружество независимых государств в 2017 г. Статистический ежегодник. Москва: Межгосударственный статистический комитет СНГ; 2018. С. 117.
4. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан. Доклад 2018. Душанбе: Агентство по статистике при президенте Республики Таджикистан; 2019. С. 244. URL: <http://stat.ww.tj/posts/february2019/12-180-2018-doklad.pdf> (дата обращения: 14.08.2019)
5. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан январь-апрель 2019. Доклад 2019. Душанбе: Агентство по статистике при президенте Республики Таджикистан; 2019. С. 249. URL: <http://stat.ww.tj/publications/May2019/4-150%202019%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86.pdf> (дата обращения: 14.08.2019)
6. Статистический ежегодник Республики Таджикистан 2014. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан; 2014. С. 318-323.
7. Внешняя торговля стран Содружества Независимых государств 2017. Статистический сборник Москва: Межгосударственный статистический комитет СНГ; 2018. С.28-29.
8. Социально-экономическое положение Республики Таджикистан. Доклад. Душанбе: Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан; 2018. С. 250.
9. Оперативные данные по внешней торговле Российской Федерации с Республикой Таджикистан. Аналитическая справка, включая оперативные данные по статистике внешней торговли Таджикистана с Россией за январь-декабрь 2018 года. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/tj/analytic_tj (дата обращения: 13.08.2019)
10. Годовой обзор состояния экономики и основных направлений внешнеэкономической деятельности Республики Таджикистан за 2017 г. Душанбе: Агентство по статистике

- при Президенте Республики Таджикистан; 2018. С. 109.
11. Аналитические данные о притоке иностранных инвестиций в экономику Республики Таджикистан на 2018 г. URL: <http://investcom.tj/ru/invest/investicionnaja-dejatelnost/107-statistika-inostrannyh-investicij.html> (дата обращения: 12.08.2019)
 12. EurasiaNet: Евразийский союз притягивает Таджикистан. URL: <http://geo-politica.info/eurasianet-evraziyskiy-soyuz-prityagivaet-tadzhikistan.html> (дата обращения: 13.09.2019)
 13. Путин предложил некоторым странам СНГ стать наблюдателями при ЕАЭС. URL: <https://regnum.ru/news/2369406.html> (дата обращения: 13.09.2019)
 14. Гуманитарная помощь Республики Казахстан передана таджикской стороне. URL: <http://www.mfa.kz/ru/dushanbe/content-view/gumanitarnaa-pomos-respubliki-kazahstan-peredana-tadzikskoj-storone-5> (дата обращения: 12.09.2019)
 15. Муллоджанов П. Таджикско-казахстанские отношения: новые вызовы и будущие перспективы. URL: <https://tj.sputniknews.ru/asia/20180315/1025009035/tajikistan-kazakhstan-grazhdane-dney.html> (дата обращения: 14.09.2019)
 16. KazakhExport открыл представительство в Таджикистане. URL: <https://kursiv.kz/news/kompanii-i-rynki/2019-05/kazakhexport-otkryl-predstavitelstvo-v-tadzhikistane> (дата обращения: 25.05.2019)
 17. Объемы, структура и динамика взаимной торговли стран ЕАЭС. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2018/12-180/I201812_1.pdf#view=fitV (дата обращения: 26.03.2019)

REFERENCES

1. Dadabaeva Z.A. Foreign Economic relations of the Republic of Tajikistan and issues of integration choice. In: Foreign economic relations of post-Soviet countries in the context of Eurasian integration. Editor-in-chief: L.B.Vardomskiy, A.G.Pylin. Moscow: Institute of Economics of RAS; 2014. С. 180 (in Russ.)
2. 25 years of the Commonwealth of Independent States 1991-2015: Statistical compendium. Moscow: Interstate statistical Committee of the CIS; 2016. Pp. 301 (in Russ.)
3. Commonwealth of independent States in 2017 Statistical Yearbook. Moscow: CIS interstate statistical Committee; 2018. P. 117 (in Russ.)
4. Socio-economic situation of the Republic of Tajikistan. Report 2018. Dushanbe: Agency for statistics under the President of the Republic of Tajikistan; 2019. p. 244. URL: <http://stat.wv.tj/posts/february2019/12-180-2018-doklad.pdf> [Accessed: 14.08.2019] (in Russ.)
5. Socio-economic situation of the Republic of Tajikistan. Report 2019. Dushanbe: Agency for statistics under the President of the Republic of Tajikistan. 2019. p. 249. URL: <http://stat.wv.tj/publications/May2019/4-150%202019%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%B%D0%B0%D0%B4%20%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B8%CC%86.pdf> [Accessed: 14.08.2019] (in Russ.)
6. Statistical Yearbook of the Republic of Tajikistan 2014. Dushanbe: Publishing house: Agency on statistics under President of the Republic of Tajikistan; 2014. p. 318-323 (in Russ.)
7. Foreign trade of the Commonwealth of Independent States 2017. Statistical collection. Moscow: Publishing house: CIS State Committee; 2018. p. 28-29 (in Russ.)
8. Operational data on foreign trade of the Russian Federation with the Republic of Tajikistan. Analytical reference, including operational data

- on statistics of foreign trade of Tajikistan with Russia for January-December 2018. p. 250. (in Russ.)
9. On the results of mutual trade in goods of the Eurasian economic Union January-December 2018. URL: http://www.ved.gov.ru/export-countries/tj/analytic_tj [Accessed: 13.08.2019] (in Russ.)
10. Annual review of the state of the economy and the main directions of foreign economic activity of the Republic of Tajikistan for 2017. Dushanbe: Publishing house: Agency for statistics under the President of the Republic of Tajikistan; 2018. p.109 (in Russ.)
11. Analytical data on the inflow of foreign investments into the economy of the Republic of Tajikistan for 2018. URL: <http://investcom.tj/ru/invest/investicionnaja-dejatelnost/107-statistika-inostrannyh-investicij.html> [Accessed: 12.08.2019] (in Russ.)
12. EurasiaNet: Eurasian Union attracts Tajikistan. URL: <http://geo-politica.info/eurasianet-evraziyskiy-soyuz-prityagivaet-tadzhikistan.html> [Accessed: 13.09.2019] (in Russ.)
13. Putin invited some CIS countries to become observers at the EAEU. URL: <https://regnum.ru/news/2369406.html> (Accessed: 13.09.2019) (in Russ.)
14. Humanitarian aid of the Republic of Kazakhstan was transferred to the Tajik side. URL: <http://www.mfa.kz/ru/dushanbe/content-view/gumanitarnaa-pomos-respubliki-kazakhstan-peredana-tadzikskoj-storone-5> [Accessed: 12.09.2019] (in Russ.)
15. Mullojanov P. Tajik-Kazakh relations: new challenges and future prospects. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/asia/20180315/1025009035/tajikistan-kazakhstan-grazhdane-dney.html> [Accessed: 14.09.2019] (in Russ.)
16. KazakhExport opened a representative office in Tajikistan. URL: <https://kursiv.kz/news/kompanii-i-rynki/2019-05/kazakhexport-otkryl-predstavitelstvo-v-tadzhikistane> [Accessed: 25.05.2019] (in Russ.)
17. Volumes, structure and dynamics of mutual trade of UAE countries. URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Documents/2018/12-180/I201812_1.pdf#view=fitV [Accessed: 26.03.2019] (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Зарина А. Дадабаева, Доктор политических наук, Институт экономики РАН, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, ул. Нахимовский проспект, д. 32;
zarina.17.06@list.ru

Zarina A. Dadabaeva, Doctor of Political Sciences, Institute of Economics, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskiy Prospect, Moscow, 117218, Russia;
zarina.17.06@list.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

К вопросу о федерализме в Бельгии

Светлана М. Гаврилова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

smgavrilova@gmail.com

Аннотация: По форме территориально-административного устройства Королевство Бельгия является федерацией. Федерализм в Бельгии имеет ряд специфических особенностей, поскольку в его основе лежат принципы деления не только по национальному и административному принципу, но и по лингвистическому. Основные противоречия внутри национального государства связаны с взаимодействием валлонской (франкоговорящей) и фламандской (говорящей на нидерландском и его диалектах) общностей. Современная ситуация в стране сложилась в результате ряда государственных реформ, проводимых во второй половине XX — начале XXI века. В настоящее время кризис в Бельгии остается не разрешенным, прежде всего — из-за диспропорции экономического развития регионов и нарастающими в этой связи конфликтами, и особым статусом двуязычного Брюсселя. Ситуация осложняется наличием в государстве немецко-говорящей общности. В статье дается оценка перспективам развития ситуации в Бельгии с точки зрения трансформации системы федерализма в стране.

Ключевые слова: федерализм, Бельгия, Валлония, Фландрия, Брюссель, лингвистические сообщества, регионализация

Для цитирования: Гаврилова С.М. К вопросу о федерализме в Бельгии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):366-377. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-366-377>

Статья поступила 26.09.2019

Принята в печать 12.10.2019

Опубликована 02.12.2019

On the question of federalism in Belgium

Svetlana M. Gavrilova

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
smgavrilova@gmail.com

Abstract: The Kingdom of Belgium is a Federation in terms of its territorial and administrative structure. Federalism in Belgium has a number of specific features, since it is based on the principles of division not only on the national and administrative principle, but also on linguistic. The main contradictions within the nation-state are related to the interaction of Walloon (French-speaking) and Flemish (speaking Dutch and its dialects) communities. The current situation in the country has developed as a result of a number of state reforms carried out in the second half of the XX — early XXI century. At present, the crisis in Belgium remains unresolved, primarily due to the imbalance in the economic development of the regions and the growing conflicts in this regard and the special status of bilingual Brussels. The situation is complicated by the presence of a German-speaking community in the state. The article assesses the prospects for the development of the situation in Belgium in terms of the transformation of the system of federalism in the country.

Keywords: federalism, Belgium, Wallonia, Flanders, Brussels, linguistic communities, regionalization

For citation: Gavrilova S.M. On the question of federalism in Belgium. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):366-377. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-366-377>

Received 26.09.2019

Revised 12.10.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

Королевство Бельгия является страной с федеративным устройством. Бельгийский федерализм — пример синтеза различных федеративных и квазифедеративных элементов. Все принципы федерализации отражены в первом разделе Конституции страны. Бельгийский федерализм обладает рядом отличительных особенностей. Государство представляет собой т.н. «двойную федерацию»: в его рамках существует два типа субъекта — культурные (языковые) сообщества (французское, фламандское и немецкое) и регионы (Валлония, Фландрия, Брюссельский столичный округ),

обладающие различными компетенциями. Федеративная система в Бельгии — крайне децентрализованная, ее характерной чертой являются широкие полномочия территориальных и этнолингвистических субъектов при размытости прерогатив федеральной власти. Важной особенностью является наличие различных типов федеральных субъектов на одной территории. Субъекты федерации наделены фиксированными полномочиями, а федерация, фактически, имеет остаточную компетенцию. В стране отсутствует принцип верховенства федерального права, который харак-

терен практически для всех современных федераций. Федерализму в Бельгии присущ и ряд характерных черт конфедерации: например, полномочия субъектов в области внешней политики. Бельгийская модель сегодня имеет огромное значение для «единой Европы» по причине актуальности проблем мультилингвизма и «языковых вопросов».

Важно отметить, что «в основу федерализма в Бельгии положены три принципа: административно-территориальный, национальный и лингвистический», на основе которых существуют соответственно три территориальных региона (Фламандский регион, Валлонский регион, Брюссельский столичный регион), три национальных сообщества (фламандское, валлонское и немецкое) и четыре лингвистических региона (нидерландский язык, французский язык, немецкий язык, двуязычный Брюссель) [1].

Основные противоречия в стране связаны с конфликтом валлонской (франкоговорящей) и фламандской (говорящей на нидерландском и его диалектах) общностей. Сепаратистские тенденции со стороны фламандцев чреваты серьезной угрозой не только для территориальной целостности страны: в отличие от других европейских прецедентов, фламандский сепаратизм грозит прекращением существования Бельгии как государства. На ситуацию оказывает влияние и ряд характерных особенностей бельгийского типа федерации, связанных с историческим развитием региона.

Главной отличительной чертой бельгийской политической культуры является высокая степень развития политического и общественного диалога, способствующая достижению компромиссов в любых вопросах. Важно также отметить ассиметричный характер бельгийского федерализма.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В БЕЛЬГИИ

Истоки современного конфликта в Бельгии исторически уходят корнями еще в Римскую эпоху, когда территория Фландрии и Валлонии оказались под культурным воздействием германской и романской культур. Созданная в 1830 г. независимая Бельгия была унитарным государством, в котором существовали два культурных сообщества — франкофонное и нидерландофонное. Современные сложности в стране — результат многолетних напряженных отношений между ними. Переход Бельгии от унитаризма к федерализму обусловлен именно продолжительным конфликтом между этими двумя культурно-лингвистическими общинами.

В рамках единого государства изначально влияние франкофонов было доминирующим в связи с лидирующей позицией Валлонии в экономической и промышленной сферах, несмотря на то, что большая часть населения страны говорила на нидерландском языке. Французский язык был единственным официальным языком вплоть до 1898 г., когда в Бельгии был принят закон о двуязычии. В 1932 г. за Фландрией и Валлонией закрепляется право вести дела на своих языках.

В XX веке ситуация коренным образом меняется: во Фландрии происходит экономический прорыв (в настоящее время регион — один из самых богатых в мире), а Валлония теряет свои позиции, в первую очередь — в связи с утратой колонии Конго, откуда поступали необходимые промышленные ресурсы. Экономический центр страны переместился из Валлонии во Фландрию.

Важным этапом развития системы федерализма в Бельгии становится официальный перевод Конституции на нидерландский язык в 1967 г. В это же время вместо традиционной трехпартийной системы (консерваторы-католики, либералы,

социалисты) сформировалась многопартийная, основанная на лингвистическом и региональном принципах. Политические партии страны разделились на франкоговорящие, нидерландогворящие и немецкоговорящие. Точкой отсчета обострения конфликта можно считать ситуацию с преподаванием в университете Лёвена, сложившуюся в 1968 г.: серьезные противоречия тогда вызвал вопрос о том, на каком языке должно вестись преподавание. После обострения конфликта процесс превращения Бельгии в федерацию был активизирован. Первая государственная реформа, ставшая ответом на фламандские требования культурной автономии, была проведена в 1970 г.: были созданы три культурных сообщества, а все три языка (французский, нидерландский и немецкий) получили статус государственных.

В 1980 г. в стране прошла вторая государственная реформа, в ходе которой Фландрия и Валлония получили статус автономий: в ведение сообществ перешли компетенции в области здравоохранения, культурной и социальной политики. Были расширены финансовые и законодательные полномочия регионов.

В 1988-1989 гг. состоялась третья государственная реформа, по итогам которой Брюссель получил особый статус двуязычного региона. Город приобрел собственные региональные учреждения, был ограничен 19 муниципалитетами. В сферу влияния культурных сообществ передавалось образование.

В итоге четвертой государственной реформы 1993 г. Бельгия становится абсолютной федерацией (т. н. Сен-Мишельское соглашение). В Конституцию страны вносятся соответствующие изменения: «Бельгия — федеративное государство, состоящее из сообществ и регионов» [2]. Вновь были расширены компетенции сообществ

и регионов: они получают большую финансовую ответственность, а их ресурсы увеличиваются. Выборы в парламенты всех субъектов федерации становятся прямыми, а система Федерального парламента реорганизуется. 21 мая 1995 г. прошли первые прямые выборы для всех парламентов страны. Социальное обеспечение, однако, не передавалось в ведение регионов, а географическое положение Брюсселя оставалось проблемой в системе разграничения «язык-территория».

В 2001 г. была проведена пятая государственная реформа, касавшаяся реформирования области Брабант, расширения полномочий сообществ и регионов и функционирования брюссельских учреждений.

В 2007 г. в Бельгии разразился серьезный политический кризис. Основной причиной был мировой экономический кризис, в ходе которого произошло замедление роста бельгийской экономики. Результатом стало обострение фламандского недовольства статусом Валлонии и Брюсселя как дотационных регионов с высоким уровнем безработицы и низкой производительностью труда. В 2010 г. после падения правительства Ива Летерма кризис усугубился. Июньские выборы принесли победу националистической партии «Новый Фламандский Альянс». Кризис побил все рекорды по своей продолжительности (продлился 541 день) и привел к шестой государственной реформе в 2011 гг. В соответствии с ней в зону ответственности сообществ Бельгии передавалась семейная политика, а в компетенцию регионов — вопросы занятости. Бельгийский Сенат преобразовывался из непосредственно выборного органа в собрание представителей региональных парламентов с сокращением общего числа мест. Помимо этого, шестая государственная реформа

предполагала существенное увеличение фискальной автономии для регионов. В результате этой реформы Бельгия вошла в число стран с самыми широкими полномочиями, входящими в компетенцию субъектов федерации.

По итогам выборов 2014 г. в стране вновь сложилась ситуация, при которой ни одна партия не могла сформировать правительство. 7 октября 2014 г. на основе бюджетных компромиссов было подписано соглашение между партиями «Новый Фламандский Альянс», «Христианские демократы и фламандцы», «Открытые фламандские либералы и демократы» и «Реформаторское движение». Новым премьер-министром страны стал представитель «Реформаторского движения» валлонез Шарль Мишель. Действующее правительство Бельгии является продуктом «политического торга» между фламандскими и валлонскими партиями, что существенно ослабляет его функциональные способности как в вопросах внутренней политики, так и на внешнеполитической арене, в том числе — в решении особо актуальных задач противодействия международному терроризму [3].

Кризис в Бельгии, фактически, остается неразрешенным. Валлония вместе с Брюсселем фактически является дотационным регионом. Серьезные разногласия между франкоязычными и нидерландоязычными политиками вызвал выдвинутый «Новым Фламандским Альянсом» т.н. проект «Закона о патриотизме», предусматривающий передачу больших полномочий полиции, ме — ым властям и спецслужбам [4]. В мае 2019 г. партия, фактически, выиграла выборы в Европейский парламент, получив более 13% голосов избирателей [5], что оказало заметное влияние на перспективу развития фламандского сепаратизма в стране.

ФРАНКО-ФЛАМАНДСКИЙ КОНФЛИКТ: КЛЮЧЕВЫЕ ТОЧКИ НАПРЯЖЕННОСТИ

Все субъекты федерации в Бельгии наделены широкими полномочиями в сфере культуры, образования, экономической, социальной и региональной политики, а также — в некоторых областях внешней политики. Важным фактором является то, что компетенции в законодательной сфере передавались сообществам и регионам одновременно с соответствующими полномочиями в исполнительной сфере.

Каждый регион и каждое языковое сообщество Бельгии имеют свой парламент и правительство. Выборы в Федеральный парламент происходят по региональному разделению: во Фландрии голосуют за фламандские партии, в Валлонии — за валлонские. В самом парламенте депутаты также делятся на две лингвистические группы. Избранные парламентарии входят в парламенты автономных регионов и формируют собственные правительства. Аналогичными функциями обладают культурные сообщества. Исключение представляет Брюссель: жители города избирают городской парламент, формирующий правительство столичного региона, тогда как остальные граждане страны голосуют за кандидатов, представляющих их и в федеральном, и в региональном парламенте. Таким образом, в Бельгии функционирует шесть правительств: федеральное, объединенное правительство региона Фландрия и фламандского сообщества, валлонское, французское, немецкое и брюссельское. Необходимо отметить, что правительства формируются на партийной, а не регионально-языковой основе. Структура федерации осложняется наличием специальных местных институтов, гарантирующих права языковых меньшинств (валлонцев на территории Фландрии и фламандцев в Валлонии).

В ведение региональных правительств входят вопросы экономики, регионального развития и городского планирования, сельского хозяйства, окружающей среды и водного хозяйства, энергетической политики, общественных работ, транспорта, политики занятости; правительств языковых сообществ — вопросы культуры, образования, языка, социальной политики. Федеральное правительство координирует действия пяти других правительств и занимается вопросами общегосударственной важности: обороны и безопасности, экономики, здравоохранения, иностранных дел, при этом обладая остаточной компетенцией. Регионы, в свою очередь, также имеют широкие полномочия в сфере внешней политики [6].

Языковые проблемы нередко служат поводом для эскалации конфликтов в Бельгии, а языковая ситуация во Фландрии в настоящий момент является одной из самых напряженных в мире. Важно отметить, что ни французский, ни нидерландский язык не обладают официальным статусом на всей территории страны. Немаловажную роль в данном контексте играет статус и реальное положение дел в Брюсселе: столица, исторически являясь главным городом Фландрии и находясь на ее территории, официально остается двуязычным городом, однако, около 80% населения говорят на французском. Кроме того, происходит постоянное расширение Брюсселя за счет фламандских территорий, что вызывает возмущение со стороны фламандцев. «Галлизация» Брюсселя и «захват» фламандских территорий являются одной из ключевых спорных точек франко-фламандского конфликта. В 2008 г. был предложен план по выделению т.н. «Коридора Брюссель-Валлония», который за счет незначительной территории приграничной фламандской области обеспечил бы «соединение» столичного региона с франкоя-

зычными землями. Идея, однако, не решает проблемы, а, кроме того, была негативно встречена фламандцами. Ситуация осложняется наличием в приграничных областях Фландрии некоторого числа франкоговорящего населения. Примечательно, что в Бельгии введен запрет на вопрос о языке в ходе переписей населения.

Одной из наиболее значимых проблем для Бельгии на протяжении долгого времени оставался статус избирательного округа Брюссель-Хале-Вилворде (на территории Фландрии), в котором остро стоял вопрос о порядке голосования за валлонские и фламандские партии и праве франкоговорящего населения голосовать за валлонских кандидатов. В 2012 г. Брюссельский регион был выделен в качестве самостоятельного избирательного округа из провинции Фламандский Брабант. Франкоговорящее население получило специальные условия для голосования в шести пригородных муниципалитетах: при сохранении возможности голосовать в провинции за фламандские партии, оно получило избирательное право в самом Брюсселе. При этом ряд муниципалитетов Халле-Вилворде потеряли право голосовать за валлонских кандидатов в столице [7]. Решение, однако, вызвало критику как фламандцев, так и валлонцев. Особые опасения со стороны фламандских оппозиционных партий высказываются по поводу нынешнего преобладающего положения франкоговорящих политиков в Брюсселе как результата проведенной реформы. Несмотря на продолжающиеся дискуссии, по вопросу об округе, тем не менее, было достигнуто соглашение.

Подчеркнем, что «двойная» бельгийская федерация также является биполярной: при наличии в стране трех языковых сообществ и трех регионов очевидно фламандско-валлонское доминирование, тогда как интересы немецкоговорящего сообще-

ства и столичного региона представлены на более низком уровне. При этом, немецкоязычное сообщество Бельгии можно считать «самым защищенным меньшинством Европы» [8]: при сравнительной малой площади и числа населения, все права проживающих на данной территории граждан Бельгии соблюдаются в полном объеме, а географическое положение позволяет региону интенсивно развиваться с экономической точки зрения.

Необходимо отметить, что сепаратизм в Бельгии никогда не был валлонским: валлонские националисты активизировались исключительно «в ответ» на деятельность сепаратистов из Фландрии. Первая фламандская националистическая партия «Фольксюни» сформировалась еще в 1954 г., а в 1979 г. был образован более радикальный Фламандский блок, выступавший за отделение региона. В последующие десятилетия во Фландрии наблюдается постоянный рост влияния националистических партий. Наряду с этим очевидна слабость валлонского национального движения, проявляющаяся в первую очередь в отсутствии консенсуса между представляющими ее политическими силами. Очевидно, однако, что Валлония совершенно не заинтересована в отделении от Фландрии в связи с плачевной экономической ситуацией и ее фактическим статусом дотационного региона. В качестве автономного государственного образования исключается возможность самостоятельного интегрирования Валлонии в структуры Евросоюза. Фландрия же, являясь регионом с развитой промышленностью и инфраструктурой, претендует на самостоятельное существование в рамках Европейского союза. Во фламандской среде уже зародилась идея о самоликвидации Бельгии путем образования двух независимых государств. Наряду с этим звучат и идеи об объединении с южными

провинциями Нидерландов, исторически более близких к Фландрии, чем к северу собственной страны. Однако эта тенденция активнее проявляется в самих Нидерландах, чем во Фландрии. Параллельно в Валлонии существует идея о присоединении к Франции на правах автономии в случае прекращения существования Бельгии в том виде, в котором страна находится на текущий момент. Важным фактором в данном контексте является лингвистическая близость Валлонии и Брюсселя к Франции [9].

Необходимо отметить тот факт, что фламандский сепаратизм обладает одной важной особенностью: нидерландоговорящее население составляет более половины населения страны. В данном контексте Фландрия является уникальным примером, когда на отделение претендует этнос, составляющий большую часть населения [10].

В настоящее время между двумя крупнейшими сообществами Бельгии сформировался целый ряд взаимных претензий и требований. Фландрия выступает за автономию, а Валлония — за сильное федеративное государство. Основные требования фламандцев сводятся к полной налоговой самостоятельности и передаче регионам более широких полномочий в области здравоохранения, социальной занятости, сельского хозяйства, железнодорожного сообщения и внешней торговли. Еще одним требованием является отказ от территориального расширения Брюсселя, лишение его статуса региона и введение «совместного управления» столицей.

Со стороны валлонцев данная позиция вызывает резкое неприятие, прежде всего в связи с перспективой прекращения перераспределения экономических ресурсов от богатого севера к отстающему югу. В Валлонии возмущены запретом французского языка на территории Фландрии и тенденциями, свидетельствующими о по-

степенном придании нидерландскому языку статуса главного в государстве. Также в Валлонии озабочены проблемой территориальной и языковой «блокады» Брюсселя и положением франкоговорящего населения приграничных коммун Фландрии.

Валлонцы считают необходимым сохранить монархию, тогда как фламандцы склонны к республиканской форме. Серьезной проблемой остается вопрос не только о самостоятельном существовании двух частей страны, но и об их «участии в системе НАТО и членстве в Евросоюзе» [11].

Важной отличительной особенностью страны является отсутствие общепольских партий и средств массовой информации. Фактически, в Бельгии отсутствует и единое культурное поле: культурная жизнь сконцентрирована в пределах языковых сообществ. Практически все политические партии делятся по территориально-языковому принципу на фламандские и валлонские, при незначительном числе общепольских и немецких. Общепольские институты с каждым годом теряют авторитет, а национальная идентичность сокращается. Объединяющими факторами в настоящее время остается общая экономическая концепция, участие в общеевропейских процессах и монархия. Король Филипп, активно призывающий политические силы к диалогу и компромиссу, играет роль объединителя нации. Немаловажно и то, что Брюссель остается «столицей Единой Европы».

Одной из особенностей ситуации в Бельгии является относительное спокойствие граждан и политических элит при обсуждении вопросов возможного разделения страны. Кроме того, тенденции сепаратизма не приводят к всплескам конфликтов с применением насильственных методов: обе стороны делают акцент на необходимости мирного решения проблем, и это

позволяет говорить о возможности достижения компромисса.

ПЕРСПЕКТИВЫ И УГРОЗЫ БЕЛЬГИЙСКОГО СЕПАРАТИЗМА

В широкой перспективе распад Бельгии — а отделение Фландрии, фактически, означало бы прекращение существования страны — представляет серьезную опасность для всей Европы. Само существование Европейского союза, создание которого проходило при непосредственном участии и по образцу Бельгии, в случае успешного решения вопроса в пользу регионального сепаратизма, оказывается под угрозой, поскольку примеру Фландрии могут последовать регионы, традиционно проявляющие активность в данном вопросе: Шотландия, Каталония, северные области Италии. Это может поставить под угрозу достижения европейской интеграции, прежде всего — в экономической сфере. Распад национальных государств, даже при условии интеграции отделившихся регионов в систему единой Европы, привел бы к усложнению структуры ЕС и к обострению территориальных конфликтов.

Ряд стран, таких как Великобритания, Испания, Италия, столкнувшихся с подобной проблемой, особенно «не заинтересованы» в распаде Бельгии, поскольку этот прецедент неизбежно повлечет за собой аналогичные процессы, с той разницей, что в указанных государствах они могут принять более радикальный характер. Кроме того, распад Бельгии стал бы крушением одного из главных символов европейского единства. Необходимо отметить и вероятность вовлечения в «бельгийский конфликт» соседних государств. Так, тенденция сближения Фландрии с южными областями Нидерландов способна спровоцировать всплеск сепаратизма и в этой стране, а возможность отделения немецкоязычных

бельгийских округов закономерно приводит к их сближению с Германией, которая, однако, согласно Московскому договору 1989 г., не имеет права расширять свою территорию. Таким образом, от решения фламандско-валлонского конфликта зависит не только судьба Бельгии, но и стабильность во всей Европе.

У Бельгии, фактически, есть три пути развития: распад, дальнейшая эволюция модели федерализма и переход к конфедеративной системе. Вероятнее всего, эволюция бельгийского федерализма будет проходить в сторону конфедерации, прежде всего — по причине сложности процедур международного признания новообразованных государств и их интеграции в наднациональные структуры и союзы. В случае подобного развития событий Фландрия приобрела бы практически полную самостоятельность в то время, как такие важные сферы федерального значения, как оборона и внешняя политика оставались бы в компетенции центральных органов власти. Учитывая, что основным реальным камнем преткновения являются экономические вопросы, подобный вариант может удовлетворить фламандские притязания. Развивающаяся в последнее время тенденция к расширению полномочий субъектов федерации в международной сфере также говорит в пользу конфедерации. Эксперты предполагают, что именно данный путь развития бельгийского федерализма «позволит сторонам более взвешенно подойти к вопросу о преимуществах и недостатках сепарации» [12].

Ряд экспертов, однако, полагает, что «хотя решением и может быть система конфедерации, это государственное объединение вряд ли будет достигнуто, поскольку система социального обеспечения, оборона, иностранные дела не координируются федеральными органами на постоянной

основе. Возможности лежат скорее в области дальнейшего усовершенствования существующей системы. Политики должны вносить предложения по укреплению национальной солидарности путем поддержания согласия между регионами и создания механизмов для восстановления общности интересов между севером и югом» [13]. К настоящему моменту в государстве уже наметились шаги по трансформации федерации в конфедерацию. Так, «Новый Фламандский Альянс» выступает за проведение ряда умеренных реформ в данном направлении [14].

Существует и точка зрения, что «бельгийский государственно-политический кризис настолько исторически глубок, что территориальный распад государства становится все более и более реалистичным... бельгийский “Ящик Пандоры” может иметь весьма негативные последствия для дальнейшего объединения Европы. Бельгия как “лаборатория Европы” окажет огромное влияние на многие сепаратистские движения» [15].

Среди мер снижения уровня конфликтности в стране можно выделить необходимость проекта экономической помощи Валлонии, позволившего бы региону выйти из затяжного кризиса; укрепление политики общельгийской идентичности и мультилингвизма во всех регионах страны; упрочение значения федеральных институтов во всех сферах власти; последовательное применение правовых норм ЕС на всей территории Бельгии. Безусловной необходимостью представляется трансформация высших федеральных органов, в частности — дальнейшая реформа Сената вплоть до его упразднения с передачей функций Палате представителей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Важно подчеркнуть, что на примере Бельгии очевидна неустойчивость феде-

рации, основанной на этнолингвистическом признаке. Однако процесс дезинтеграции в стране проходил медленно и «принял форму постепенного перехода всех социальных групп и слоев населения к идее культурной и экономической автономии. Политические партии никогда не призывали к насилию. Именно поэтому Бельгия не превратилась в страну, пораженную терроризмом или гражданской войной» [16].

Изменения, происходящие в структуре государственности Бельгии на протяжении более чем полувека и особенно обострившиеся в последнее десятилетие, нельзя назвать симптомами национализма в классической форме. Скорее, это резуль-

тат проявления национальной идентичности, что представляет собой конфликт иного цивилизационного уровня. Ключевым достижением бельгийской федерации является подлинно правовой договор между сообществами. Характерной и во многом определяющей особенностью решения всех внутренних проблем Бельгийского королевства на протяжении всей истории его существования является компромисс, позволяющий стране с успехом преодолевать кризисы и противоречия. Не вызывает сомнения, что дальнейшая трансформация системы бельгийского федерализма будет идти именно путем поиска компромисса между основными политическими силами страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровина О.Ю. Особенности регионализации и федерализации в Бельгии. *Сибирский международный журнал*. 2017;19:53.
2. Конституции стран ЕС. Москва: Наука; 1995. С. 106.
3. Бельгийская политическая элита предпочитает компромисс с радикальными исламистами. Международный дискуссионный клуб Валдай. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/belgiyskaya-politicheskaya-elita/?sphrase_id=2361 (дата обращения: 5.09.2019)
4. John Crombez sur le Patriot Act: «De Wever rend les choses plus difficiles». URL: <http://www.lesoir.be/1280207/article/actualite/belgique/politique/2016-08-01/john-crombez-sur-patriot-act-wever-rend-choses-plus-difficiles> (дата обращения: 4.09.2019).
5. «Новый Фламандский Альянс» одержал победу на выборах в Бельгии. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2635774.html>. (дата обращения: 4.09.2019)
6. The federal system of Belgium. URL: <http://www.diplomatie.be/rabat/media/rabat/NoteFedSystem.pdf> (дата обращения: 6.09.2019)
7. Belgian Federalism after the Six State Reform. URL: <https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/pof.2015.7.issue-2/pof-2015-0009/pof-2015-0009.xml> (дата обращения: 4.09.2019)
8. Елманова Д.С. Немецкоязычное сообщество Бельгии: социально-географический анализ развития приграничного региона. В: Стратегия развития приграничных территорий: традиции и инновации. Под редакцией Л.Б. Вардомского, Л.И. Попковой. Курск: Цезары Мадры; 2017. С. 116.
9. Невежина Е.А. Франкоязычный ареал Бельгии: динамика языковых процессов. *Вестник Московского университета. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2017;1:74-80.
10. Осколков П.В. Сепаратизм в идеологии и практике фламандских правопопулистских партий. *Вестник МГИМО Университета*. 2017;5(56):171.

11. Швейцер В.Я. Брюссельский ребус. URL: https://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4660#top-content (дата обращения: 6.09.2019)
12. Куликов Н.А. Федерализация как способ урегулирования сепаратистских тенденций (на примере Бельгии). В: Актуальные направления научных исследований: перспективы развития Сборник материалов III Международной научно-практической конференции. Редколлегия: О.Н. Широков [и др.]. Москва: 2017;1:28.
13. Belgium, the end of the federal system? URL: <http://one-europe.info/belgium-the-end-of-the-federal-system> (дата обращения: 6.09.2019)
14. Черникина А.Н. Проблема политизации этнических общностей в фламандском регионе Бельгии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(1):97.
15. Vladislav B. Sotirovic: "Belgium's Multicultural Society: 'Federalism Laboratory' of European Integration". URL: <http://vsotirovic.home.mruni.eu/2015/03/16/article-by-vladislav-b-sotirovic-belgium%E2%80%99s-multicultural-society-federalism-laboratory-of-european-integration/> (дата обращения: 4.09.2019)
16. Моммен А. Федерализм и национальное государство. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/publication/Starie_publicatii_Polisa/M/1992-4-19-Mommen_Federalizm_i_nacionalnoe_gosudarstvo.pdf. (дата обращения: 4.09.2019)

REFERENCES

1. Dubrovina O.Yu. Features of regionalization and federalization in Belgium. *Siberian international*. 2017;19:53. (In Russ).
2. The Constitution of the EU. Moscow: Science; 1995. (In Russ).
3. Belgian political elite prefers compromise with radical Islamists. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/belgiyskaya-politicheskaya-elita/?sphrase_id=2361. [Accessed: 5.09.2019] (In Russ).
4. John Crombez sur le Patriot Act: «De Wever rend les choses plus difficiles». URL: <http://www.lesoir.be/1280207/article/actualite/belgique/politique/2016-08-01/john-crombez-sur-patriot-act-wever-rend-choses-plus-difficiles> [Accessed: 4.09.2019]. (In Fran)
5. The "new Flemish Alliance" won the Belgian elections. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2635774.html>. [Accessed: 4.09.2019] (In Russ).
6. The federal system of Belgium. URL: <http://www.diplomatie.be/rabat/media/rabat/Note-FedSystem.pdf> [Accessed: 6.09.2019]
7. Belgian Federalism after the Six State Reform. URL: <https://www.degruyter.com/download-pdf/j/pof.2015.7.issue-2/pof-2015-0009/pof-2015-0009.xml>. [Accessed: 4.09.2019]
8. Elmanova D.S. the German-Speaking community of Belgium: socio-geographical analysis of the development of the border region. In: Strategy for the development of border areas: traditions and innovations. Edited by L.B. Vardomsky, L.I. Popkova. Kursk: Cesara Madra; 2017. P. 116. (In Russ).
9. Nevezhina E.A. the French-Speaking area of Belgium: dynamics of language processes. *Bulletin of the Moscow University. Series «Linguistics and intercultural communication»*. 2017;1:74-80. (In Russ).
10. Oskolkov P.V. Separatism in ideology and practice of Flemish populist parties. *Bulletin of MGIMO University*. 2017;5(56):171. (In Russ).
11. Schweizer V.J. Brussels rebus. URL: https://russiancouncil.ru/inner/?id_4=4660#top-content. [Accessed: 6.09.2019] (In Russ).
12. Kulikov N.A. Federalization as a way of settlement of separatist tendencies (on the example

- of Belgium). In: Actual directions of scientific researches: prospects of development Collection of materials of the III International scientific-practical conference. Editorial Board: O. N. Shirokov et al. Moscow: 2017. P. 28. (In Russ)
13. Belgium, the end of the federal system? URL: <http://one-europe.info/belgium-the-end-of-the-federal-system> [Accessed: 6.09.2019]
14. Chernikina A.N. The problem of the politicization of ethnic communities in the Flemish region of Belgium. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(1):92-100. (In Russ.)
15. Vladislav B. Sotirovic: "Belgium's Multicultural Society: 'Federalism Laboratory' of European Integration". URL: <http://vsotirovic.home.mruni.eu/2015/03/16/article-by-vladislav-b-sotirovic-belgium%E2%80%99s-multicultural-society-federalism-laboratory-of-european-integration/> [Accessed: 4.09.2019]
16. Mommen A. Federalism and the nation state. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puv-lication/Starie_publicacii_Polisa/M/1992-4-19-Mommen_Federalizm_i_nacionalnoe_gosudarstvo.pdf. [Accessed: 4.09.2019]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Светлана М. Гаврилова, Кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр.1; smgavrilova@gmail.ru

Svetlana M. Gavrilova, PhD in Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1 Ostozhenka st., Moscow, 119021, Russia; smgavrilova@gmail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Основные принципы работы региональных «морских» объединений с участием России

Александра В. Качалова

Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва,

kachalova@yahoo.com

Аннотация: В начале 90-х гг. XX в. при участии России были образованы механизмы международного взаимодействия в рамках регионов Балтийского, Баренцева, Каспийского и Черного морей, а также Арктики. Первоначально в каждом случае преследовались различные цели. Со временем эти диалоговые платформы эволюционировали, в их повестке дня и принципах работы появились схожие черты. В условиях турбулентных процессов трансформации международных отношений такие объединения могут сыграть позитивную, консолидирующую роль и способствовать укреплению связей между государствами на прагматичной основе для решения общих региональных проблем.

Ключевые слова: Арктика, Балтийское море, Баренцево море, Каспийское море, Черное море, региональное сотрудничество

Для цитирования: Качалова А.В. Основные принципы работы региональных «морских» объединений с участием России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):378-389. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-378-389>

Статья поступила 23.09.2019

Принята в печать 10.10.2019

Опубликована 02.12.2019

Basic Working Principles of Regional Sea Associations with Russian Participation

Alexandra V. Kachalova

Foreign Ministry of the Russian Federation, Moscow,

kachalova@yahoo.com

Abstract: In the 90-s of the XX-th century under active participation of Russia mechanisms of international cooperation were formed in the regions of Baltic Sea, Barents, Caspian, Black Sea

and Arctic region. At the beginning they had different aims. With the time these platforms have gone through evolution with their agendas and functional principles becoming alike. At the time of turbulent transition of the international affairs such associations can play a positive, consolidating role and contribute to further strengthening the ties between participating countries on pragmatic basis of finding solutions for common regional problems.

Keywords: Arctic, Baltic Sea, Barents, Black Sea, Caspian, regional cooperation

For citation: Kachalova A.V. Основные принципы работы региональных «морских» объединений с участием России. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):378-389. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-378-389>

Received 23.09.2019

Revised 10.10.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

Вокруг трансграничных водоемов и водных путей традиционно формируются объединения государств. Водное пространство, связывающее две и более стран и находящееся в их общем пользовании, становится предметом совместного управления. Часть акватории нередко находится вне зоны национальной юрисдикции, в силу чего требуется международное регулирование ее статуса, а также выработка общеприемлемых правил деятельности. Таким образом «общая вода» в известной степени вынуждает страны взаимодействовать и искать наиболее оптимальные способы решения возникающих проблем — даже несмотря на возможный конфликтный потенциал, связанный с разграничением, или политические разногласия¹. По ходу такого сотрудничества могут возникнуть предпосылки и возможности для интеграции следующего уровня — политической, экономической, культурной.

В данной статье предпринята попытка выявить основные принципы функционирования, сходства и отличия в работе ключевых межгосударственных механизмов, сформированных при участии России вокруг Балтийского, Баренцева, Каспийского и Черного морей, а также в Арктике. Следует сразу оговориться, что «Каспийская пятёрка» стоит в этом ряду особняком, поскольку Каспий, в отличие от остальных морей, не сообщается с Мировым океаном и не подпадает под действие Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., а его современный юридический статус получил свое международно-правовое закрепление совсем недавно — соответствующая Конвенция была подписана главами прикаспийских государств в августе 2018 г. Тем не менее представляется оправданным проанализировать подходы России к выстраиванию отношений в рамках всех этих объединений.

¹ Интересным примером может служить Международная конференция Боденского озера — постоянно действующий с 1972 г. механизм, в котором участвуют страны и регионы, примыкающие к водоему. Примечательно, что само озеро является единственной в Европе территорией, формально не разграниченной между прибрежными государствами, что не мешает совместно использовать данный водоем и регулировать соответствующие виды деятельности. Другой пример — Центральная комиссия по судоходству на Рейне, существующая уже более двухсот лет — несмотря на все политические перипетии в регионе.

1. Морская доктрина Российской Федерации 2015 г. выделяет среди прочих Атлантическое, Арктическое и Каспийское региональные направления в качестве главных для национальной морской политики. Обозначен ряд базовых задач, стоящих перед нашей страной на всех этих направлениях (при наличии специфических на каждом из них): развитие прибрежно-портовой инфраструктуры, морского транспорта, мультимодальных транспортных развязок и коридоров; модернизация судостроения и судоремонта а также рыбохозяйственного комплекса; рост туристических потоков; проведение комплексных научных исследований; охрана окружающей среды, сохранение и воспроизводство биологических ресурсов; обеспечение аварийно-спасательных работ и безопасности судоходства, ряд других [1].

Морская доктрина также обращается к теме национальной безопасности. Отдельно выделяется комплекс вопросов, связанных с завершением разграничения акваторий с соседними государствами. В отношении Атлантического регионального направления подчеркиваются существующие условия, ориентированные исключительно на НАТО. На Балтике обозначена необходимость придания мерам доверия всеобъемлющего характера во всех областях морской деятельности. На Черном и Азовском морях выделена задача поддержания мира и стабильности, создания условий для базирования и использования составляющих морского потенциала, обеспечивающих защиту суверенитета, суверенных и международных прав Российской Федерации. На Арктическом направлении в качестве цели прямо указано снижение уровня угроз национальной безопасности и обеспечение стратегической стабильности в Арктическом регионе. Важным считается ограничение иностранной воен-

но-морской деятельности в согласованных районах и зонах на основе двусторонних и многосторонних соглашений с ведущими морскими державами.

Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 г., принятые в 2017 г., особо выделяют угрозы, исходящие с морских направлений и методы их купирования. К основным угрозам относятся: стремление ряда государств к доминированию в Мировом океане, в том числе в Арктике, а также к ограничению доступа нашей страны к ресурсам и выхода на жизненно важные морские транспортные коммуникации; рост международного терроризма, пиратства, браконьерства, незаконных перевозок морским транспортом оружия, наркотических средств, химических веществ, радиоактивных материалов; усиливающееся стремление ряда игроков к обладанию источниками ресурсов на Ближнем Востоке, в Арктике, на Каспии и др. В связи с этим поставлены задачи развития системы обеспечения национальной безопасности России в Мировом океане кроме прочего путем разработки и реализации комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, правовых, военных и других мер; совершенствования международно-правового обеспечения военно-морской деятельности в Мировом океане; предупреждения и пресечения террористических актов и других противоправных действий в отношении граждан России и их собственности в Мировом океане при расширении международного сотрудничества в данной сфере, ряд других.

В целях наиболее эффективной реализации поставленных задач Россия в рамках своей внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности строит и развивает отношения с иностранными партнерами

и участвует в региональных межгосударственных объединениях.

2.С окончанием «холодной войны» и распадом СССР в рамках реконфигурации политико-экономического пространства в 90-х гг. XX в. при активном участии России были созданы механизмы регионального взаимодействия высокого уровня: в 1992 г. Совет государств Балтийского моря (СГБМ) и Черноморское экономическое сотрудничество (ЧЭС; с 1999 г. — ОЧЭС), в 1993 г. Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), в 1996 г. Арктический совет и Рабочая группа по разработке Конвенции и правовому статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров иностранных дел прикаспийских государств (с 2018 г. — Рабочая группа высокого уровня по вопросам Каспийского моря).

В базовых документах этих объединений, включая Договор о черноморском экономическом сотрудничестве 1992 г. и Босфорское заявление 1999 г., Киркенесскую 1993 г. и Оттавскую 1996 г. декларации, Коммюнике встречи министров иностранных дел прикаспийских государств 1996 г., были обозначены приоритеты, которые на первом этапе существенно разнились.

Так, на Черном море во главу угла была поставлена экономика «свободная» от политики; в северных морях внимание фокусировалось преимущественно на политической и гуманитарной составляющих, а также экологии; взаимодействие в Арктике строилось вокруг защиты и сохранения арктической морской среды, предупреждения чрезвычайных ситуаций, устойчивого развития северных территорий; на Каспии стороны сосредоточились исключительно на выработке нового международно-правового режима. Во всех случаях подчеркивалось отсутствие в повестке дня вопросов «жесткой безопасности», в то же время де-

кларировался настрой на углубление регионального взаимодействия.

Участниками объединений стали прибрежные государства. В «северных» структурах особое положение заняли представители коренных народов. В то же время к работе всех механизмов кроме каспийского в том или ином статусе подключились и неприбрежные страны, а также внерегиональные организации, в том числе Европейский союз, что - по мере расширения круга его членов - оказало ощутимое влияние на дальнейшее развитие этих форматов. При этом Россия — член всех упомянутых объединений; Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция — трех северных; Азербайджан — двух южных. Параллельно такие члены СГБМ, как Германия и Польша, являются наблюдателями в СБЕР, Арктическом совете и ОЧЭС. В свою очередь, член Арктического совета США имеют статус наблюдателя в СГБМ и СБЕР, Канада — в СБЕР. Такое «перекрестное» присутствие позволяет накапливать опыт взаимодействия в разных регионах, постепенно приближая эти механизмы к реальным потребностям участвующих стран, использовать наилучшие практики и избегать повторения ошибок.

Арктические государства, несмотря на участие в работе Совета внерегионалов, неизменно подчеркивают свою «особую ответственность» в регионе, включая его сохранение в качестве зоны мира, стабильности и продуктивного сотрудничества [2]. Наряду с этим внятно артикулируется тип организации — форум, т.е. «более свободное» объединение, чем СГБМ и СБЕР.

Каспийский формат, в свою очередь, последовательно подчеркивал свой сугубо закрытый для внешних игроков статус. Философия исключительной компетенции прикаспийских государств за все происходящее на Каспии, зафиксированная в ряде

пятисторонних документов, впоследствии нашла отражение в Конвенции о правовом статусе 2018 г. [3]. Утвердился на Каспии и принцип принятия ключевых решений строго всей «пятеркой». В то же время сотрудничество по экологическому досье, начавшееся также в 90-е гг. в рамках подготовки Рамочной конвенции по защите морской среды Каспийского моря, принятой в 2003 г. (Тегеранской конвенции), ведется при содействии ООН. Временный секретариат Тегеранской конвенции функционирует пока на базе женеевского офиса ЮНЕП, хотя в 2014 г. принято твердое решение договаривающихся сторон о его переводе в Каспийский регион (предполагается, что секретариат будет регулярно перемещаться на ротационной основе в рамках пяти государств, первая штаб-квартира должна открыться в Баку) [4].

Организационно деятельность рассматриваемых «морских» механизмов строится по схожим принципам. Проводятся:

- регулярные заседания министров иностранных дел (периодически — руководителей других ведомств, в том числе министерств транспорта, экологии и т. п.), где формируется основная канва переговоров;
- периодически встречи на высоком или высшем уровне для обзора всего спектра региональных вопросов (саммиты);
- в межсессионный период - встречи на уровне кураторов в МИД, работа специальных тематических/отраслевых групп.

В большинстве случаев (пока кроме Каспия) учреждены секретариаты с различной степенью правосубъектности, но схожими задачами — для координации/обзора работы, сношений с партнерскими структурами, подготовки регулярных сессий, администрирования текущей деятельности.

Финансирование осуществляется по двум основным типам: либо взносы в бюджет организации (коллективные проектные фонды) — в СГБМ, СБЕР и ОЧЭС (банк), либо обеспечение мероприятий и проектов участниками в национальном качестве в Арктическом совете (иногда с привлечением других международных структур) и «Каспийской пятерке».

При внешней разнице подходов со временем в большинстве случаев приходит понимание, что повышение уровня финансирования расширяет возможности реализации задач с высокой степенью практической отдачи. Сопоставление основных параметров деятельности рассматриваемых или аналогичных структур демонстрирует, что залогом успеха регионального объединения является наличие прочной финансовой основы [5]. Так, на Севере Европы сложился инструментарий, позволяющий аккумулировать значительные средства и направлять их на решение конкретных задач, в том числе продвижение проектов социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа России.

Принятие решений в данных организациях достигается обычно методом консенсуса, однако не носит императивного характера, если не учитывать заключенные на этих площадках юридически обязывающие многосторонние договоры. Высказанные рекомендации и доклады специальных/рабочих групп ложатся в основу заявлений и программ, принимаемых на высоком уровне, и являются политическими обязательствами.

Фундамент для перечисленных выше многосторонних механизмов в ряде случаев был заложен еще во времена СССР в рамках сотрудничества прибрежных стран по ряду вопросов, связанных с использованием соответствующей акватории — в духе рекомендаций ООН в отношении государств, омываемых замкнутыми ли полузамкну-

тыми морями. Наиболее проработанной была проблематика охраны морской среды (например, Хельсинская комиссия функционировала с 1974 г., объединив в одной структуре социалистические и капиталистические балтийские страны, в том числе «антагонистичные» ГДР и ФРГ), а также рыболовства и защите биоресурсов (Гданьская конвенция 1973 г.) и т. п. Был создан банк двусторонних соглашений и в сфере поиска и спасания.

Весомым фактором стало вступление в 1994 г. в силу Конвенции ООН по морскому праву, подписанной в 1982 г., которая, создала универсальную юридическую основу для достижения договоренностей в двустороннем формате как по вопросам делимитации акватории и шельфа, так и по многим другим. Весьма солидной является правовая база многочисленных конвенций Международной морской организации, регулирующих практически все аспекты деятельности человека на море.

На этом фоне и на волне геополитических перемен партнеры решились сделать шаг от узко «морского» сотрудничества к более продвинутой региональной интеграции с широким участием и амбициозными целями. На западном направлении замысел состоял в первую очередь в том, чтобы преодолеть наследие холодной войны, устранить рубежи блоковой конфронтации, создать атмосферу доверия. [5].

На старте воодушевление и ожидания на Балтике, Баренце и в Черном море были значительно выше, чем в Каспийском регионе, где ни практики многостороннего взаимодействия, ни универсальной международно-правовой базы не имелось. По советско-иранским договорам 1921 и 1940 гг., Каспий фактически являлся внутренним советско-иранским морем [3]. Тем не менее, его интенсивное хозяйственное освоение, продолженное и даже усилен-

ное после распада СССР создавало объективные предпосылки для полноценного сотрудничества всех стран, примыкающих к Каспию. В то же время доминировала проблема разграничения юрисдикции, которая мешала сближению. Заметную роль здесь играли дезинтеграционные и центробежные тенденции, типичные для постсоветского пространства 90-х гг. XX в., равно как и не всегда ответственное стремление внерегиональных игроков включиться в сулившую большие выгоды «каспийскую игру».

3. В результате последовавшего развития в странах-участницах и на международной арене рассматриваемые структуры постепенно эволюционировали как с точки зрения форматов взаимодействия, так и содержательной составляющей. Можно выделить «типовые» тематические блоки:

- Загрязнение морской среды, изменение климата; гидрометеорологический мониторинг; сохранение ценных и редких видов рыб и животных; реагирование на чрезвычайные ситуации; морские научные исследования.
- Экономика, энергетика, транспорт; форумы и выставки; международные транспортные коридоры, логистические хабы и развязки, «кольцевые» автомобильные и железные дороги; трубопроводы, электросети и другие объекты инфраструктуры; туризм; сельское хозяйство и т. п.
- Обеспечение безопасности, включая поиск и спасание на море, безопасность судоходства, борьбу с незаконным промыслом биоресурсов, противодействие современным вызовам и угрозам (терроризм, организованная преступность, наркотрафик, торговля людьми, контрабанда и т. п.).
- Гуманитарная и социальная сферы: здравоохранение, образование, наука, защита прав детей и женщин, молодежные кон-

такты, фестивали искусств и т. п. Приграничное сотрудничество.

Безусловно, в каждом из исследуемых объединений данные темы прорабатываются с разной интенсивностью и в определенном сочетании, к тому же есть и «местная специфика». Так, в северных морях выделяется задача мониторинга радиационной ситуации и поддержка коренных малочисленных народов, на Каспии — спасение и восстановление популяции осетровых. В то же время часть заявленных на старте целей трансформировалась. Например, отошла на второй план тематика демократических институтов, которая изначально активно продвигалась на Балтике, в Каспийской группе повестка дня вышла далеко за пределы сугубо юридического статуса, на Черном море в силу понятных причин трудно «абстрагироваться» от политического контекста и т. д.

В этих условиях можно выделить следующие современные тенденции развития рассматриваемых объединений на основе изучения оценок их работы, высказанных в последние годы МИД России.

- Деятельность СГБМ охватывает широкий спектр вопросов, имеющих жизненное значение для граждан входящих в него государств. Совет открывает дополнительные возможности для расширения многостороннего взаимодействия в интересах решения социально-экономических задач, стоящих перед российским Северо-Западом. Общие цели всех стран-членов - восстановление природной среды Балтийского моря, формирование привлекательных для инвестиций экономик и основанных на инновациях производств, реализация совместной ответственности госструктур и деловых кругов за обеспечение устойчивого и гармоничного развития. Объединяя большие и малые страны региона, входящие и не входящие в ЕС, СГБМ продолжает

оставаться региональной «лабораторией», где проходят обкатку новые формы и направления взаимодействия. В то же время сотрудничество в регионе Балтийского моря можно сравнить с мозаикой тематических и региональных фрагментов, лишь некоторые из которых носят комплексный и универсальный характер. Приходится констатировать и наличие попыток размывания идентичности СГБМ. На фоне прочного консенсуса в отношении самостоятельности и самооценности этой организации наблюдаются попытки превращения Совета если не в придаток ЕС, то в дополнительный инструмент реализации Стратегии Евросоюза для Балтийского региона [5].

- СБЕР проявил себя как эффективный механизм межгосударственного взаимодействия на Севере Европы. Совет мобилизует потенциал по обеспечению устойчивого социально-экономического развития обширного Баренцева региона, делая акцент на рациональном использовании научно-инновационных и ресурсных возможностей, соблюдении экологических стандартов и учете интересов коренных национальностей. Ключевые темы для региона — развитие транспортно-логистической инфраструктуры, защита окружающей среды и борьба с изменением климата, расширение культурных и туристических связей.

По итогам российского председательства в 2016-2017 гг. отмечен прогресс в ликвидации экологических «горячих точек», достигнуто существенное продвижение в разработке Совместного транспортного плана Баренцева региона (предусмотрено формирование 16 эффективных, безопасных и устойчивых трансграничных транспортных маршрутов), учреждена Баренцева стипендия для молодых деятелей искусств и творческих коллективов из России, Норвегии, Финляндии и Швеции. К 25-летию юбилею в 2018 г. российская сторона

предложила партнерам подумать над учреждением своего рода «Баренцева Давоса» — представительной дискуссионной платформы для обсуждения всей Баренцевой повестки дня с акцентом на тему устойчивого социально-экономического развития региона. В качестве площадки предложен Мурманск.

- Россия заинтересована в сохранении Арктики как региона сотрудничества и устойчивого развития с прагматичной, объединительной повесткой, не допуская политизации международного арктического взаимодействия и ограждая его от конфронтационной логики. Подчеркивается, что существующее международное право позволяет надежно обеспечивать национальные интересы всех арктических стран. Этому же способствуют и принимаемые в рамках Арктического совета решения. Стратегической целью нашей страны остается обеспечение устойчивого развития региона в трех измерениях: экономическом, природоохранном и социальном. Хозяйственное освоение Арктики должно осуществляться в соответствии с высокими экологическими стандартами. Необходимо повышать адаптацию и устойчивость региона к глобальным климатическим изменениям, минимизировать антропогенное воздействие на окружающую среду, в том числе в русле реализации Парижского климатического соглашения и Повестки дня ООН в области устойчивого развития до 2030 г. Повышенное внимание уделяется сохранению биоразнообразия Арктики, ее крайне уязвимых экосистем, предупреждению загрязнения на море и на суше, отработке практического взаимодействия арктических государств по совместному реагированию. В контексте быстрого развития морской деятельности, в том числе судоходства, важно укреплять потенциал оперативного ответа на возможные чрезвычайные ситуации.

Россия выступает за расширение сотрудничества в рамках Арктического форума по линии береговых охран, поддерживает многосторонние учения «Полярис-2019». Также приветствуются усилия по развитию биоэкономики и «зеленого» судоходства, борьба с морским мусором и закислением океана.

Приоритеты России, выделенные на Международном арктическом форуме (Санкт-Петербург, 9 апреля 2019 г.), нацелены на продвижение природосберегающих технологий во всех сферах. Особо отмечены такие направления, как переход на использование сжиженного природного газа, возобновляемой энергетики, поощрение циркулярной экономики [2].

В целом существующие на Севере Европы региональные форматы (СГБМ, СБЕР, Арктический совет и др.) создают уникальную архитектуру, содействующую сохранению зоны доверия, стабильности и добрососедства. Каждый из этих форматов нацелен на проектную деятельность. Актуальной задачей остается налаживание координации в работе этих структур, рациональное «распределение труда».

- За четверть века своего существования ОЧЭС состоялась как востребованная региональная площадка. Ее дальнейший успех будет зависеть от того, насколько прагматично удастся выстраивать отношения в условиях ухудшения ситуации в Черноморском регионе. Важно работать над превращением Причерноморья в зону мира, стабильности и процветания. Потенциал экономического сотрудничества на Черном море значителен, но реализован не в полном объеме. ОЧЭС призвана содействовать упрочению идентичности Причерноморья, созданию институциональных условий для продвижения общерегиональной повестки дня. Особенно в условиях тенденции на разделение государств по политическим

предпочтениям и ослабления многосторонних, коллективных начал [6].

К российским приоритетам здесь относятся: расширение внутрирегиональной торговли, качественное улучшение ее структуры, скоординированное развитие кольцевой автомагистрали вокруг Черного моря и морских магистралей в регионе, приток инвестиций в туристическую и транспортную отрасли. Учитывая хороший опыт партнерства с другими многосторонними структурами и налаженными ранее связями с Евразийским экономическим сообществом, полезным выглядело бы заключение меморандума о взаимопонимании между ОЧЭС и ЕАЭС. По примеру Балтики под эгидой ОЧЭС следует активнее развивать взаимодействие на уровне отдельных регионов. Планируется продвигать инициативы в таких областях, как повышение энергоэффективности зданий, популяризации и брендинга черноморской кухни. Россия рассчитывает, что в дальнейшем за счет созданного по ее инициативе Механизма развития проектного сотрудничества в рамках ОЧЭС будут реализовываться проекты совместно с ЕС [7].

- Созданная под эгидой министерств иностранных дел прикаспийских стран межгосударственная Рабочая группа высокого уровня по вопросам Каспийского моря активно заработала в соответствии с решением президентов по итогам Пятого каспийского саммита (Актау, 12 августа 2018 г.).

Еще до формального вступления в силу Конвенции о правовом статусе Каспийского моря, на основании которой учрежден данный механизм, в феврале 2019 г. в Баку прошло его первое заседание, где согласованы план работы и правила процедуры новой площадки. Начато обсуждение соглашения о прямых исходных линиях на Каспии. Второе заседание со-

стоялось в апреле в Нур-Султане. К компетенции этой переговорной площадки в соответствии с утвержденным регламентом относится обзор реализации решений, принятых на высшем и высоком уровнях, выработка рекомендаций по ключевым вопросам взаимодействия на Каспии, подготовка предложений для рассмотрения на саммитах и совещаниях министров иностранных дел, разработка документов договорного и иного характера.

Следует отметить, что универсальный характер данной структуры подтверждается и результатами работы ее предшественницы — Специальной рабочей группы по разработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на уровне заместителей министров стран «пятерки» (СРГ), существовавшей в 1996-2018 гг. В рамках СРГ были подготовлены проект Конвенции о статусе Каспия, итоговые документы встреч на высшем уровне: трех политических деклараций президентов, коммюнике саммитов, юридически обязывающие соглашения и протоколы о сотрудничестве в сфере безопасности, экономики, транспорта, биоресурсов, предупреждения чрезвычайных ситуаций, борьбы с терроризмом и оргпреступностью и многих других. Таким образом, группа превратилась в полноценную площадку для отработки в межведомственном формате практически всех ключевых пятисторонних документов на Каспии.

В настоящее время ведется работа над текстами соглашений о сотрудничестве в поиске и спасании, в сфере морского транспорта, научных исследований, безопасности мореплавания, борьбы с браконьерством и наркотрафиком на Каспии. Российская сторона всемерно поддерживает динамичное, многопрофильное сотрудничество прикаспийских государств, считает его хорошим примером взаимоува-

жительной коллективной работы по всем аспектам каспийского сотрудничества [8]. 12 августа с.г. в Туркменистане состоялся Первый каспийский экономический форум, включавший в себя как встречи на высшем и высоком уровне, так и сегмент бизнес-презентаций и выставок. Намечен целый ряд амбициозных проектов в сфере промышленности, транспорта, энергетики, цифровых технологий, туризма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе региональных объединений на Балтике, Баренце, в Арктике, на Черном и Каспийском морях прослеживается ряд общих черт, что связано с выдвиганием на первый план насущных вопросов, непосредственно влияющих на жизнь проживающего в соответствующих регионах населения и требующих консенсусных решений (загрязнение окружающей среды, потепление климата, чрезвычайное реагирование, наращивание транспортного потенциала, развитие приграничных связей, борьба с современными вызовами и угрозами, молодежные связи, образовательные проекты и т. п.). Россия активно продвигает на этих платформах позитивную, объединительную повестку дня с опорой на коллективные начала и учет интересов всех стран-участниц.

В то же время перед такими структурами стоят схожие задачи по укреплению доверия в кругу их членов, наращиванию «резервов прочности» на случай обострения политической обстановки, повышению актуальности и практической отдачи от их работы, снижению бюрократической зарегулированности. Отдельно следует выделить необходимость избегать дублирования в работе «родственных» структур, что особо актуально для Севера Европы.

Вызовом для Москвы является влияние политических факторов на работу этих механизмов, в особенности с учетом несколь-

ко гипертрофированной представленности в ряде из них Евросоюза. Вместе с тем такие форматы предоставляют возможность в рамках «приземленных», прагматичных дискуссий по региональной повестке дня находить точки сближения и роста. Скрыт здесь и важный потенциал для сопряжения интеграций: через региональные звенья к созданию цепочки ЕАЭС–ЕС. Важно при этом сотрудничать с прицелом на долгосрочную экономическую перспективу, не разминиваясь на краткосрочные политические выгоды, избегая ненужной конкуренции форматов и последовательно добиваясь их синергии. Всем странам-участницам выгодно повышение конкурентоспособности соответствующего региона в целом, основанное на диалоге и общих ценностях, сложении усилий и сближении граждан, тогда как рост напряженности и разобщенности объективно снижают его инвестиционную привлекательность и потенциал развития.

С. В. Лавровым накануне 74-й сессии ГА ООН отмечена возрастающая роль объединений государств, отражающих дух подлинной, демократической многосторонности, в основе деятельности которых — добровольность, принцип консенсуса, ценности равноправия и здорового прагматизма, отказ от конфронтации и блоковых подходов [9]. Представляется, что рассмотренные механизмы отвечают этим требованиям, что позволяет им в полной мере содействовать поддержанию конструктивных, взаимовыгодных и добрососедских связей между близлежащими государствами, связанными общими водоемами, в условиях турбулентных процессов трансформации международных отношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Морская доктрина Российской Федерации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/555631869> (дата обращения: 10.09.2019)
2. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на XI Министерской сессии Арктического совета (Рованиemi, 7 мая 2019 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/arkticseskij-sovet/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3637699 (дата обращения: 12.09.2019)
3. Жильцов С.С., Зонн И.С., Костяной А.Г., Семенов А.В. Каспийский регион: энциклопедия в 4 т. / Т.1: Международно-правовые документы. Москва: Международные отношения; 2019. 450 с.
4. См. о текущем положении дел с Секретариатом Тегеранской конвенции. URL: <http://www.tehranconvention.org/spip.php?article6> (дата обращения: 10.08.2019)
5. Петрович С., Прищепов А. К началу российского председательства в Совете государств Балтийского моря. *Международная жизнь*. 2012;8:18-27.
6. Жильцов С.С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(2):149-164.
7. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на 39-м заседании Совета министров иностранных дел государств-членов Организации Черноморского экономического сотрудничества, Баку, 14 декабря 2018 г. URL: https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3441115 (дата обращения: 12.09.2019)
8. Брифинг официального представителя МИД России М.В.Захаровой, Москва, 1 августа 2019 г. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/3746524#12 (дата обращения: 12.09.2019)
9. Статья Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова «Мир на перепутье и система международных отношений будущего» для журнала «Россия в глобальной политике», 20 сентября 2019 г. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/un/-/asset_publisher/U1StPbE8y3al/content/id/3792556 (дата обращения: 10.09.2019)

REFERENCES

1. Maritime Doctrine of the Russian Federation. URL: <http://docs.cntd.ru/document/555631869> [Accessed: 10.09.2019] (in Russ.)
2. Speech by Russian Foreign Minister S.Lavrov at the XI Ministerial Meeting of the Arctic Council (Rovaniemi, 7 May 2019 г.). URL: http://www.mid.ru/ru/arkticseskij-sovet/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/3637699 [Accessed: 10.09.2019] (in Russ.)
3. Zhiltsov S.S., Zonn I.S., Kostyanoy A.G., Semenov A.V. Caspian Region: Encyclopedia 4 vol. / Vol.1: International law documents. Moscow: International Relations; 2019. 450 p. (in Russ.)
4. On the current situation with the Teheran Convention Secretariat. URL: <http://www.tehranconvention.org/spip.php?article6> [Accessed: 10.08.2019] (in Russ.)
5. Petrovich S., Pritsepov A. In View of the Beginning of the Russian Presidency at the Council of the Baltic Sea States. *International Affairs*. 2012;8:18-27. (in Russ.)
6. Zhiltsov S.S. Russian Policy in the Black Sea Region: Results and New Challenges. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(2):149-164. (in Russ.)
7. Speech by Russian Foreign Minister S.Lavrov at the 39-th Foreign Ministers Council Meeting of the Organization of the Black Sea Economic Cooperation, Baku, 14 December 2018. URL:

- https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/3441115 [Accessed: 12.09.2019] (in Russ.)
8. MFA RF Official Briefing by M.Zakharova. 1 August 2019. URL: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonk-JE02Bw/content/id/3746524#12 [Accessed: 12.09.2019] (in Russ.)
9. Article by Russian Foreign Minister S.Lavrov «The World at a Crossroads and a System of International Relations for the Future» for Russia in Global Affairs, 20 September 2019. URL: http://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/un/-/asset_publisher/U1StPbE8y3al/content/id/3792556 [Accessed: 12.09.2019] (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александра В. Качалова, кандидат политических наук, Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; 119200, Россия, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34;

kachalova@yahoo.com

Alexandra V. Kachalova, PhD in Political Science, Foreign Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 32/34 Smolenskaya-Sennaya Square, Moscow, 119200, Russia;

kachalova@yahoo.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Членство Республики Хорватия в НАТО

Марта Зубович

Дипломатическая академия МИД РФ, Москва Россия,

zubovicmarta@gmail.com

Аннотация: В статье речь идет о развитии евроатлантического вектора хорватской внешней политики, прежде всего об историческом пути государства в НАТО и преимуществах членства в альянсе. Республика Хорватия в своей истории пережила достаточно сложный период, связанный с войной 1991-1995 гг., после объявления о выходе из СФРЮ. С тех пор одной из главных целей хорватской внешней политики являлось вступление в евроатлантические структуры. Эта цель была достигнута государством в 2009 г., когда Хорватия стала полноправным членом НАТО. Опираясь на опыт недавней войны, для Республики Хорватия это членство является фактором обеспечения безопасности страны. Оно также сможет способствовать улучшению межгосударственных отношений на Балканах и укреплению стабильности в регионе в целом. В работе также будут освещены операции и миссии, в которых Хорватия участвует в рамках НАТО и вносит вклад в успешное осуществление евроатлантической внешней политики

Ключевые слова: Республика Хорватия, НАТО, внешняя политика, евроатлантические структуры, Западные Балканы

Для цитирования: Зубович М. Членство Республики Хорватия в НАТО объединений с участием России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):390-397. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-390-397>

Статья поступила 29.06.2019

Принята в печать 11.08.2019

Опубликована 02.12.2019

Republic of Croatia's Membership in NATO

Marta Zubovic

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs

of the Russian Federation, Moscow, Russia

zubovicmarta@gmail.com

Abstract: The article discusses the Euro-Atlantic vector of Croatian foreign policy, primarily the historical path of the state into NATO and the advantages of membership in this alliance.

The Republic of Croatia in its history experienced a rather difficult period associated with the Croatian War for Independence, which began in 1991 after the state announced its withdrawal from the SFRY. Since then, one of the main goals of Croatian foreign policy has been joining the Euro-Atlantic structures, which was fulfilled in 2009, when Croatia became a full member of NATO. Based on the experience of the War for Independence, for the Republic of Croatia this membership is an important factor in ensuring the country's security, and it can also help improve interstate relations in the Balkans and strengthen stability in the region. The work will also outline the operations and missions in which Croatia participates within the NATO framework and contributes to the successful implementation of Euro-Atlantic foreign policy.

Keywords: Republic of Croatia, NATO, foreign policy, Euro-Atlantic structures, Western Balkans

For citation: Zubovic M. Republic of Croatia's Membership in NATO. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):390-397. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-390-397>

Received 29.06.2019

Revised 11.08.2019

Published 02.12.2019

INTRODUCTION

Modern society is characterized and heavily influenced by globalization, a process which enables faster and easier communication and inter-connectivity between the countries of the world. However, aside from its many advantages, globalization and modernization have also brought new, different kinds of threats, such as terrorism, weapons of mass destruction, cyber attacks etc. Having already been through World War II, the society was urged to establish an organization whose main task would be the ensurance and provision of security and stability to its members. With that in mind, the North Atlantic Treaty Organization was formed.

Republic of Croatia, a relatively young country in the Western Balkans, proclaimed its independence from Yugoslavia in 1991, and ever since that moment, its foreign policy was mostly directed at strengthening ties with the West and European structures. It does not come as a surprise that one of Croatia's goals in this respect was the accession to NATO, due to the fact that the membership in such an organization provides a guarantee

of the country's military and, to some extent, political security.

The article will cover Croatia's path to NATO and various tasks and reforms that had to be completed prior to the country's accession to the alliance. The second part of the article will cover NATO lead operations and missions in which Croatia has participated, or is still participating in. All the main points and observations will be carried out in the conclusion.

CROATIA'S ROAD TO NATO

After the dissolution of Yugoslavia, a full-time membership in the Euro-Atlantic integrations has been the primary goal of Croatian foreign policy. However, this path has been significantly slowed down by the Croatian war for Independence and fighting off Serbian aggression, the consequences of which have increased the number of reforms the Croatian leadership had to undertake in order to come closer to the qualities and common principles of the West, including the NATO alliance [1]. They were mostly related to the development

of a stable and permanent democracy, the rule of law, human rights and freedom of speech, market economy, prosperous international relations and solidarity [1].

The first step in the institutionalization of Croatian-NATO relations was achieved in 2000, when Croatia entered the so-called Partnership for Peace programme (PfP) [2]. The programme was established in 1994 and it represents a framework for co-operation between the NATO member countries and partner-countries outside the alliance in various fields, such as military exercises, conducting missions under the NATO leadership, restructuring the security systems of partner countries etc [3]. It aimed to broaden and intensify the political and military cooperation all over Europe, diminish global threats and build stable relations among European countries. However, even though there was no particular list of terms under which a certain country could apply for the program, it presupposed that the candidate country had a system of security and defense planning, transparently published in public strategic documents, such as the National Security Strategy, Defense Strategy, Military Strategy, etc. As far as defense is concerned, it had to be transparently financed from the state budget, with a systematically established democratic supervision of the military forces. It was requested that the military forces were trained and prepared for the missions under the UN and OSCE (Organization for Security and Co-operation in Europe) leadership, as well as that they took part in crisis management operations outside the NATO member countries territories [1]. The membership in the PfP plays an important role in the process of accession of new member-countries into NATO and Croatia has marked it as one of the main elements of the country's national security. For Croatia, the program was perceived as a mechanism that

opens a broad area of co-operation with the NATO member countries [4].

After the end of the Croatian War for Independence, the country's leadership officially proclaimed the full-time NATO and the EU membership as the main goals and priorities of Croatian foreign policy. In 1996, Croatian government officially applied for the PfP programme, but the response from NATO made it clear that Croatia at the time still did not fulfil all the necessary terms and had to solve a number of post-war issues. These issues were mostly concerned with the underdeveloped democracy, inadequate relations with Bosnia and Herzegovina, human rights, as well as the fact that certain parts of the Croatian territory were still under Serbian occupation. In 1998, after a successful, peaceful reintegration of the eastern parts of Croatia, the conditions for intensifying the negotiation process into Euro-Atlantic structures were met [1].

In 2000, Republic of Croatia re-applied for the PfP. NATO responded by emphasizing the need to work more intensively on the country's foreign policy and questions related to the return of Serbian refugees, as well as closer co-operation with the The International Criminal Tribunal for the former Yugoslavia (ICTY). All the positive political processes that took place in Croatia after that, as well as the country's readiness to transform its foreign policy, accelerated the NATO's decision to invite Croatia into PfP. Accordingly, on 25 May 2000 Croatia became a member of the PfP and Euro-Atlantic Partnership Council (EAPC) alike [1]. This was the first major step on the country's way to NATO that enabled it to promote and develop national security and foreign policy, as well as to contribute to international and regional stability [1].

With the first stage in the Croatia's accession to NATO being completed, it was time for the government to turn its attention to the second stage, the one related to the Membership Ac-

tion Plan (MAP) [1]. The plan consists of comprehensive advisory measures, the purpose of which is to enable the candidate country to meet the objectives and priorities required for membership as effectively as possible. The successful implementation of the MAP ensures a coordinated approach of all relevant departments of the state administration in order to meet those goals. One of the main features of the MAP is the freedom to choose to focus on the goals which are the most relevant for the country at that particular moment. Each participating country is expected to create its own Annual National Program (ANP). The ANP should include preparatory measures for possible membership in five areas: 1) defense and military issues; 2) resource issues, i.e. ensuring adequate means of defense to meet membership obligations; 3) security issues; and 4) legal aspects of adapting domestic legislation to membership. The plan is therefore a comprehensive program of adapting the country's policies to possible membership in the alliance in political and economic terms, and is not a guarantee but a prerequisite for membership. The final decision depends primarily on political evaluation, for which the technical aspects of meeting the above criteria are only one of the elements [5].

Croatia handed in its first ANP for the period 2002/2003, in which it has confirmed its commitment to the value system of NATO countries, and once again emphasized the membership in the alliance as one of the highest priorities of its foreign policy [1]. Over the year 2002, Croatia has actively participated in a number of events and programs as a part of PfP (seminars, military exercises, conferences, etc.), and cooperated in the area of civil emergency planning [6]. The first Croatian ANP faced some criticism from NATO, mostly regarding the border question with Slovenia (the Bay of Piran), but a number of other reforms was met with praise, such as the issue of mi-

norities in Croatia, that was to be regulated by implementing the Law on the Rights of National Minorities. The need for closer cooperation with ICTY was emphasized [1].

In 2003, Croatia submitted its second ANP for the 2003/2004 period, which put more emphasis on the regional cooperation and the development of prosperous relations with the neighboring countries. The response from NATO was once again positive, however, the border issue with Slovenia remained as one of the main areas that demanded more attention from the Croatian government. Moreover, the question of cooperation was ICTY faced further complications, considering the fact that lieutenant general Ante Gotovina, the main Croatian defendant for war crimes, fled the country. This issue of Croatian foreign policy would soon become a top priority, as well as the biggest stumbling stone in not only Croatia-NATO relations, but also Croatia-EU relations. Until Gotovina's capture in 2005, the question of his whereabouts and the efforts Croatia was putting into solving the problem were the biggest obstacles for the progress of the country's foreign policy and were met with criticism from the European side [1]. As far as the reforms related to the armed forces are concerned, for the 2003/2004 period they were mostly criticized for still not being organized and developed enough to take part in combined war operations. The need for better mobility of the armed forces and their readiness to join the NATO operations was also underlined [1]. In 2003, Croatian armed forces started their contribution to the International Security Assistance Force (ISAF) in Afghanistan [7].

The third ANP, 2004/2005, explicitly emphasized that the Republic of Croatia has made the accession to NATO and the EU its top priorities and the most important strategic plans. Moreover, aside from the military forces, Croatian leadership had made the decision

to include civil police, as well as diplomats, in the ISAF operation in Afghanistan. The country's readiness to contribute to any other operation lead by NATO, either on its own or in cooperation with other countries, was emphasized. Croatia contributed to the improvement of the situation in the region by actively participating in the NATO program for Serbia and Montenegro, which included activities such as language learning and courses for the UN military observes, simultaneously intensifying the relations between the countries' Ministries of Defense [1].

Croatia's final, fourth ANP for 2005/2006 stated that the country intends to intensify its participation in the ISAF by tripling its contingent and by taking part in other operations. As far as regional questions go, Croatia emphasized its readiness to contribute to the increase of regional security by tightening border control, in order to successfully fight terrorism, human and drug trafficking, etc. In this ANP, Croatia accentuated its efforts in cooperation with ICTY on the single unresolved issue, the one regarding Ante Gotovina. These efforts proved to be efficient only two months after submitting the ANP, when Gotovina was caught outside Croatian territory, in the Canary Islands. The document also included the overview of a number of other reforms Croatia has undertaken in the area of democracy and defense system [1].

In 2006, at a NATO summit in Riga, the alliance has expressed its readiness to invite the candidate countries to the next summit in Bucharest, in 2008. In this way, for the first time, Croatia has gotten a clear timeframe for membership [6].

Croatia indeed received its official invitation to NATO at the aforementioned summit. The improvements in modernization and governance of the military system were praised, however, a relative lack of the public support to the NATO membership was brought forward as a

troubling factor. However, over time, Croatian public's negative opinion about NATO has improved and soon after the Bucharest summit, about 60% of the population supported the country's aspirations for membership [8]. This was followed by the ratification of the Croatian Accession Protocol in the national parliaments of the member countries, as well as the deposit of all national ratification instruments in the depositary of the NATO, i.e. the US State Secretary. On the 1st of April 2009, Croatia deposited its ratification document and became a member of the NATO. The country participated as a full member of the alliance at the NATO summit in Strasbourg and Kehl, held on April 3 and 4, 2009 [2].

CROATIA'S ACTIVITY WITHIN THE EURO-ATLANTIC FRAMEWORK

By becoming a full-time NATO member Croatia has joined all the military, political and other activities of the alliance. Croatian representatives as of then are regularly taking part in the activities of all NATO bodies and committees, what enables further progress of Croatian policy regarding a range of issues discussed within the Euro-Atlantic organisation [10].

Croatia's activities within the Alliance can be divided into several key areas, the first of them being security cooperation [7]. It presupposes taking part in NATO-lead military operations, and by doing that, Republic of Croatia fulfills its international duties in the stabilization of critical areas, develops the abilities of its armed forces and their interoperability, as well as shares its previously acquired knowledge. Croatia has been participating in NATO Peace Support Operations in Afghanistan (Resolute Support Mission — RSM) as of January 2015 (a follow-up to the previously completed ISAF, in which Croatia has also taken part [11]) as well as in Kosovo (Kosovo Force — KFOR) since June 2009 [6].

On January 1, 2015, NATO started its Resolute Support Mission in Afghanistan, the aim of which is the continuation of consultation and training to the Afghan security forces. It is conducted by approx. 12 000 people from NATO member countries and partner states [12]. In February 2019, there were 106 Croatian troops taking part in the mission, [11] and as of September 2019, that number increased to 110, with the 11th Croatian contingent having departed to Afghanistan. [13].

NATO operation in Kosovo, KFOR, has been active since 12 June 1999, and its main goal is provision and maintenance of a „safe and secure environment, freedom of movement for all citizens in Kosovo and to facilitate the Euro-Atlantic integration of the Western Balkans“ [14]. The first Croatian contingent was sent to Kosovo on July 1, 2009, consisting of 20 members of Croatian armed forces and two transport helicopters Mi-17 Sh [12]. According to the data from May 2019, the total number of Croatian troops in Kosovo at the moment is 34 [15]. The main tasks of the Croatian contingent in Kosovo include transportation of armed forces, cargo and VIP persons, under the direct command of the Operation Commander [11]. Moreover, Croatia has been providing logistical support to operations in the area lead by NATO, by enabling not only the use of the sea and several airports, but also different military facilities, overflight rights and the use of the national air traffic control service [7].

Another area in which Croatia can contribute is the support to Southeastern Europe. Strengthening of cooperation between neighbouring countries and NATO is important to Croatia for three reasons: 1) strengthening of political relations between the countries of the region and NATO includes conducting reforms directly connected to democratization and transparency of the armed military forces system; 2) strengthening the cooperation of

the countries in the region with the Alliance is politically connected to a wider range of reforms, related to minorities, human rights, judiciary, etc., which is simultaneously linked to the criteria for EU membership; 3) engaging in regional cooperation reduces the risk of tensions in the region [12].

Republic of Croatia is actively participating in the VSUN 1325 „Women, peace and security“ resolution, in which NATO — as one of the key international peace- and security-keeping organisations — pays great attention to the role of women in peace missions and operations. Croatia has always emphasized the position of women in countries in transition as one of the priorities of its foreign policy. By taking part in peace operations within the NATO, Croatia has been putting great emphasis of the importance of women's participation in them [12].

CONCLUSION

Republic of Croatia, a country which was struck by war and fight for independence during the 90s, had set accession to European and Euro-Atlantic integrations as the main goals of its foreign policy and its government has directed all of the efforts into achieving these goals. Having experienced war terrors firsthand, a NATO membership was perceived as a security guarantee and a matter of national interest for Croatia. However, the road into the alliance was long and filled with various demands that required undertaking a number of reforms related to democracy, military, human rights, etc.

In the end, Croatia has fulfilled all of the tasks that were set before it and eventually became a full-time NATO member. Ever since, its activity in the alliance has showed that despite being a small country with a relatively limited military potential, it can contribute to different NATO missions and operations, especially those related to the area of Western Balkans. The region in question is still characterized by

instabilities in relation to the aforementioned war, and Croatia, now a full-time member of both NATO and the European Union, can work as a mediator between the countries aspiring to reach the same foreign policy goals.

Aside from that, its membership in an alliance such as NATO contributes to the increase of military stability in the region and provides an opportunity for a more successful dialogue between the Balkan countries

REFERENCES

1. Čehulić R., Lovrić D., Vukadinović L. NATO u međunarodnim odnosima. Zagreb: Fakultet političkih znanosti; 2006. (In Cro.)
2. Ministarstvo vanjskih i europskih poslova Republike Hrvatske. Republika Hrvatska i NATO. URL: <http://www.mvep.hr/hr/vanjska-politika/multilateralni-odnosi0/multi-org-inicijative/nato/hrvatska-i-nato/> [Accessed: 14.8.2019] (In Cro.)
3. Barić R. Transformacija NATO-a i hrvatska obrambena reforma. *Polemos* 7. 2004;1-2:45-89 (In Cro.)
4. Božinović D., Čehulić V.L., Vukadinović R. NATO Euroatlantska integracija. Zagreb: Topical; 2007. (In Cro.)
5. Ministarstvo vanjskih i europskih poslova Republike Hrvatske. Multilateralni odnosi. URL: [http://www.mvep.hr/hr/vanjska-politika/multilateralni-odnosi-staro-ijvhj/organizacija-sjevernoatlantskog-saveza-\(nato\)/proces-prosirenja/](http://www.mvep.hr/hr/vanjska-politika/multilateralni-odnosi-staro-ijvhj/organizacija-sjevernoatlantskog-saveza-(nato)/proces-prosirenja/) [Accessed: 14.08.2019] (In Cro.)
6. Ministarstvo obrane Republike Hrvatske. Kronologija ključnih aktivnosti. URL: <https://www.morh.hr/kronologija-kljucnih-aktivnosti/> [Accessed: 18.08.2019] (In Cro.)
7. North Atlantic Treaty Organization. NATO's relations with Croatia. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_31803.htm [Accessed: 16.08.2019]
8. Gallis P. The NATO Summit at Bucharest, 2008. CRS Report for Congress. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RS22847.pdf> [Accessed: 17.08.2019]
9. Ministarstvo vanjskih i europskih poslova Republike Hrvatske. Prioriteti i aktivnosti RH kao članice NATO-a. URL: <http://www.mvep.hr/hr/vanjska-politika/multilateralni-odnosi0/multi-org-inicijative/nato/hrvatska-i-nato/prioriteti-i-aktivnosti/> [Accessed: 18.08.2019] (In Cro.)
10. Ministarstvo vanjskih poslova i europskih integracija Republike Hrvatske. Prva godina članstva u NATO-u. URL: <http://www.mvep.hr/custompages/static/hrv/files/godisnjak2009/hr/pog01.html> [Accessed: 18.08.2019] (In Cro.)
11. North Atlantic Treaty Organization. Resolute Support Mission (RSM): Key Facts and Figures. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2018_09/20180903_2018-09-RSM-Placemat.pdf [Accessed: 18.08.2019]
12. North Atlantic Treaty Organization. Kosovo Force (KFOR): Key Facts and Figures. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/pdf_2019_05/20190527_2019-05-kfor-placemat.pdf [Accessed: 18.08.2019]
13. Jutarnji L. U Afganistan otišli prvi hrvatski vojnici nakon smrti skupnika Briškog. Krstičević: 'Vlada prati situaciju, spremni smo donositi pravovremene odluke' URL: <https://www.jutarnji.hr/vijesti/hrvatska/u-afganistan-otisli-prvi-hrvatski-vojnici-nakon-smrti-skupnika-briskog-krsticevic-vlada-prati-situaciju-spremni-smo-donositi-pravovremene-odluke/9318440/> [Accessed: 10.09.2019] (In Cro.)
14. Ministarstvo vanjskih i europskih poslova Republike Hrvatske. Hrvatska u mirovnim misijama i operacijama NATO-a. URL: <http://www.mvep.hr/hr/vanjska-politika/multilateralni-odnosi0/medunarodna-sigurnost/mirovne-misije/hrvatska-u-mirovnim-misijama-i-operacijama/>

[hrvatska-u-mirovnim-misijama-i-operacija-ma-nato-a/](#) [Accessed: 18.08.2019] (In Cro.)

[nato.int/ongoingoperations/nato-mission-in-kosovo-kfor-](#) [Accessed: 18.08.2019]

15. North Atlantic Treaty Organization. NATO Mission in Kosovo (KFOR). URL: [## ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR](https://shape.</p></div><div data-bbox=)

Марта Зубович, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1;
zubovicmarta@gmail.com

Marta Zubovic, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
zubovicmarta@gmail.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Региональный, национальный и конфессиональный факторы формирования национальной идентичности Казахстана

Жанар Колбачаева

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

jhanar@mail.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию национальной идентичности Республики Казахстан. В статье анализируются основные факторы, влияющие на складывающуюся национальную идентичность современной Республики Казахстан. Так, исследуется сложный процесс, включающий множество этапов, она очевидна только при соотношении двух различных идентичностей: гражданская и национальная, важнейшей частью процесса интеграции которых является обмен ее элементами. Также приводятся оценки эффективности государственной стратегии в этой области, описывается наличие двух основных стратегий национально-государственного строительства и соответственно им доминирующие модели национальной идентичности. Первая стратегия направлена на формирование единой казахстанской нации из полиэтничного по своему составу общества на основе общности гражданства, вторая стратегия связана с национальной идентичностью самих казахов. Выявлены предпосылки формирования целостной модели национальной идентичности как фундамента дальнейшей модернизации общества на основе гражданской консолидации и политической стабильности общества, позволяющей обеспечить приоритеты государственного строительства и социально-экономического развития, сохранение гражданского мира и духовного согласия, укрепление международного авторитета государства.

Ключевые слова: национальная идентичность, Казахстан, консолидация, модернизация, миграции, гражданское согласие, конфессиональность, регионализм

Для цитирования: Колбачаева Ж.Е. Региональный, национальный и конфессиональный факторы формирования национальной идентичности Казахстана. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):398-408. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-398-408>

Статья поступила 29.10.2019

Принята в печать 12.11.2019

Опубликована 02.12.2019

Regional, national and confessional factors of formation of national identity of Kazakhstan

Zhanar Kolbachayeva

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

jhanar@mail.ru

Abstract: the article is devoted to the study of the national identity of the Republic of Kazakhstan. The article analyzes the main factors affecting the emerging national identity of the modern Republic of Kazakhstan. Thus, we study a complex process involving many stages, it is obvious only when the ratio of two different identities: civil and national, the most important part of the process of integration of which is the exchange of its elements. The article also provides an assessment of the effectiveness of the state strategy in this area, describes the presence of two main strategies of national-state construction and, accordingly, the dominant models of national identity. The first strategy is aimed at the formation of a single Kazakh nation from a multi-ethnic society on the basis of common citizenship, the second strategy is related to the national identity of the Kazakhs themselves. The prerequisites for the formation of an integral model of national identity as the Foundation for further modernization of society on the basis of civil consolidation and political stability of society, allowing to ensure the priorities of state-building and socio-economic development, preservation of civil peace and spiritual harmony, strengthening of the international authority of the state.

Keywords: National identity, Kazakhstan, consolidation, modernization, migration, civil consent, confessional, regionalism

For citation: Kolbachayeva J.Y. Regional, national and confessional factors of formation of national identity of Kazakhstan. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):398-408. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-398-408>

Received 29.10.2019

Revised 12.11.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

Цель статьи — исследовать влияние основных факторов на формирование национальной идентичности в Республике Казахстан, оценить эффективность известных моделей раскладывая по признаку национальной идентичности и соответствующих им мер государственной политики. Для этого за основу были взяты исследованные факторы, которые в значительной

мере оказали воздействие на сложившуюся в Республике Казахстан ситуацию в национально-государственном строительстве.

Значимым является анализ воздействия основных факторов, влияющих на формирование национальной идентичности современного Казахстана — регионального, конфессионального и национального, оценка применимости в Республике традицион-

ных моделей формирования национальной идентичности, возможности использования новых подходов и концепций.

ЭТНИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ

С развалом скрепленной политической идеологией многонациональной общности Советского Союза, обретением независимости казахстанское общество испытало на себе целый ряд интенсивных трансформаций, которые затронули большинство сфер жизни: экономической, политической, социальной. Одним из наиболее важных процессов, которые сопровождали эти перемены и формирование новой идентичности. В отличие от идентичности советского периода, основанной на жестко ограниченной от внешних влияний идейно-политической платформе коммунистической идеологии, дальнейшее существование которой было невозможно без искусственного ограничения конкуренции на рынке идей и ценностей, формирование новой идентичности было призвано обеспечить стабильную основу для идентификации населения в условиях плюралистической мировоззренческой модели, более адекватной демократических принципам организации общества, продекларированным в качестве ориентиров его развития.

В этих условиях формирование национальной идентичности в стране с мультикультурным и полиэтническим составом населения, такой, как Казахстан, детерминировано фактором регионального расселения этносов. С точки зрения целей и задач государственного строительства, для формирования национальной идентичности в данных обстоятельствах необходимы целенаправленные усилия власти для создания идентичности гражданского типа и готовность общества к восприятию такой государственной политики.

Несмотря на почти тридцатилетний период существования современной государственности в Казахстане такая дилемма выбора типа идентичности до сих пор стоит перед страной довольно остро. Это связано влиянием мощного регионального фактора в этно-конфессиональном ландшафте страны. Оно создает объективные препятствия для возможностей проведения эффективной политики казахизации в сфере языка, культуры и образования, ограничивая возможности развития страны как мононационального государства.

В отличие от многих других стран постсоветского пространства за годы независимости Казахстану довелось пережить большие перемены в этнонациональной сфере. Если в 1989 году численность русских и казахов составляла 37,7 и 39,6% соответственно, то уже через десять лет, в 1999 году численность русского населения упала на 12,5% — до 22,2%, а казахов — напротив выросла до 53% населения [1]. Тенденция увеличения численности титульной нации продолжалась и в последующие годы. Так, в 2018 году численность русского населения составила 19,89%, а казахского — 67,3%. На современном этапе развития казахстанской государственности этническое большинство представлено казахским этносом, в то время как численность русского населения продолжает неуклонно сокращаться. Фактически с 1989 года — с момента последней переписи населения СССР существовавший ранее количественный паритет двух этносов: казахи и русские, резко нарушился. Основные изменения этой ситуации связано с эмиграционным процессом некоренного населения [2]. За десять лет сократилось на два миллиона человек, с 16,9 млн. человек в 1989 г. до 14,9 млн. человек в 1999 г. [3]. С учетом обозначившихся тенденций это определяет перспективу окончательно-

го закрепления за русскими в Республике статуса этнического меньшинства.

Уже к началу-середине 2000-х годов было видно, что отток представителей русского этноса, а также более высокая рождаемость среди этнических казахов в столице, западных и южных регионах привели к устойчивому численному доминированию титульной нации [4]. При этом на уровне остальных регионов демографическая картина осталась другой. Так этнический состав населения северных областей Казахстана не претерпел таких радикальных изменений, как в южных и западных областях. Например, в северных регионах доля этнических русских остается большой: Акмолинскую — 36%, Карагандинскую — 40%, Костанайскую — 43%, Павлодарскую — 39%, Северо-Казахстанскую — 50%, Восточно-Казахстанскую — 40%. Наличие растущего, преимущественно казахского населения Юга страны и сокращающегося этнически смешанного населения Севера предопределяет попытки правительства организации внутренней миграции населения, выстраивания на всей территории страны нового этнонационального баланса. С учетом урбанизации, в Казахстане характерны продолжающиеся перетоки населения из сельской местности в города.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Говоря о влиянии регионального фактора национальной идентичности, необходимо отметить существующую в Казахстане разницу между севером и югом страны. Так как титульная нация во времена гражданской войны, массовой миграции, приток переселенцев из европейской части Советского Союза (индустриализация, ГУЛАГ, целина, атомный и космический проекты) понесли огромные потери. В результате этого казахи на некоторое время стали этническим меньшинством (с 1930 по 1979 год) [5].

Завершение Великой Отечественной войны, в которой Казахстан потерял от 410 до 630 тысяч человек [4], новый этап индустриализации, привел к росту численности городского населения, который преимущественно обеспечивался за счет не титульных наций (русские, украинцы, немцы и т. п.). В результате такой политики в 1970-е годы казахи составляли около 17,5% населения КазССР, а в некоторых северных областях — Кустанайской (ныне Костанайской) и Северо-Казахстанской, доля казахского населения составляла менее и того меньше — от 6 до 8% населения [4].

В то же время, уже с конца 1970-х-начала 1980-х годов нарастающие процессы урбанизации привели к увеличению численности представителей титульной нации в городском населении республики. Ресурсом такого перетока стали более высокие показатели воспроизводства населения среди казахов, проживающих в сельской местности. Несмотря на то, что миграция по линии село — город характерна не только для казахов, но и для других этносов, более высокие показатели мобильности населения привели к тому, что за сорок лет число казахов-горожан выросло более чем в четыре раза. Отток населения не титульной нации привело к изменению этнической картины общества в современном Казахстане [6].

В результате действия описанных выше факторов этнодемографическая разница между регионами Казахстана очевидна. Так, население южных и западных областей страны почти полностью состоит из этнических казахов, а население регионов Севера является двухполярным по этническому составу — доли казахов и русских друг от друга отличаются незначительно. Этнический фактор значим и в воспроизводстве населения, так как рождаемость в южных и западных регионах значительно выше, чем в северных [7]. Например, почти

40% всего сельского населения республики проживает в двух из шести областей — это Южно-Казахстанская (20%) и Алматинская (19%) области. Между тем, в северных областях наблюдается устойчивая депопуляция — между переписями 1989 и 2009 годов шесть северных регионов потеряли почти 15% своего населения [4]. Данная тенденция продолжает усиливаться за счет оттока русского населения, численность которого сократилась к 2018 году еще на 10,5% [4]. Такие изменения породили новую картину этнического состава в северных регионах.

НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

Правительство Казахстана, начиная почти с момента обретения независимости, предприняло несколько действенных шагов по привлечению в северные регионы представителей титульной нации. К таким мерам относятся региональные квоты в рамках программы репатриации этнических казахов-оралманов, стимулы для переселения с «неблагоприятных» территорий с профицитом трудовых ресурсов в северные регионы по программе «Нурлы Кош», а также государственные образовательные гранты для сельской молодежи южных областей программы «Серпін», в рамках которой возможность получить высшее образование в вузах северных областей получили представители молодежи из пяти регионов с преобладанием этнических казахов [8].

В результате именно этнические казахи, ранее проживавшие в других странах, стали значительным ресурсом в достижении стратегически важного перевеса над русским населением: всего с 1991 года в рамках государственных программ вернулось около 1 миллиона казахов [9].

Приведенные выше примеры свидетельствует о том, что руководство казахстанского государства проводит системную поли-

тику мягкой казахизации страны. Можно предположить, что в случае ее успеха в долгосрочной перспективе станет возможным формирование национальной идентичности на основе этнической принадлежности, единства на основе казахского языка и культуры [10]. Меры, предпринимаемые государством, свидетельствуют о поэтапном замещении неказахских этносов в населении страны представителями титульной нации, очевидно, направлены на полную казахизацию населения в стратегической перспективе.

Однако, пока существуют серьезные этнические диспропорции между северными и южными районами страны, между сельскими и городскими районами Казахстана, сформировать четкую идентичность на региональном уровне пока не получается. Из-за климатических и социокультурных особенностей жители южных областей проявляют мобильность в основном в пределах южных территорий, а северяне сохраняют свою оседлость в северной части страны. Только один северный город — столичный Нур-Султан является территорией-реципиентом, продолжая принимать крупные миграционные потоки из южных областей.

Очевидно, что при реализации дальнейшей государственной стратегии в области государственного и национального строительства в отрыве от факторов рынка труда, предпринимательского климата, наличия в социуме устойчивого ощущения принадлежности к единому государству, одни только материальные стимулы или меры прямого государственного регулирования не могут существенно изменить сложившуюся демографическую карту Казахстана [11].

Более эффективной на современном этапе, а возможно и в более отдаленной перспективе могло бы стать формирование целостной модели национальной идентичности — обозначенной первым президен-

том Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым в 2015 году концепции «нации единого будущего» как фундамента дальнейшей модернизации общества на основе гражданской консолидации и политической стабильности общества, позволяющей обеспечить приоритеты государственного строительства и социально-экономического развития, сохранение гражданского мира и духовного согласия, укрепление международного авторитета государства.

Основой концепции стала Мәңгілік Ел — национальная идея, в наиболее полной форме изложенная Н. А. Назарбаевым в президентском послании «Нұрлы жол — путь в будущее» от 17 января 2014 года, в котором было отмечено, что: ««Мәңгілік Ел» — это идея нашего общеказахстанского дома, мечта наших предков. За 22 года суверенного развития созданы главные ценности, которые объединяют всех казахстанцев и составляют фундамент будущего нашей страны. Они взяты не из заоблачных теорий. Эти ценности — опыт Казахстанского Пути, выдержавший испытание временем» [12].

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР

Не менее важными для строительства национальной идентичности являются и религиозные ценности, к которым апеллирует политика государства в области конфессиональных отношений. Ее следует рассмотреть более подробно, поскольку принадлежность к той или иной религии так же является мощным базисом для групповой идентичности [13, 14].

Особенностью Казахстана является сочетание полиэтничности и многоконфессиональности населения. С момента образования современной Республики Казахстан был взят курс на построение светского государства, гармонизацию межконфессиональных отношений на основе негосударственного статуса основных ре-

лигиозных организаций. Созданная в 1995 году Ассамблея народов Казахстана была призвана институционализировать идею о культурном и конфессиональном плюрализме. Тем не менее, вслед за большинством постсоветских государств с сильными исламскими традициями (Центральная Азия, Азербайджан) уже на ранних этапах государственного строительства светское правительство успешно инкорпорировало ислам в национальную идентичность, сделав исламские праздники частью государственных, поощряя строительство мечетей и т. д. Вызовы и угрозы нового времени, связанные с превращением религиозного фактора, а точнее — фактора религиозного экстремизма в значимый элемент внутренней и международной повестки, однако, потребовали более активного участия государства в выстраивании рамки духовной жизни [15].

В 2011 году в Казахстане было создано Министерство по делам религий и гражданского общества. На это министерство возложена задача предотвращения религиозного экстремизма. В том же году президентом Республики Казахстан Н. А. Назарбаевым было учреждено Агентство по делам религий, главная задача которого противодействие возрастающей роли традиционализма, управляемое религиозное возрождение, защищенное от импортного ислама экстремистского толка.

Согласно официальным данным, представленным Министерством иностранных дел Казахстана, из 18,4 миллионов жителей 70% составляют мусульмане, около 26% — христиане, 1% — католики [12]. В итоге конфессиональная картина демонстрирует преобладание ислама как религии титульной нации и этнического казахского большинства. В такой ситуации государству приходится выстраивать очень осторожную конфессиональную политику в от-

ношении религиозного вопроса, оставаясь верным принципу секуляризма (светской власти), но не ущемляя возможностей ислама как фактора для формирования идентичности этнических казахов. Это, однако, не означает отсутствие риска усиления фундаменталистских течений на территории страны, скорее наоборот: попытки государства сохранить толерантный баланс между религиями при такой пропорции мусульман воспринимаются представителями радикальных движений как своего рода предательство национальных интересов.

Однако, эксперты отмечают, что современная картина религиозных предпочтений не была инвариантной и именно государство сыграло решающую роль в восстановлении религиозных практик, считающихся традиционными в обществе, прежде всего практики суннитского ислама ханафийского мазхаба и православного христианства [7]. Однако простой возврат к досоветскому статус-кво оказался почти невозможным. Независимость привела к возрождению религиозного прошлого, а также к беспрецедентной кампании по строительству мечетей, по итогам которой Казахстан вышел на первое место среди постсоветских республик: к 2013 году насчитывалось более 3200 мест отправления культа, из которых более 2300 были мечетями — даже больше, чем в Узбекистане, несмотря на то, что в этой стране в два раза больше число мусульман [16].

Различные современные социологические исследования также показывают, что ислам в Казахстане остается в значительной степени областью индивидуальных убеждений и не переходит в политическую плоскость. В частности, глобальный опрос мусульман, проведенный в 2013 году, содержит данные о том, что на самом деле означает «быть мусульманином в Казахстане» по сравнению с другими

регионами мусульманского мира [16]. Казахстанские мусульмане выделяются в международном сравнении, выступая против политических проявлений религии. Таким образом, Казахстан имеет один из самых низких уровней поддержки среди мусульманской стран законов шариата: его поддерживают лишь около десяти процентов казахов — самый низкий уровень в мире, кроме Азербайджана. Такой уровень поддержки шариата заметно отличается от Кыргызстана и Таджикистана, где от четверти до трети респондентов высказались в поддержку шариата вместо законов светского государства [16].

При этом, лишь 3% мусульман-казахов поддержали идею усиления роли религиозных лидеров в политике, а 29% высказались за «некоторую» роль для них. Также 46% мусульман-казахов выразили обеспокоенность по поводу «мусульманских экстремистов». Данные показатели являются одними из самых низких среди опрошенных мусульманских стран.

Можно отметить, что в целом мусульмане Казахстан имеют наиболее либеральное толкование религиозных обязанностей, последовательно выступают за межконфессиональную гармонию и диалог. Основываясь на этих факторах, можно прогнозировать, что при попытках формирования национальной идентичности на основе конфессионального фактора государству придется пойти на резкий слом устоявшихся представлений казахстанских мусульман о роли ислама в общественном развитии и в повседневной жизни. Такой шаг может инициировать состояние конфликта с представителями других конфессий, которые, хотя и находятся в меньшинстве, но имеют тесные связи со странами, которые поддерживают данные конфессиональные направления. В первую очередь, конечно, это осложнит отношения с Россией и дальней-

шую интеграцию в рамках Евразийского экономического союза.

Поскольку русский национализм стал более мощным инструментом для реализации приоритетов внутренней и внешней политики официальной Москвы, Русская православная церковь смогла занять ключевую позицию в постсоветской России. В Казахстане этому способствовало беспокойство, вызванное переходом русской общины в статус этнического меньшинства.

Однако, русское православие было не единственной религией, связанной с какой-либо этнической группой, роль которой возросла на волне «десоветизации». На волне религиозного оформления этнических меньшинств поляков, литовцев, латышей, немцев в Казахстане было сформировано около 90 католических общин [16]. Еще более активными стали многочисленные протестантские деноминации, в большинстве своем тесно связанные с протестантскими движениями США. С 2008 года приверженцы протестантских христианских групп, включая баптистов, лютеран, пятидесятников и адвентистов седьмого дня зарегистрировали в Казахстане в общей сложности 1180 религиозных организаций [16].

При рассмотрении конфессионального фактора в Казахстане необходимо учесть также, что, как и в других частях Центральной Азии, отмечаются многочисленные внешние воздействия на ислам, основными источниками являются страны Персидского залива, Турция и Северный Кавказ. Эти связи были в основном подпольными и оказали мощное влияние на радикализацию исламистов в Центральной Азии при переходе республик бывшего СССР к независимости.

Наибольшим влиянием на мусульманское население Казахстана в настоящее время обладает Турция, через притягатель-

ную для многих постсоветских государств модель светского ислама получившая и успешно использовавшая полученные в 1990-е годы преференции в строительстве или восстановлении мечетей, распространении религиозной литературы, организации богословских исследований по турецкой модели.

Еще одним источником исламского влияния, в том числе радикального толка, является Северный Кавказ. Вслед за Северным Кавказом, ставшим ареной борьбы между традиционалистскими, суфийскими практиками и движением салафитов, в орбиту этого идейного противостояния оказались втянутыми регионы России, Южного Кавказа и Западного Казахстана. В то же время южный Казахстан традиционно сохранил связи с религиозными процессами в Узбекистане [17].

Опыт Казахстана по противостоянию экстремизму на религиозной основе довольно противоречив: в первые два десятилетия независимости страна не испытывала серьезных проблем с экстремизмом и терроризмом. Но с 2011 года Казахстан подвергся серии террористических атак, и власти отреагировали на это принятием более строгих законов, регулирующих религиозные группы в стране.

Проблема религиозного экстремизма в Казахстане тесно увязана с несколькими основными конфликтными зонами и активно взаимодействует с ними. Это Северный Кавказ, афганско-пакистанская зона и сирийско-иракская зона военных действий. Более тщательное изучение практики религиозного экстремизма в Казахстане показывает, что изначально экстремистские влияния были связаны с Северным Кавказом, затем решающая роль перешла к афгано-пакистанскому театру борьбы с международным терроризмом. В последние несколько лет в связи с открытием

иракско-сирийского фронта борьбы существуют опасения, что участники боевых действий — выходцы из Казахстана могут инфильтроваться обратно и тем самым расширить экстремистскую сеть в стране.

В этой связи политика, помимо решения тактических вопросов противодействия терроризму и экстремизму по линии специальных служб, на наш взгляд, должна быть обязательно дополнена комплексом мер, направленных на формирование толерантного конфессионального климата. В условиях, когда большинство страны составляют мусульмане и течения экстремистской направленности могут в любой момент стать базой для формирования этно-конфессиональной идентичности казахов, государственной власти остается только поддерживать статус-кво. Таким образом, можно сделать вывод о том, что формирования национальной идентичности на основе ислама в Казахстане невозможно при действующей власти. Однако в будущем конфессиональный контекст в Казахстане может претерпеть радикальные изменения, связанные как с внешними влияниями, так и с второй волной религиозного возрождения, триггером общественного запроса на которую могут стать исключительно внутренние факторы, связанные

с эффективностью государственной модели нынешнего Казахстана в долгосрочной перспективе [18].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время можно отметить тренд на продолжение политики сохранения конфессионального мира на основе следования курсу Н. А. Назарбаева, верность которому действующий президент Республики К.-Ж. К.Токаев подтвердил [19], обозначив в Послании 2 сентября 2019 года задачу «учитывая роль казахского народа как государствообразующей нации, продолжать укреплять межэтническое согласие и межрелигиозное взаимопонимание» [19].

Стоит отметить, одним из ключевых факторов эффективности казахстанской государственности на современном этапе, наряду с социально-экономическими, может стать фактор национальной идентичности. В этой связи Казахстану в будущем предстоит сделать окончательный выбор в пользу той или иной модели формирования национальной идентичности (гражданской или этнической) либо все-таки перейти на свой вариант формирования национальной идентичности, более адекватный требованиям и условиям постиндустриального информационного общества первой половины XXI века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агдарбеков Т.А. Проблемы национально-государственного строительства в Казахстане. Алма-Ата: Наука. КазССР; 1990. с. 32.
2. Зайончковская Ж. Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах. Москва: «Издательское товарищество «Адамант»; 1996. с. 370.
3. Кадыржанов Р. Национальная идентичность Казахстана и этнокультурный символизм. *Мысль*. 2012;10:28.
4. World Population Review. Kazakhstan Population 2018. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population/> (дата обращения: 22.09.2019)
5. Пименова В.В. Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана. Москва: Издательское товарищество «Адамант»; 1980. с. 280.
6. Котов А.К. Наше государство — суверенный Казахстан. *Саясат*. 1996;1:15.

7. Нуржанов Б.Г. Глобализация: закат национальности или расцвет этничности? В: Устойчивость этнокультурных систем в контексте динамики глобализации. Материалы городской научно-практической конференции. Алматы: Алматы; 2012. С.112-124.
8. URL: <http://new.serpik.kz/> (дата обращения: 18.05.2019)
9. Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития. *Полис*. 2010;3:40.
10. Малащенко А.М. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. Под ред. М.Олкот. Москва: Московский Центр Карнеги; 1997. 488 с.
11. Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. Москва: Типография «Ваш формат»; 2017. 184 с.
12. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/> (дата обращения: 08.04.201)
13. Шейко Э.М. Международные и региональные конфликты: механизмы управления. Хабаровск: ДВАГС; 2005. 254 с.
14. Яруллин Р.Н. Трансформация государственной власти и эволюция политической системы в Казахстане. Алматы: ГАСУ; 1996. с. 43.
15. Курбанов Х.Т. Религиозно-политический экстремизм на Северо-Восточном Кавказе: идеология и практика (на материалах Республики Дагестан). Ростов на Дону: Изд-во СКНЦ ВШ; 2006. 156 с.
16. Svante E. Cornell S. Frederick S. Julian Tucker. Religion and the Secular State in Kazakhstan. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program; 2018. 101 p.
17. Lapidus I.M. Chapter 17 «Islam in Central and Southern Asia». In: «A History of Islamic Societies». Cambridge: Cambridge University Press; 1988. p. 415.
18. Сафарова Г.Ф. Механизмы преодоления исламского экстремизма в контексте обеспечения национальной безопасности стран Центральной Азии. *Постсоветские исследования*. 2018;1(7):707.
19. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана http://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana (дата обращения: 22.10.2019)

REFERENCES

1. Agdarbekov T. A. Problems of nation building in Kazakhstan. Alma-Ata: Publishing House: Nauka. Of the Kazakh SSR; 1990. P. 32. (in Russ.)
2. Zayonchkovskaya J. Migrations and new Diasporas in post-Soviet States. Moscow: «Publishing Association» Adamant; 1996. P. 370. (in Russ.)
3. Kadyrzhanov R. National identity of Kazakhstan and ethno-cultural symbolism. *Thought*. 2012;10:28. (in Russ.)
4. World Population Review. Kazakhstan Population 2018. URL: <http://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population/> [Accessed: 22.09.2019]
5. Pimenova V. Ethnic processes in national groups of Central Asia and Kazakhstan. Moscow: Publishing partnership «Adamant»; 1980. P. 280. (in Russ.)
6. Kotov A. K. Our state is sovereign Kazakhstan. *Sayosat*. 1996;1:15. (in Russ.)
7. Nurzhanov B.G. Globalization: the decline of nationhood or the flowering of ethnicity? In: Stability of ethno-cultural systems in the context of globalization dynamics. Materials of the city scientific and practical conference. Almaty: Almaty; 2012. p. 112-124. (in Russ.)

8. URL: <http://new.serpik.kz/> [Accessed: 18.05.2019]
9. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Pantin V. I. Identity in the coordinate system of world development. *Polis*. 2010;3:40. (in Russ.)
10. Malashenko, A.M. Identity and conflict in post-Soviet States. Edited by M. Ollcot. Moscow: Carnegie Moscow Center; 1997. 488 p. (in Russ.)
11. Titov V.V. Memory Policy and formation of national-state identity: Russian experience and new trends. Moscow: Printing house of "Your format"; 2017. 184 p. (in Russ.)
12. URL: <http://mfa.gov.kz/ru/> [Accessed: 08.04.2019] (in Russ.)
13. Sheiko E.M. International and regional conflicts: management mechanisms, Khabarovsk: DVAGS; 2005. 254 p. (in Russ.)
14. Yarullin R.N. Transformation of state power and evolution of political system in Kazakhstan. Almaty: GASU; 1996. P. 43. (in Russ.)
15. Kurbanov H.T. Religious and political extremism in the North-Eastern Caucasus: ideology and practice (on the materials of the Republic of Dagestan). OTV. ed. Rostov-on-don: Publishing house SCSC HSE; 2006. 156 p. (in Russ.)
16. Svante E. Cornell S. Frederick S. Julian Tucker. Religion and the Secular State in Kazakhstan. Washington: Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies Program; 2018. 101 p.
17. Lapidus I.M. Chapter 17 «Islam in Central and Southern Asia». In: «A History of Islamic Societies». Cambridge: Cambridge University Press; 1988. p. 415. (in Russ.)
18. Safarova G.F. Mechanisms of overcoming Islamic extremism in the context of national security of Central Asian countries. *Post-Soviet Studies*. 2018;1(7):707. (in Russ.)
19. Message of the Head of state Kasym-Jomart Tokayev to the people of Kazakhstan http://www.akorda.kz/ru/addresses/address-es_of_president/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazhstana [Accessed: 22.10.2019] (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жанар Колбачаева, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр.1;
jhanar@mail.ru

Zhanar Kolbachayeva, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
jhanar@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Концептуальные основы политической модернизации в Казахстане

Олег Г. Карпович

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

iskran@yahoo.com

Аннотация: Необходимость изучения опыта политической модернизации в Казахстане определяется тем, что современная Российская Федерация, в значительной степени исчерпав инерционный потенциал развития 1990-х, стремится выстроить такую модель политической модернизации, которая учитывала бы национальный (российский), мировой (западный) и региональный (включая пример Казахстана) опыт проведения политических и социальных реформ.

Цель исследования заключалась в выявлении особенностей политической модернизации в Казахстане. Исходя из поставленной цели в работе, были решены следующие задачи:

- определены теоретико-методологические аспекты политической модернизации;
- выявлены особенности изучения политической модернизации в современной политической науке в целом;
- изучены основные концепции политической модернизации и особенности модернизационных процессов в посттрадиционных обществах, включая Казахстан.

Для реализации поставленной цели и решения указанных задач были использованы различные методы научного анализа (системный, институциональный, культурологический). Поэтому в теоретико-методологической основе работы лежат методы, выработанные в рамках исследований политической модернизации.

Ключевые слова: модернизация, политическая модернизация, Казахстан, президент, парламент, политика

Для цитирования: Карпович О.Г. Концептуальные основы политической модернизации в Казахстане. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):409-416. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-409-416>

Статья поступила 27.08.2019

Принята в печать 13.10.2019

Опубликована 02.12.2019

Conceptual foundations of political modernization in Kazakhstan

Oleg G. Karpovich

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

iskran@yahoo.com

Abstract: The need to study the experience of political modernization in Kazakhstan is determined by the fact that the modern Russian Federation largely exhausted the inertial potential of the 1990s, trying to build a model of political modernization, which took into account the national (Russian), world (Western) and regional experience of political and social reforms.

The aim of the study was to identify the features of political modernization in Kazakhstan. Based on this goal the following tasks were solved:

- to define theoretical and methodological aspects of political modernization;
- to identify the features of the study of political modernization in modern political science;
- to study the basic concepts of political modernization and features of modernization processes in posttraditional societies.

To implement the above goals and solve problems were used methods of discourse analysis. That is why the theoretical and methodological basis of the work is based on the methods developed in the framework of studies of political modernization.

Keywords: modernization, political modernization, Kazakhstan, president, parliament, policy

For citation: Karpovich O.G. Conceptual foundations of political modernization in Kazakhstan. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):409-416. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-409-416>

Received 27.08.2019

Revised 13.10.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

Исследование общего массива работ, посвящённых теоретическому базису политической модернизации (также называемой в отдельных трудах «демократическим транзитом», нередко он более иллюстративно описывает происходящие в действительности процессы), показало, что в современных исследованиях выделяются два типа модернизации:

1. оригинальная, характерная для стран, которые пережили длительное развитие

внутренних структур (среди таких стран чаще всего называются Англия, США);

2. вторичная, характерная для стран, отставших в своем развитии и стремящихся использовать опыт передовых государств для преодоления своей отсталости (однако не все авторы трактуют данный вариант как отсталость, нередко нетипичные формы относят к оригинальному пути развития).

Для второго типа стран важным становится поддержание контактов с центрами индустриальной и постиндустриальной культуры с тем, чтобы избежать ошибок развития, используя характерный опыт текущего этапа политической модернизации. Многие моменты развития в рамках демократического транзита имеют склонность повторяться: например, в большинстве стран, совершивших резкий переход от авторитарного, и тем более тоталитарного, управления к демократическому порядку, этот переход сопровождался революцией.

МОДЕРНИЗАЦИЯ В КАЗАХСТАНЕ

В Казахстане политическая модернизация как социокультурный процесс началась с консервативной модели, которая внедрялась в условиях очень жёсткого контроля со стороны руководства страны. Внедрение модели данного типа привело к установлению сильной исполнительной вертикали власти и осуществлению в целом эффективных экономических реформ. Однако затем она превратилась в суперконсервативную модель из-за неограниченной власти президента Казахстана и однопартийного парламента с одной пропрезидентской партией, породив следующие проблемы в стране:

- однопартийность политического поля и ограниченность политического участия;
- дисбаланс между экономической либерализацией и авторитаризмом в политической сфере;
- отсутствие ясной совместной стратегии политического развития у правящей элиты и оппозиции;
- отсутствие эффективных каналов коммуникации и взаимодействия власти и оппозиции; фактическое исчезновение оппозиции.

Следует отметить, что в большинстве стран политическая модернизация не про-

ходит за один прием, это последовательная смена ряда вариантов: исторически первичной является западная модель политической модернизации, начало которой восходит к рационализации властного авторитета (XVI–XVII вв.), затем последовала дифференциация политических функций и институтов (XIX в.) и расширение политического участия (XX в.), причём последний этап предполагает очень разнообразные варианты наращивания элементов гражданского общества на уже довольно устойчивую политическую конструкцию управления.

Если же рассматривать политическую модернизацию с точки зрения типологического подхода, то речь, как правило, идет об опыте стран Западной Европы и Северной Америки. Однако следует признать, что главная слабость данного варианта состоит в том, что практически невозможно построить типологию политических систем, которая смогла бы ранжировать промежуточные формы модернизируемых стран.

Это связано с тем, что институциональные формы политической модернизации, ритм и последовательность стадий не являются универсальными нормами политического развития, несмотря на то, что, как отмечено выше, определённые закономерности, особенно при анализе стран с аналогичными социально-культурными условиями, прослеживаются. Однако неизбежная социокультурная специфика различных стран не позволяет полностью заимствовать характеристики и целиком имитировать политические институты и процедуры по западным образцам. Отметим, что эволюционный подход, предложенный Дж. Коулменом, определяет политическую модернизацию как бесконечно вариативный процесс. С его точки зрения, «политическая система становится современной, когда присутствует конфликтно-продуктивное взаимодействие трех факторов:

- дифференциация политической системы;
- наличие в ней императива равенства;
- наличие высокой интегративно-адаптивной способности.

В совокупности указанные факторы образуют «синдром развития» [1]. В целом успешность реализации данных функций будет способствовать легитимации системы политического управления в стране с прозападным типом развития, а также формированию новой идентичности как на уровне страны, так и на уровне отдельной политически активной личности.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКТОР

Необходимо отметить, что если для второй половины XX века было характерно противостояние двух мировых (социалистической и капиталистической) систем, то осевой проблемой современности становится взаимодействие цивилизаций в процессе глобализации мирового социума. Этот процесс характеризуется неизбежной переоценкой фундаментальных оснований человеческого бытия, пересмотром технократического отношения к человеку и среде его обитания, признанием необходимости перехода мирового сообщества на путь устойчивого развития. Например, Алма-тинская область — крупнейший в стране производитель сельскохозяйственной продукции и не только. Это и производство промышленной и обрабатывающей продукции, и экспортно-ориентированные фабрики и заводы, и транспортно-логистические хабы, и популярные туристические зоны. Только за 8 месяцев 2019 года в регионе открылись 27 новых предприятий. Портфель инвестиций включает 354 проекта с созданием 38 633 рабочих мест [2].

Необходимо еще раз подчеркнуть, что специфика политической модернизации в каждой стране определяется тем, в какой

последовательности и в каком сочетании возникают и преодолеваются кризисы. Современная политическая система не защищена от этих кризисов, но обладает большой способностью для их нейтрализации.

В связи с этим, появляется множество дискуссий о перспективах модернизации стран третьего мира, которые, как правило, фокусируются на экономических аспектах. Действительно, одной из целей модернизации является достижение универсальных социально-экономических показателей, обеспечивающих независимость общества от давления извне и гарантирующих самосохранение. В соответствии с мнением большинства исследователей, политическую модернизацию следует рассматривать как формирование, развитие и распространение современных политических институтов, практик, а также современной политической структуры. В свою очередь, под современными политическими институтами и практиками предлагается понимать не копии с аналогичных субъектов политической системы стран развитой демократии, а те политические институты и практики, которые в наибольшей мере готовы обеспечить адекватное реагирование и приспособление политической сферы к нарастающим вызовам современности, в основе которых в XXI веке — глобализация, информатизация, десуверенизация.

Выделенные практические и методические рекомендации могут быть применены к другим социально-экономическим системам, так как в предлагаемом подходе и алгоритме есть возможности модификации изменения задач исследования и условий их применения. В настоящее время роль малого инновационного бизнеса как фактор развития социально-независимой прослойки среднего класса, определяющей основные политические векторы в прозападной модели развития, в Казах-

стане весьма незначительна, что приводит к необходимости разработки концепции финансирования инноваций для того, чтобы дать толчок развития демократических институтов управления. Современная неразвитость в данной сфере обусловлена большим количеством препятствий, с которыми индивидуальный предприниматель и средний бизнес сталкиваются на всех этапах реализации своего дела.

СМЕНЫ ЭЛИТ

Относительно процесса смены элит в Казахстане можно сказать, что на данный момент на постсоветском пространстве потенциально существуют три характерных модели, каждая из которых определяется рядом нюансов:

- российская (преемник);
- азербайджанская (династийная форма передачи власти);
- украинская, грузинская, киргизская (победа контрэлиты).

Однако процесс модернизации не ограничивается социально-экономическими преобразованиями и следующими из них изменениями в социально-политической сфере. Таким образом, практически не уделяется внимания взаимосвязи развития политического режима, а также модернизации политической системы той или иной страны, успешности экономического и социального развития, а также повышению ее статуса в современном мире [3]. Ведущая роль в этом отводится малому инновационному предпринимательству, которое как субъект пространственного развития обладает следующим потенциалом. Во-первых, это социально-экономический потенциал, формирующийся в процессе реструктуризации общества и создания среднего класса [4]. Во-вторых, это потенциал регионального развития, вклад малого предпринимательства в реструктуризацию региональной

экономики и выравнивание уровня социально-экономического развития территорий. На современном этапе развития экономических отношений, характеризующихся внедрением инноваций, поиском новых подходов в решении текущих задач с привлечением современных информационно-коммуникационных технологий, а также использование возможностей искусственного интеллекта. Данная проблема сформирована исторически в непропорционально развитой модели промышленности страны, которая включает внутренний сектор экономики и сектор, ориентированный на экспорт [5].

КАЗАХСТАНСКАЯ МОДЕЛЬ

Полагаем целесообразным более подробно остановиться на развитии Казахстана в период после отхода от активной политической деятельности Н.А. Назарбаева. С избранием К-Ж. Токаева президентом Казахстана начался новый период развития республики, который отмечается рядом особенностей, новыми подходами и нестандартными решениями [6]. К-Ж. Токаев обязал чиновников уделять повышенное внимание внедрению технологий связи 5G, расширению широкополосного доступа к Интернету, а также другим проектам по информатизации и цифровизации, которые оказывают серьезное влияние на развитие казахстанской экономики и повышение ее конкурентоспособности.

Различные Интернет-проекты как инструмент политического развития в рамках цифровизации современного казахстанского общества неизбежно вынуждены конкурировать как между собой, так и с любыми другими проектами компании, в том числе и в сфере основной деятельности.

Прошедшие месяцы деятельности президента были наполнены интенсивной работой, направленной на принятие важных

решений в режиме он-лайн, участием в разрешении огромного множества конфликтных ситуаций. Рядовым казахстанцам он уже успел запомниться списанием кредитов малообеспеченным и многодетным семьям, увеличением зарплаты учителям, ужесточением наказания за распространение наркотиков и преступления против личности. Токаев не забыл о малом бизнесе, своим решением он освободил его на три года от уплаты налогов.

На мировой арене Казахстан продемонстрировал преемственность взвешенной внешней политики, и это неудивительно, поскольку президент Токаев — фигура более чем известная мировому сообществу. У него за плечами многолетняя работа на важнейших государственных постах как в республике, так и за рубежом. Достаточно длительный период времени он занимал пост заместителя Генерального секретаря — руководителя Европейского отделения ООН.

Токаев не отстает от современного развития: уже давно известно, что поручения чиновникам он дает через WhatsApp, следит за событиями в социальных сетях, проверяет рейтинги популярности тех или иных государственных решений.

Необходимо признать: Казахстану повезло с руководителем страны и мирным транзитом власти, что позволило избежать коллапсов и потрясений. На современном этапе, наблюдается уверенное движение в поиске модели развития, которая позволила бы стране увеличить экономический потенциал, успешно завершить модернизацию и занять достойное место в мировом сообществе стран, осуществивших переход в качественно иную постиндустриальную эпоху. С использованием цифровых технологий изменяется не только повседневная жизнь человека, общества и структура экономики, но и сама предприниматель-

ская среда. Процесс создания принципиально новой предпринимательской среды включает в себя комплекс мероприятий: исследование, подготовку, формирование, продвижение, внедрение и поддержку. В связи с тем, что инновации имеют большую классификацию, разные направления усовершенствования и оптимизации, направленные на выпуск конкурентоспособной продукции, важно понимать, на какой стадии инновационного процесса уже находятся предприятия, степень и пути активизации их политической модернизации, а также ее управления. На решение, связанное с развитием каждого конкретного преимущества, влияют следующие основные факторы, которые обязательно учитываются в менеджменте транснациональных международных компаний:

- ожидаемая реакция конкурентов;
- собственная деятельность фирмы;
- время, необходимое конкурентам для копирования преимущества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в меняющихся условиях нахождение перспективных факторов, предназначенных для активизации политической модернизации, является актуальной задачей как для предприятий, так и для государственного регулирования инновационной сферы. В связи с тем, что факторы могут как активизировать, так и отрицательно воздействовать на активность политической модернизации, основной проблематикой является выявление всех существующих экономических и правовых факторов, которые могут повлиять на развитие инноваций, а также на управление предприятием. Внедрение инноваций в управление может также стимулировать значительный экономический рост. Масштаб значимости, прежде всего, связан с влиянием результатов реализации проекта на хотя бы один

из внутренних (или внешних) финансовых рынков, а также рынков материальной продукции и услуг на экологическую и социальную обстановку в Казахстане.

Исходя из вышесказанного, для преодоления барьеров инновационного развития в Казахстане необходимо создание объектов инновационной инфраструктуры, которые позволяют взаимодействовать между собой участникам политической модернизации [7]. В настоящее время нововведения или инновации являются ключевыми факторами, определяющими перспективы развития хозяйствующих субъектов в рыночной экономике. Конкурентоспособность и эффективность деятельности различных предприятий как на внутреннем, так и на внешнем рынках зависит от уровня политической модернизации. Успешная реализация политической модернизации на предприятиях позволила многим из них занять лидирующие позиции на рынке.

В современных условиях роль стратегического поведения, которое позволяет хозяйствующим субъектам в Казахстане выживать в условиях конкурентной борьбы, сильно возросло. Таким образом, на современном этапе достаточно важным является организация такого управления на уровне государства, которое позволяло бы ему легко адаптироваться к быстро меняющимся условиям окружающей среды в мировом масштабе. На практике не существует универсальной для всех стран стратегии управления, так как процесс выработки стратегии для каждой уникален. Однако существует ряд основополагающих моментов, позволяющих говорить о некоторых обобщенных принципах организации подобного управления в рамках современного миропорядка.

Именно от нормального функционирования данной сферы в государственной экономике зависит благосостояние страны и общества в Казахстане. Предприни-

мательская среда не только содействует увеличению материального и социального потенциалов сообщества, но и формирует благосклонную почву для практической реализации возможностей и талантов каждого человека. На данном этапе развития экономики промышленная политика имеет установку на энергосырьевую специализацию, но при этом она не может быть приоритетным направлением развития, так как в долгосрочной перспективе ее реализация способствует консервации уровня жизни населения страны.

В настоящее время авторитарные режимы, похоже, сдают свои позиции в развивающемся мире. Однако уже тот факт, что в Казахстане процессы модернизации все еще далеки от завершения, предостерегает от поспешных суждений об «окончательной победе» демократии — тем более, что новые представительные институты зачастую достаточно шатки. Как достижения, так и просчеты модернизаторского авторитаризма представляют собой уроки, имеющие значение не только в пределах национально-государственных границ в Казахстане. Успехи и неудачи соответствующих руководителей дают серьезную пищу для размышления всем тем, чья деятельность связана с осмыслением процессов политической модернизации в современном мире, направлена на практическое содействие их продолжению и завершению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пименова А.Н. Теория социальных систем. Москва: Литера; 2018. 215 с.
2. Яковлев А.П. Политические процессы постсоветского пространства. Москва: Смарт; 2019. 75 с.
3. Амелина А.Н. Политическое будущее Казахстана. Москва: ПРИОР; 2017. 309 с.
4. Карпович О.Г. Глобальные проблемы и международные отношения. Москва: Юнити-Дана; 2014. 545 с.
5. Жильцов С.С. Политика России в Каспийском регионе. Москва: Аспект Пресс; 2016. 240 с.
6. Zhiltsov S.S. Political Development of Kazakhstan: Results and Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2019;20(4):62-69.
7. Zhiltsov S.S., Slizovsky D.E., Shulenina N.V., Markova E.A. Shaping national Identities in Central Asian Countries: Results, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(1):38-50

REFERENCES

1. Pimenova A.N. Social systems theory. Moscow: Litera; 2018. 215 p. (in Russ.)
2. Yakovlev A.P. Political processes in the post-soviet space. Moscow: Smart; 2019. 75 p. (in Russ.)
3. Amelina A.N. The political future of Kazakhstan. Moscow: PRIOR; 2017. 309 p. (in Russ.)
4. Karpovich O.G. Global issues and international relations. Moscow: Unity-Dana; 2014. 545 p. (in Russ.)
5. Zhiltsov S.S. Russia's policy in the Caspian region. Moscow: Aspect Press; 2016. 240 p. (in Russ.)
6. Zhiltsov S.S. Political Development of Kazakhstan: Results and Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2019;20(4):62-69.
7. Zhiltsov S.S., Slizovsky D.E., Shulenina N.V., Markova E.A. Shaping national Identities in Central Asian Countries: Results, Problems, Prospects. *Central Asia and the Caucasus*. 2018;19(1):38-50

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Г. Карпович, Доктор юридических наук, доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1;
iskran@yahoo.com

Oleg G. Karpovich, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b.1, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
iskran@yahoo.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Придунайский треугольник Румыния–Украина–Молдова: особенности межгосударственного сотрудничества

Драган Г. Даниела

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

dragan_dana90@yahoo.com

Аннотация: статья посвящена анализу дунайского направления внешней политики Румынии, Украины и Молдовы. Прослежена эволюция институционального формирования Дунайского региона. Выявлено, что Дунайская Комиссия — ключевая площадка для согласования политики отдельных стран. Одновременно определено, что межгосударственный диалог по дунайской проблематике реализуется и в рамках других форматов: посредством имплементации Стратегии ЕС для Дунайского региона, а также в рамках еврорегионов на приграничном уровне. В этой связи, уточнены основные области сотрудничества стран. Ключевыми из них являются: развитие транспортных, инфраструктурных и коммуникативных возможностей, экологическое и гуманитарное сотрудничество.

При определении особенностей межгосударственного взаимодействия в треугольнике Румыния-Украина-Молдова выявлены некоторые факторы, которые обусловили сдержанный характер сотрудничества. В первую очередь, комплекс проблем двустороннего уровня. Во-вторых, комплекс внешнеполитических и внутривнутриполитических условий.

В связи с этим автор обращает внимание на наличие некоторых рисков для стран региона. Проблемным представляется разрешение межгосударственных споров, в частности, исходя из «статусных» различий, а также риски стратегического характера, игнорирования которых, могут привести к транспортной изоляции.

Ключевые слова: Дунай, Дунайская Комиссия, регион, сотрудничество, Румыния, Украина, Молдова

Для цитирования: Драган Д.Г. Придунайский треугольник Румыния-Украина-Молдова: особенности межгосударственного сотрудничества. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):417-426. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-417-426>

Статья поступила 27.09.2019

Принята в печать 13.11.2019

Опубликована 02.12.2019

Danube Triangle: Romania-Ukraine-Moldova: Problems and Prospects of Interstate Cooperation

Daniela G. Dragan

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
dragan_dana90@yahoo.com

Abstract: this article analyses the foreign policy of Romania, Ukraine, and Moldova as well as the evolution of institutional establishment in the region of the Danube. Research shows that the Danube Commission is the main platform for policy coordination but at the same time the interstate dialogue on regional problems is maintained at other levels, by implementing the EU Strategy for the Danube Region and establishing Euroregions for cross-border cooperation. Considering this, it is necessary to specify the concrete spheres of cooperation between the countries: the development of transport, infrastructure, communication, as well as cooperation in environmental protection and the humanitarian field.

The article draws attention to certain factors that determine the moderate character of the relations between the countries of the Triangle “Romania–Ukraine–Moldova”. First and foremost the problems of bilateral cooperation, second — the existing external and internal conditions. In this regard, the author specifies certain risks that the countries of the region face. It is difficult to resolve disputes between the states because of their different statuses. It is also worth noting that ignoring strategic risks can also lead to transport isolation.

Keywords: Danube, Danube Commission, region, cooperation, Romania, Ukraine, Moldova

For citation: Dragan D.G. Danube Triangle: Romania–Ukraine–Moldova. Problems and Prospects of Interstate Cooperation. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):417-426. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-417-426>

Received 27.09.2019

Revised 13.11.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

Исследовательский интерес представляет выявление особенностей межгосударственного сотрудничества Румынии, Украины и Молдовы в бассейне Нижнего Дуная. Это обусловлено, во-первых, доминированием дискурса о конкуренции стран в регионе, во-вторых, в контексте современного кризиса взаимоотношений России и Запада, связанного, в том числе, с политикой США и ЕС на постсоветском пространстве.

ДУНАЙСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Дунай и придунайские территории с давних времен привлекали к себе повышенное внимание. Современный дунайский коридор объединяет 10, а вместе с каналами — 17 стран Центральной и Восточной Европы. Важность бассейна Нижнего Дуная заключается в его соединении с Черным морем. В своей дельте река разделяется на два

основных канала (рукава): Киликийский и Тульчинский. По Килийскому рукаву проходит участок государственной границы между Румынией, Украиной и Молдовой. Тульчинский рукав и его ответвления: восточный (Сулинский) и юго-восточный (Георгиевский) проходят по территории Румынии.

Парижским трактатом (1856 г.) Дунай был объявлен международным водным маршрутом [1]. Тогда же, статьей VII утверждалась Европейская Дунайская Комиссия (ЕДК), в состав которой вошли Австрия, Россия и целый ряд недунайских государств — Франция, Великобритания, Пруссия, Сардиния и Турция. В рамках дунайского сотрудничества, это был первый орган, призванный координировать работы, «нужные для очистки дунайских гирл, начиная от Исачки, и прилегающих к ним частей моря от песка и других загрязняющих их препятствий, чтобы это часть реки сделалась пригодным для судоходства» [2]. Важным направлением работ периода существования ЕДК стали дноуглубительные и защитные работы в Сулинском гирле. Что касается других каналов, исследования русловых процессов, к примеру, в Килийском рукаве не проводились ввиду исключительно трудных, по мнению авторов проектов, условий Килийской дельты. Существенным образом, как отметит русский исследователь дельты Дуная В. Руммель, «в отказе от улучшения Килийского рукава, первенствующую роль, однако, играли причины чисто политического характера» [3]. Таким образом, становится очевидным, что вопросы сотрудничества и соперничества, являющиеся актуальными сейчас, оставались такими же и в прошлые века.

С началом первой мировой войны ЕДК практически прекратил свою деятельность, а решение об окончании работ было принято к началу Второй мировой войны. По итогам войны существенным образом

изменилась сама система международного сотрудничества. На Дунае данный период ознаменовался формированием новой межправительственной организации, Дунайской Комиссии (ДК). Международно-правовой режим реки был определен Белградской Конвенцией (1948 г.), где впервые был применен принцип международного права, согласно которому судоходство на Дунае стало регулироваться лишь прибрежными государствами с их общего согласия. Основными целями ДК являлись обеспечение свободного судоходства на Дунае в соответствии с интересами и суверенными правами придунайских стран, а также укрепление между ними экономических и культурных связей.

Распад биполярного мира и образование новых независимых государств положил начало процессу пересмотра Белградской Конвенции, что было вызвано необходимостью приведения ее положений в соответствие с новыми реалиями. К числу проблем, которые рассматривались на сессиях, прошедших в 1993–1997 годах были вопросы сотрудничества в судоходстве и в других сферах. Основное внимание все же уделялось проблеме членства в ДК отдельных государств [2]. В соответствии с подписанным в 1998 г. дополнительным протоколом к Конвенции в качестве государств-участников определялись Австрия, Болгария, Венгрия, Германия, Молдова, Россия, Румыния, Словакия, Украина, Хорватия и Сербия. Россия осталась членом ДК на правах правопреемника Советского Союза. В настоящее время о своем желании стать членами Дунайской Комиссии заявили Франция, Турция и Европейский Союз. Решение данного вопроса, как отмечено на сайте Комиссии, откроет путь к завершению пересмотра Конвенции.

Таким образом, ДК являясь фактически координационным центром, регулирует

не только выполнение Конвенции о режиме судоходства на Дунае, но и всячески способствует развитию межгосударственных отношений в целях обеспечения безопасности и улучшения судоходных условий на реке. В фокусе внимания Комиссии остаются вопросы навигации, межбассейновых соединений, экологические проблемы, гидротехнические и гидрометеорологические вопросы. К основным целям в более широком плане относятся: решение проблем развития дунайского судоходства, его адаптации к современным реалиям; развитие «иных областей дунайского сотрудничества», под которыми подразумевается экономика, энергетика, экология, культура, образование, туризм и др.

В то же время, межгосударственное сотрудничество по проблематике Дуная осуществляется и в рамках других форматов. Например, на уровне Европейского союза при реализации Стратегии ЕС по развитию Дунайского региона. В соответствии с документом, взаимодействие стран осуществляется в сферах развития транспортной инфраструктуры, энергетики, туризма, качества воды, экологических рисков, научного сотрудничества, а также в сфере безопасности. Все эти направления объединены в четыре основных: объединение, экология, благополучие, укрепление [4]. Они представляют 11 приоритетных областей. По каждому направлению назначены страны-координаторы. На Нижнем Дунае Румыния регулирует четыре области: развитие внутреннего водного транспорта, туризм и развитие межличностных контактов, управление экологическими рисками, и вопросы безопасности, связанной с проблемами организованной преступности. Молдова регулирует область человеческих ресурсов и институционального обеспечения. Украина не представлена ни по одному направлению. Асимметричность участия является

одним из негативных факторов данного формата сотрудничества, поскольку несет некоторые риски. В первую очередь, это касается степени и возможности отстаивания собственных национальных интересов.

Межгосударственное сотрудничество реализуется, в том числе, и на приграничном уровне. По данным Ассоциации европейских приграничных регионов между дунайскими государствами установлены 6 форматов такого рода сотрудничества. В частности, странами Нижнего Дуная оно реализуется в рамках Еврорегиона «Нижний Дунай». Административно-территориальными единицами являются: Одесская область (Украина), уезды Брэила, Галац, Тульча (Румыния), районы Кагул и Кантемир (Молдова). В соответствии с Уставом Ассоциации, основные области направлены на поддержку устойчивого развития административно-территориальных единиц, путем расширения кооперации во всех сферах, представляющих общий интерес [5]. К ключевым областям относят развитие экономических и торговых отношений, обеспечение соответствующего уровня занятости, качества жизни, социальной защиты населения, транспорт, охрану окружающей среды, науку, борьбу с организованной преступностью.

Таким образом, страны имеют несколько площадок для обсуждения и согласования своих политик в целях развития и оптимального использования дунайского транспортного коридора. Соответственно уровень их кооперации зависит от взаимного интереса, обусловленного как экономическими, так и политическими факторами.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ РУМЫНИИ-УКРАИНЫ-МОЛДОВЫ

Трехсторонний формат сотрудничества стран Нижнего Дуная был заложен на сам-

мите в Измаиле (3-4 июля, 1997 г.) с подписанием Протокола о трехстороннем сотрудничестве между правительствами Румынии, Республики Молдова и Украины и Декларацией президентов Румынии, Республики Молдова и Украины о трехстороннем сотрудничестве. К тому времени, Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве (23 октября, 1992 г.) был подписан между Украиной и Молдовой, а также подписан базовый Договор о дружбе и сотрудничестве (2 июня, 1997 г.) между Румынией и Украиной. Что касается договорно-правовой базы сотрудничества Румынии и Молдовы, следует заметить, что базовый политический договор до сих пор не подписан [5].

Несмотря на то, что основы трехстороннего сотрудничества предполагали развитие непосредственных контактов для взаимовыгодного партнерства, динамика отношений стран треугольника характеризовалась, однако, сдержанностью. Это было связано с рядом факторов. В первую очередь, существенную роль сыграли проблемы на двустороннем уровне. Основные среди них: проблема границ, возникшая между Румынией и Украиной (остров Змеиный, а также заявления Румынии о необходимости пересмотра государственных границ с Украиной по реке Дунай), проблема урегулирования дунайского судоходного транзита (использование Украиной судоходного канала «Дунай — Черное море»), особенности политики в отношениях Украины и Молдовы по делимитации границ. На протяжении длительного времени отношения оставались довольно натянутыми из-за политики Бухареста в отношении национальных меньшинств, проживающих на территории Украины и Молдовы.

Во-вторых, на межгосударственный диалог оказывало воздействие и наличие «внешнего» фактора, который отразился, в том числе, и на внутривнутриполитических

процессах. Следует отметить, что страны расположены в зоне геополитической важности, как для России, так и для стран коллективного Запада. Соответственно геополитическая конкуренция определила уровень и направления сотрудничества стран. Однако однозначная внешнеполитическая ориентация характерна только для Румынии. Что касается Украины и Молдовы, то для них было характерно внешнеполитическое маневрирование. Эта особенность легла в основу «многовекторности» политики Украины и Молдовы, когда евроатлантические устремления развивались одновременно при сохранении торгово-экономической ориентацией на Россию. При выборе направления интеграции — европейская или евразийская — оценки общества разделялись исходя от предпочтений, которые страны в целом могли бы получить [7]. Исходя из этого, политические элиты использовали выбор вектора внешней политики, как важнейший ресурс, необходимый для приобретения и удержания внутривнутриполитической власти, в то же время выражение лояльности внешним игрокам давало им возможность для получения политического, финансово-экономического и иного рода поддержки [8]. На этом «поле» играли как Западные страны и Россия, так и Румыния.

После вступления Румынии в НАТО (2004 г.) и ЕС (2007 г.) её политическое влияние в регионе выросло. Межгосударственные противоречия «нивелировались» евроатлантической тематикой и фактором «российской угрозы», став, таким образом, константой. В практическом плане, первый этап активизации сотрудничества наметился на фоне обострения внутривнутриполитической ситуации на Украине после «цветной революции» в 2004 г., и протестными движениями в 2009 г. в Молдавии. Направленность политики Румынии заклю-

чалась в «оказании всемерной поддержки Украине (как и Молдавии) на долгом пути реформ, которые призваны приблизить их к стандартам этих двух сообществ» [9], продолжая в контексте судебного разбирательства по острову Змеиный, бывший министр иностранных дел Румынии Адриан Северин отметил: «от дружбы и поддержки Румынии Украина выиграет гораздо больше, чем от нескольких лишних квадратных километров континентального шельфа» [9]. Как отмечал российский эксперт Жильцов С.С., «курс на европейскую интеграцию предопределяет односторонние уступки со стороны Киева и Кишинева. Они не приблизили эти страны к членству в ЕС, но при этом уже значительно ослабили их позиции, в том числе и в отношениях с Бухарестом» [10].

Второй этап активизации политики протекал на фоне развития украинского кризиса (2014 г.) и обострения украинско-российских отношений. Знаковым стал одновременный визит в украинскую столицу в начале октября 2014 г. премьер-министра Румынии Виктора Понты и премьер-министра Республики Молдова Юрия Лянкэ. В рамках встречи было заявлено о «старте новой модели партнерства в регионе» [11]. Собственно, на официальном сайте Министерства иностранных дел Румынии Украина отнесена, наряду с Молдавией, Западными Балканами, и Черноморским регионом, к отделу «Соседство высокого интереса Румынии как страны ЕС». Намеченная смена акцентов во взаимном восприятии от стран, мало доверяющих друг другу к союзникам, не осталась незамеченной в публичном пространстве. Образ Румынии утратил символический статус наиболее вероятного потенциального противника на западном направлении в связи с возникновением источника «агрессивного поведения» на востоке. Не-

смотря на это, внутривнутриполитические процессы, частая смена глав правительств и министерств, конфликты внутри элит, растущие среди граждан протестные настроения перефокусировали вопросы регионального сотрудничества на регулирование внутренней политической ситуации [12]. Таким образом, достигнутая позитивная динамика в межгосударственном диалоге даёт политической элите стран основания заявлять о новом этапе сотрудничества, который основан на прагматичном подходе. Укладывается ли в этом понятии учет взаимных интересов, пока не ясно.

ПЕРСПЕКТИВЫ

В последнее десятилетие большое значение приобрело сотрудничество стран Нижнего Дуная. При этом политика государств обуславливает реализацию внешнеполитических и национальных задач по повышению собственной привлекательности и конкурентоспособности в регионе. Это приводит к пересечению национальных интересов. В рамках Дунайской Комиссии механизм разрешения межгосударственных споров предусматривает строгий алгоритм действий, который определен Конвенцией. Таким образом, при возникновении межгосударственных разногласий формируется «согласительная комиссия, состоящая из одного представителя от каждой стороны спора и по одному представителю, назначенному председателем Дунайской комиссии из числа граждан государства, не являющегося стороной в споре» [13]. В реализации Стратегии ЕС для Дунайского региона такого механизма нет. Документом предусмотрены только консультативные методы согласования политик. Таким образом, инструментарии по защите национальных интересов Украины и Молдовы представляются ограниченными. В то же время, проблемным видится координация

политик стран Нижнего Дуная по таким важным направлениям как развитие транспортных, инфраструктурных и коммуникативных возможностей, экология и гуманитарное сотрудничество.

В Стратегии ЕС применен принцип «трех нет» (без новых фондов, без новых учреждений и без новых правил), привлечение инвестиций для развития транспортной инфраструктуры станет в дунайской политике одной из основных. Румыния в этом контексте представляется более привлекательной исходя из ее статуса государства-члена ЕС. Ограниченный доступ к финансовым инструментам (привлечение фондов) для стран не-членов соответственно вносит определённые трудности. Экологическое направление представляется тем же проблемным «полем», из-за строительства украинского канала «Дунай — Черное море» (г. Быстрое) и дальнейшей политикой Румынии по его блокировке. Это указывает на то, что существует вероятность применения инструментария экологических рисков для стагнации политики соседнего государства, идущая в противовес собственным интересам. Гуманитарное сотрудничество предполагает создание Дунайского исследовательского пространства, в рамках которого будут выделены области изучения, представляющие особую актуальность для региона. В учебных планах университетов предлагается усилить направления, которые имеют особую значимость для Дунайского региона [14]. Страны в научно-инновационной сфере очень дифференцированы. Румыния активнее развивает сотрудничество со странами ЕС, будучи инкорпорированной в европейские программы по развитию предусмотренные проектом «Европа 2020». Учитывая тенденцию к эмиграции и «утечке мозгов» на Украине и в Молдавии, количество ученых остановилось на уровне значитель-

но ниже уровня Румынии. Таким образом, перспектива «выравнивания» возможностей для стран региона предложенной Стратегией ЕС должна исправить такое положение, однако различные «статусные» положения стран ставят под сомнение эту возможность.

В то же время, существуют риски стратегического характера. Основные порты на Нижнем Дунае (Браила, Галац, Джурджулешть, Рени и Измаил) находятся недалеко друг от друга, и выступают чаще всего в соперничество за привлечение грузопотоков. Таким образом, применяются меры по снижению портовых сборов, по разным оценкам тарифы в украинские порты на 2-3 раза выше румынских, а в молдавском порте Джурджулешть действует свободная экономическая зона. В то же время дифференцированы и транспортные возможности: Браила и Галац соединены с остальной частью Румынии, Рени и Измаил в настоящее время остаются географически дистанцированными от больших промышленных центров, населенных пунктов и коммерческих маршрутов Украины и слабо связаны автомобильными и железными дорогами с основной сетью [15], более того, единственное железнодорожное сообщение с Рени проходит через Молдову и это ставит порт в зависимость от тарифной политики Молдавской железной дороги. В 2019 г. была введена в эксплуатацию паромная переправа между Украиной и Румынией. Пока это единственный объект, соединяющий государства по Дунаю. Джурджулешть, в свою очередь, имеет железнодорожное и несколько автомобильных сообщений с Кишиневом и автомобильное и железнодорожное сообщение с Румынией по двум мостам через реку Прут. Таким образом, ещё одним вызовом для придунайских стран, помимо неравных возможностей является и слабо развитый транспортно-транзитный по-

тенциал. Это акцентирует необходимость выработки программ и стратегии по модернизации и интеграции национальных транспортных систем. На государственном уровне пока не разработаны внешнеполитические документы, призванные регулировать дунайское направление политики. Выработаны только отраслевые документы профильных министерств, которых недостаточно. Таким образом, все эти факторы указывают, что в перспективе положение стран если не усугубится, то точно закрепится разрыв между их потенциалом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дунайский регион многообразен, как по количеству субъектов, так и по количеству интересов. Дунайская Комиссия, в этой связи, представляется хорошей платформой для деятельности по многим направлениям. В то же время, с учетом того, что преобладающее большинство дунайских стран интегрированы в Европейский Союз, разработанная ими макрорегиональная стратегия отражает взросший интерес интеграционного объединения к развитию региона, потенциал которого в нынешних условиях осваивается только частично.

Формат трехстороннего сотрудничества стран Нижнего Дуная насчитывает чуть более 20 лет. Однако динамика отношений характеризуется сдержанностью. Существенное влияние на развитие межгосударственного диалога оказали не только проблемы двусторонних отношений, но и контекст внутривнутриполитических и внешнеполитических процессов. Длительный период страны рассматривали политику друг друга как «недружественную», а попытки сближения связывались с евроатлантическим вектором внешней политики.

В этой связи, выявление перспектив регионального сотрудничества стран Нижнего Дуная позволило определить наличие некоторых рисков. В первую очередь, «статусные» различия государств обращают внимание на их разные возможности — это и привлечение финансовых фондов и защита национальных интересов. Одновременно с этим, при игнорировании модернизирующих программ существует риск перенаправления грузопотоков, обуславливая, таким образом, логистическую изоляцию. Собственно, эффективным методом представляется введение согласованной политики, которая пока не наблюдается.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дунайская Комиссия и дунайское судоходство. Будапешт: Дунайская Комиссия; 2014. С. 12–28.
2. Материалы для описания русских коммерческих портов и истории их сооружения. Вып. XXV, Килийское устье реки Дуная. Результаты изысканий, произведенных в 1894-1895 гг. Составил В. Руммель. С-Петербург: Министерство путей сообщения; 1898. С. 75
3. Юрасова Л.А. Европейская стратегия развития Дунайского региона: проблемы и перспективы. *Проблемы национальной стратегии*. 2013;4;36.
4. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Геополитическое казино Причерноморья. Москва: Восток-Запад; 2009. С. 151.
5. Жильцов С. С. Нестабильный треугольник. *Независимая газета*. 2011. 28 марта.
6. Если мы будем вместе, то станем сильнее: Порошенко принял премьеров Румынии и Молдавии. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1853385.html> (дата обращения 08.02.2019)
7. Конвенция о режиме судоходства на Дунае. Дунайская Комиссия. URL: <https://www.danubecommission.org/dc/en/danube->

- [commission/convention-regarding-the-regime-of-navigation-on-the-danube/](#) (дата обращения 25.01.2019)
8. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - European Union Strategy for the Danube Region, (COM(2010) 715 final). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RO/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010DC0715&from=EN> (дата обращения 27.01.2019)
9. Беликова Ю.В., Бовдунов А.Л. Молдавия – Румыния: перспективы сближения. *Проблемы национальной стратегии*. 2011;2:70.
10. Внешняя политика новых независимых государств. Москва: ИЭ РАН; 2015. С. 64-76.
11. Гриневецкий С.Р., Жильцов С.С., Зонн И.С. Дунайская энциклопедия. Москва: Междуна-
- родные отношения; 2009. Том 1. С. 207–208.
12. Дунайская стратегия ЕС: шанс для Украины. URL: <http://viknaodessa.od.ua/news/?news=80741> (дата обращения 18.02.2019)
13. Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Москва: ИМЭМО РАН; 2018. С. 17-19.
14. Шуმიцкая Е.В. Болгария и Румыния: 10 лет в ЕС. Москва: ИМЭМО РАН; 2018. С. 83.
15. Statutul Asociației pentru Coopera Transfrontalieră “Euroregiunea Dunărea De Jos”// Asociației pentru Coopera Transfrontalieră “Euroregiunea Dunărea De Jos” URL: <http://actedj.ro/statut/> (дата обращения: 27.01.2019).

REFERENCES

1. Danube Commission and Danube navigation. Budapest: Danube Commission; 2014. 12–28 p. (in Russ.)
2. Materials for the description of Russian commercial ports and the history of their construction. Edition XXV, Kiliysky branch of the Danube River. The results of a research conducted in 1894-1895. V. Rummel. Saint Petersburg: Ministry of Railways; 1898. URL: <http://gpntb.dlibrary.org/ru/nodes/2222-rummel-v-yu-materialy-dlya-opisaniya-russkih-portov-i-istorii-ih-sooruzheniya-komis-po-ustroystvu-kommer-portov-vyp-25-kiliyskoe-ustie-reki-dunaya-spb-1898> [Accessed: 18.01.2019] (in Russ.)
3. Yurasova L.A. European strategy for the development of the Danube Region: problems and prospects. *National Strategy Issues*. 2013;4:36. (in Russ.)
4. Grinevetsky S.R., Zhiltsov S.S., Zonn I.S. Geopolitical Casino in the Greater Black Sea Area. Moscow: East-West; 2009. 151 p. (in Russ.)
5. Zhiltsov S.S., Unstable triangle. *The independent newspaper*, 2011. 28 march (in Russ.)
6. If we are together, we will become stronger»: Poroshenko received the Prime Ministers of Romania and Moldova. URL: <https://regnum.ru/news/polit/1853385.html> [Accessed: 08.02.2019] (in Russ.)
7. Convention regarding the regime of navigation on the Danube. Danube Commission. URL: <https://www.danubecommission.org/dc/en/danube-commission/convention-regarding-the-regime-of-navigation-on-the-danube/> [Accessed: 25.01.2019] (in Russ.)
8. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions - European Union Strategy for the Danube Region, (COM(2010) 715 final). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/RO/TXT/PDF/?uri=CELEX:52010DC0715&from=EN> [Accessed: 27.01.2019]

9. Belikova Y.V., Bovdunov A.L. Moldova – Romania: Prospects for Rapprochement. *National Strategy Issues*. 2011;2:70. (In Russ.)
10. Foreign policy of the new independent states. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences; 2015. 64-76 p. (in Russ.)
11. Grinevetsky S.R., Zonn I.S., Zhiltsov S.S. The Encyclopaedia of the Danube. Moscow: International Relations; 2009, Volume 1. 207–208 p. (In Russ.)
12. European Union Strategy for the Danube Region: chance for Ukraine. URL: <http://viknaodessa.od.ua/news/?news=80741> [Accessed: 18.02.2019]
13. Post-Soviet Area: the role of external factors. Collection of articles. Moscow: IMEMO; 2018. 17-19 p. (in Russ.)
14. Shumitskaya E.V. Bulgaria and Romania: 10 years in the EU. Moscow: IMEMO; 2018. 83 p. (in Russ.)
15. Charter of the Association for Cross-border Cooperation “The Lower Danube Euroregion” // Association of Cross-border Cooperation “The Lower Danube Euroregion”. URL: <http://actedj.ro/statut/> [Accessed: 27.01.2019] (In Ro.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Драган Г. Даниела, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1;
dragan_dana90@yahoo.com

Daniela G. Dragan, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostogenka str., Moscow, Russia, 119992;
dragan_dana90@yahoo.com

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Каспий или Арктика: вот в чем вопрос...

София Ю. Черницына

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

sophis@mail.ru

Аннотация: В статье сравниваются проблемы двух стратегически важных для России регионов Каспийского и Арктического. Несмотря на значительные географические и климатические различия, геополитическая ситуация в регионах схожая, так как происходящие в них процессы позволяют нам наблюдать схожесть тенденций развития международных отношений. Существуют практически одинаковые риски при разработке и эксплуатации этих регионов. Особое внимание уделяется вопросу экологии, в условиях активной добычи нефти и газа. Остро поставлен вопрос, касающийся инструментов регулирования межгосударственных отношений. Международная кооперация необходима при решении ключевых вопросов в регионах, таких как улучшение социально-экономических условий, распределение энергоресурсов и установление границ. В частности, необходимо определить нормативно-правовую базу, которая бы отвечала бы новым реалиям в Арктике. Что касается международно-правового статуса Каспия, то он был урегулирован принятием Конвенции по итогам саммита в 2018 году. Основным отличием является то, что Каспийский регион подвергся антропогенному фактору значительно раньше. Уроки, вынесенные из работы в Каспийском регионе, могут быть использованы в Арктическом регионе, что может позволить снизить некоторые риски, связанные с взаимодействием прибрежных стран.

Ключевые слова: Каспийский регион, Арктика, международно-правовой статус, Каспийские страны, Арктические страны, региональные государства

Для цитирования: Черницына С.Ю. Каспий или Арктика: вот в чем вопрос.... *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):427-437. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-427-437>

Статья поступила 17.10.2019
Принята в печать 03.11.2019
Опубликована 02.12.2019

Caspian or Arctic region: that is the question...

Sofiya Y. Chernitsyna

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

sophis@mail.ru

Abstract: The article compares the problems of two strategically important regions for Russia — the Caspian region and the Arctic region. Despite the fact that there are some significant geographical and climate differences, the geopolitical situation in the regions is similar. There are almost identical risks in the development of these regions. Special attention is paid to the issue of ecology in the conditions of active oil and gas production. The question concerning the instruments of regulation of interstate relations is sharply raised. International cooperation is essential in addressing key issues in the regions, such as improving socio-economic conditions, energy distribution and border management. In particular, it is necessary to define a regulatory framework that would meet the new realities in the Arctic. As for the international legal status of the Caspian sea, it was settled by the adoption of the Convention following the summit in 2018. The main difference is that the Caspian region was exposed to the anthropogenic factor much earlier. The lessons learned from the work in the Caspian region can be used in the Arctic region, which can reduce some of the risks associated with the interaction of coastal countries.

Keywords: Caspian region, Arctic, international legal status, Caspian states, Arctic states, regional states

For citation: Chernitsyna S.Y. Caspian or Arctic region: that is the question.... *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):427-437. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-427-437>

Received 17.10.2019

Revised 03.11.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

На первый взгляд, Каспийский и Арктический регионы кажутся совершенно разными, не имеющими ничего общего между собой. Географические, геофизические, климатические особенности этих двух регионов сильно отличаются друг от друга. Однако они имеют общие черты, позволяющие сравнить, проанализировать и вывести общие закономерности развития Каспия и Арктики.

КАСПИЙ

В первую очередь следует обратиться к международному сотрудничеству в прибрежных странах. Во-первых, оба региона должны «подчиняться» нормам международного права, во-вторых, региональным государствам приходится работать над созданием собственного уникального механизма развития региона в целом и каждой из прибрежных стран, в частности. При этом обязательным условием является

сохранение региона, с точки зрения единства природного комплекса, а также недопущение экологических катастроф, с целью обеспечения социальной и экономической безопасности для регионального населения.

Каспийский регион отличается сложной геополитической ситуацией. До распада СССР отношения в регионе строились на взаимодействии только двух стран (СССР и Ирана), а после распада Советского Союза образовалось пять прибрежных государств (Азербайджан, Иран, Казахстан, Россия, Туркменистан).

Прикаспийские страны на протяжении нескольких десятилетий не могли прийти к соглашению о том, по какому принципу «делить» водоем. Ситуация осложнялась и тем фактом, что географически было сложно определить к какому типу водоемов относится Каспий: к морю или озеру. Историческая традиция, в соответствии с которой Каспий называют морем, не могла быть основанием для решения международно-правовых вопросов.

Основным принципом отнесения водоема в ту или иную категорию, согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 года [1] является характер его сообщения с мировым океаном. Этот принцип гласит, что к открытому морю относятся те водоемы, которые имеют непосредственное сообщение с Мировым океаном, к полужамкнутому морю относят водоемы, которые имеют сообщение с мировым океаном через другие моря, для того чтобы получить статус замкнутого моря необходимо иметь сообщения с мировым океаном в виде узких проходов. Каспийское море не имеет ни одной из вышеперечисленных характеристик, в связи с чем можно сделать вывод, что Каспий относится к категории озера [2].

Именно неопределенность международно-правового статуса на протяжении многих десятилетий являлась камнем прет-

кновения в развитии отношений прибрежных государств. Все прикаспийские страны стремились улучшить свое финансовое благосостояние за счет разработки месторождений, однако не у всех было достаточно возможностей и ресурсов для развития этого сектора экономики. Как известно добыча углеводородов это не только прибыльное, но и весьма затратное предприятие. В связи с этим прикаспийские страны старались привлечь на свои территории как можно больше иностранных инвестиций. Внерегиональные страны инвестировали в регион и в разработку месторождений не только с целью получения прибыли после запуска добычи, но и с целью получения свободного доступа в регион. Угроза появления в регионе внерегиональных государств, заинтересованных не только в получении прибыли от продажи энергетического сырья, но и получения рычагов влияния в регионе не устраивало Россию и Иран, которые опасались потерять доминирующие позиции в регионе.

Таким образом, огромный регион с уникальным водоемом, населением более 240 млн человек, значительными запасами энергетического сырья и биоресурсов, оказался в фокусе внимания мировых государств.

Каспийский регион, располагаясь на перекрестке между Европой, Азией и Ближним Востоком, стал стратегически важным для каждого из прибрежных государств. Залежи энергоресурсов привели к обострению ситуации в регионе. Каждая из прибрежных стран старалась выиграть для себя больше и за счет добычи и экспорта углеводородов укрепить и стабилизировать свою экономическую ситуацию. Усугублялась обстановка в регионе повышенным интересом к ресурсам Каспийского моря со стороны внерегиональных государств, которые стремились укрепить свое экономическое,

политическое и военное влияние на территориях Прикаспийских стран.

Ситуация изменилась после подписания каспийскими странами 12 августа 2018 года Конвенции о правовом статусе Каспийского моря. Согласно данной Конвенции, Каспий был признан морем. Толща воды осталась в общем пользовании, дно и недра водоема должны быть разделены между прибрежными государствами на участки, согласно принципам международного права.

В документе прописаны и нормы взаимодействия в области судоходства, рыболовства, научно-исследовательской деятельности, прокладки магистральных трубопроводов. При прокладке трубопроводов необходимо получить согласие только той стороны, через чей сектор будет пролегать трубопровод [3]. Конвенция предусматривает недопущение внерегиональных государств в воды Каспийского моря и размещения их вооруженных сил там. Все пять прикаспийских государств признаются ответственными за поддержание мира, стабильности и безопасности на море, а также получают исключительные права управления каспийскими ресурсами [4].

АРКТИЧЕСКИЙ РЕГИОН

В Арктическом регионе наблюдается схожая ситуация. Регион включает в себя территории пяти государств: Дании, Канады, Норвегии, России и США. Регион уникален не только своими природными и климатическими особенностями, на территории этого региона живут люди самых различных этносов, малые народы Севера, со своим бытом, укладом, традициями и обычаями. К тому же Арктический регион считается одним из самых богатых на ресурсы и одновременно, малоизученных, с точки зрения разведки и добычи энергоресурсов.

Положение Арктического региона осложняется неурегулированностью его

международно-правового статуса. Основа для решения спорных вопросов, которые могут возникнуть в регионе была заложена еще в 2008 году, в ходе первой Конференции по Северному Ледовитому океану, которая состоялась в Гренландии. Повестка дня включала в себя вопросы экологического регулирования, разведку, разработку и добычу полезных ископаемых, в первую очередь, углеводородного сырья и безопасность судоходства. По результатам Конференции всеми пятью прибрежными арктическими странами была подписана Илулиссатская декларация, в которой стороны приняли решение регулировать деятельность стран на территории океана, используя положения уже существующей Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, а не создавать новый международно-правовой документ, регулирующий взаимоотношения прибрежных государств.

Ситуация осложняется несколькими факторами: 1. Конвенция ООН по морскому праву 1982 года была принята в отношении Индийского, Тихого и Атлантического океанов и не учитывает исторические, климатические, геополитические особенности конкретно региона Северного Ледовитого океана. 2. США, как одно из региональных государств, отказались присоединиться к Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Они не только не ратифицировали документ, но и не подписали его, таким образом, оставив за собой право беспрепятственно передвигаться по северным водам, основываясь только на принципах своей внутренней военной доктрины [5]. Всестороннее присутствие вооруженных сил США направлено не столько на обеспечение безопасности в регионе, сколько на поддержание мирового лидерства государства.

Россия не намерена уступать своих позиций в регионе. Принятые международные документы согласуются с внутренним

законодательством. Среди приоритетных задач — продуктивное взаимодействие с региональными государствами в целях определения границ морских пространств. На данном этапе эта задача реализуется в двусторонних соглашениях и других нормативных документах. Так, в 2010 Россия и Норвегия подписали договор о разграничении морского пространства Баренцева моря. Этот документ не затронул спорный вопрос острова Шпицберген, что не позволяет полноценно вести в данном районе рыбный промысел и хозяйственную деятельность. Стороны смогли договориться лишь о том, чтобы назвать эту территорию «серой» и проводить ежегодные встречи для определения квот вылова рыбы для каждой из сторон.

Спорными остаются и территории, которые проходят по разграничительной линии Шеварднадзе — Бейкера. В 1990 году между Россией и США было заключено невыгодное для России Соглашение, которое до сих пор не ратифицировано российской стороной. Согласно этому документу США получили в свое пользование территории традиционного для России рыбного промысла.

Еще одним сложным моментом являются попытки России расширить свои территории в Арктике. Их было две: первая в 2001 году, когда страна подала в Комиссию ООН заявку о включении в северные границы государства подводных хребтов Ломоносова и Менделеева. Тогда Комиссия ООН рекомендовала провести дополнительные исследования и научно обосновать притязания страны на эти территории. Вторая попытка была в 2015 году, Россия собрала огромное количество информации, подтверждающей российскую позицию. В апреле 2019 года Подкомиссия ООН подтвердила принадлежность территорий России, однако ожидаются вторая и третья

сессии, в рамках которых должно быть принято окончательное решение [6].

ОБЩИЕ ВЫВОДЫ

Итак, отметим основные общие черты двух регионов. Во-первых, это большой единый природный сектор; во-вторых, неопределенность правового статуса, в случае с Каспием правовой статус определился совсем недавно; в-третьих, огромные прогнозируемые запасы углеводородного сырья; в-четвертых, взаимозависимость прибрежных государств, необходимость поиска путей взаимодействия, так как регионы являются не только перекрестком транзитных маршрутов, но и сосредоточением малочисленных народов, культуру и самобытность которых необходимо сохранить.

Ситуация обостряется тем, что помимо сохранения самобытности народов, населяющих регион, обеспечения экологической безопасности, региональные страны вынуждены формировать и внедрять политику международного сотрудничества, так как интерес к региону выходит далеко за рамки региональных стран, в том числе с территориальной точки зрения.

Пять арктических государств, омываемых Северным Ледовитым океаном, как и пять каспийских государств, омываемых Каспийским морем, имеют общее водное пространство, которое с одной стороны объединяет усилия прибрежных государств по сохранению флоры и фауны региона, и недопущению экологических проблем, а с другой стороны — является источником постоянных споров и конфликтов. Оба водоема отличаются значительными запасами углеводородного сырья, разработка и добыча которых может не только улучшить экономическое положение прибрежных государств, но и изменить баланс сил в мире.

Предполагаемые запасы нефтяного сырья в Арктике составляют около 90 млрд баррелей, газа — более 46 трлн м³, и газового конденсата около 45 млрд баррелей. Когда речь идет о Каспийском бассейне, то его запасы оцениваются почти в 40 млрд т нефти и 10 трлн м³ газа.

Нефтяные и газовые запасы — это не единственные богатства, представленные в водоемах. Считается, что в Арктике сосредоточены около трети всех ресурсов планеты, в том числе биоресурсы (уникальные виды рыб, водоросли, беспозвоночные и млекопитающие). На Каспии же сосредоточены месторождения химического сырья (каменная соль, калийная соль, мирабилит, эпсомит, сера и т.д.), а также рыбные ресурсы, стоит отметить, что рыбный промысел широко распространен в регионе и исчисляется миллиардами долларов США (осетровые, черная икра). Редчайшим представителем животного мира в регионе является каспийский тюлень, поголовье которого стремительно сокращается в связи с ухудшением экологической ситуации в регионе.

Экологические проблемы Каспия признаются всеми прибрежными государствами, однако достаточное количество мер не предпринимаются, а те, которые приняты не исполняются и ведут к загрязнению Каспия и катастрофическому сокращению его ресурсов.

Если рассматривать географические и геополитические сходства двух регионов, то стоит отметить, что оба водоема, вокруг которых находятся территории пяти государств представляют собой новые транспортные коридоры. Они потенциально могут быть использованы не только для транспортировки грузов, но и для налаживания международных связей между различными структурами, бизнесом, которые заинтересованы в ведении совместных

проектов и осуществлении совместных планов и идей.

Северный Ледовитый океан, в частности, находится на перекрестке наиболее развитых экономически регионов мира и может стать уникальным коммуникационным пространством. В настоящее время сложно говорить о полноценном использовании океана как транспортного пути, так как передвижение по водной поверхности затруднено длительным ледоставом. Однако ситуацию может изменить глобальное потепление, и тогда Северный морской путь будет доступен для передвижения круглый год. Такая возможность может изменить транспортные потоки в мире: сократятся транзитные европейские и азиатские коридоры и многократно возрастет значение Северного морского пути. Пока этот маршрут не пользуется популярностью, так как страховые компании не готовы рисковать: ледокольные транспортный флот устарел, а российские северные порты требуют серьезной модернизации. В ситуации износа транспортных мощностей России звучат призывы к интернационализации Северного морского пути. Сторонники интернационализации настаивают, что транспортный коридор общемирового значения не может принадлежать одной стране [7].

Схожая ситуация наблюдается и в отношении Северо-Западного прохода, который принадлежит Канаде. Однако США, как и в ситуации с российским Северным морским путем, пытаются настоять на интернационализации этого пути, ссылаясь на то, что транспортные артерии мирового значения не могут находиться в одних руках. Случае если в результате глобального потепления Северо-Западный проход сможет стать судоходным, Канада по всей видимости будет вынуждена обратиться за помощью к своим союзникам, таким как США, с тем, чтобы обустроить и управ-

лять проходом совместно, так как вряд ли сможет финансово самостоятельно освоить этот транспортный коридор [8].

Каспийский регион также расположен на перекрестке транспортных путей. Каспий является одним из наиболее привлекательных транспортных коридоров мировой системы. Именно эта привлекательность стала наиболее значимой для внерегиональных стран, которые хотят добиться доступа к водоему. В 1993 году, к примеру, Европейский Союз выступил с инициативой проекта евроазиатской магистрали TRACERA (Transport Corridor «Europe — Caucasus — Asia»), который должен был проходить через Каспийское море и соединить Европу и Центральную Азию через Кавказ [9].

В 2000 году был предложен проект международного транспортного коридора «Север—Юг», с целью привлечения грузовых потоков из Ирана и Индии через Каспийское море в Россию, а затем в Европу. Каспийский регион становится все более интересным не только для региональных, но и для внерегиональных государств.

Стратегический интерес к Арктическому и Каспийскому региону, выходящий за пределы прибрежных государств может обострить геополитическую ситуацию в регионах, привести к конфликтам. В связи с ухудшающейся ситуацией, связанной с доступом к новым месторождениям углеводородных ресурсов, нефть и газ Каспийского моря являются привлекательными. Соперничество стран мирового сообщества за возможность участвовать в разработке и транспортировке энергетического сырья не прекращается. Каждое из прибрежных государств старается привлечь иностранные инвестиции, рассчитывая таким образом, получить международную поддержку [10]. Получая доступ в регион, посредством внедрения туда своих национальных компаний, внерегиональные государства полу-

чают возможность влиять на добычу углеводородных ресурсов [11].

Получения доступа к разработке и транспортировке энергоносителей позволяет внешним игрокам оказывать влияние на политику региональных государств и усиливать свое геополитическое присутствие.

Для России Каспийский регион имеет стратегическое значение не только с точки зрения экономических выгод, но и с точки зрения обеспечения национальной безопасности южных границ страны. В связи с этим Россия стремится соблюдать баланс сил в регионе, укреплять свое экономическое, политическое и военное влияние на Каспии и не допустить приближения внерегиональных игроков к своим границам.

Арктический регион также имеет стратегически важное значение для региональных государств. Но интерес к региону проявляют и нерегинальные игроки, которые хотят принимать участие в разработке и транспортировке углеводородов региона. Пять приарктических государств не могут эффективно вести диалог, так как существует ряд нерешенных проблем, связанных с отсутствием четких, документально установленных внешних границ региона. Внерегиональные государства отстаивают тезис о необходимости интернационализации Арктики, что негативно воспринимается в приарктических государствах [12].

В сложившихся условиях необходимо внедрять новые технологии разработки месторождений и добычи ресурсов, что может быть реализовано только при условии взаимного сотрудничества и доверия между региональными странами. Основным документом, регулирующим взаимоотношения между арктическими странами, является Илулиссатской декларацией [13] 2008 года и Договор между Королевством Норвегии и Российской Федерацией [14] 2010–2011 годов. Данный договор доказал, что прин-

ципы взаимовыгодного сотрудничества могут способствовать мирному решению спорных вопросов [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, если региональными государствами Арктики и Каспия будут решаться возникающие споры с учетом соблюдения взаимовыгодных интересов, то можно гарантировать успешное и плодотворное сотрудничество и развитие регионов.

Сложность следования этим принципам заключается в том, что, к примеру, в Арктическом регионе, четыре из пяти прибрежных государств являются странами НАТО, то есть происходит не просто столкновение интересов пяти независимых государств, а происходит столкновение интересов России и всего военно-политического блока. Страны-члены НАТО открыто признают свои военные интересы в Арктике. Страны Северо-Атлантического альянса активно размещают в регионе баллистические ракеты и усиливают милитаризацию региона в целом. Россия не поддерживает расширение военных баз в Арктике, главным интересом России является использование региона в качестве ресурсной базы, сохранения его как зоны сотрудничества и мира.

Однако борьба за углеводородные месторождения способствует наращиванию военной мощи государств. Этот способ используется и в Каспийском регионе, где прикаспийские страны заинтересованы в использовании военного давления с целью получения собственных выгод и укрепления своих национальных интересов.

Военно-политическое участие России на Каспии ограничивается необходимостью не допустить внерегиональные государства в акваторию Каспийского моря, так как любое появление внерегиональных государств в водах Каспия может стать угрозой национальной безопасности страны.

Процесс милитаризации Каспийского моря происходит не только из-за необходимости защитить собственные нефтяные компании, работающие в регионе, но и как возможность привлечь внимание к проблеме участия внерегиональных стран в реализации военных программ, оснащения военно-морских баз прикаспийских государств силами США.

Военно-политическое противостояние, превознесение национальных интересов над интересами общей безопасности не позволяют вовремя реагировать на экологические проблемы, которые имеются в регионах.

Основная проблема заключается в том, что, с одной стороны, запасы углеводородных ресурсов, расположенные в Арктике и Каспийском море, обещают прибрежным государствам огромную прибыль и экономическое развитие, а с другой — из-за загрязнения и неаккуратного отношения к этим самым «кладовым» постепенно утрачивается экологическая функция водоемов. Так, Каспийское море, является не только замкнутым бессточным водоемом, с уникальной флорой и фауной, но и выполняет регулирующую функцию, оказывая положительное влияние на климат Северного Кавказа и Центральной Азии, совокупная площадь которых составляет около 6 млн км² [16].

Арктика тоже выполняет функцию «климат-контроля», управляя воздушными потоками и поддерживая тепловой баланс нашей планеты. Основной проблемой для сохранения Арктики можно считать глобальное потепление, которое ведет к таянию ледников и сокращению площади вечной мерзлоты, в связи с чем ослабевают климатические функции региона и нарушается глобальное экологическое равновесие.

Арктический и Каспийский регионы очень «болезненно» переживают усиление темпов роста топливно-энергетиче-

ской отрасли. Проблема заключается в том, что действия человека разрушают экосистемы, происходит изменение геохимического фона почв, снижение растительного покрова, попадание вредных веществ в воду, что ведет к повышенной заболеваемости населения.

Для Каспия глобальной проблемой является нефть, попадание нефти и нефтяных отходов в воду ведет к гибели морских млекопитающих и рыбы [17], в результате расширения площадей разработки углеводородных месторождений добывающие компании берут под свой контроль все большее количество угодий, предназначенных для охоты, ведения традиционного хозяйства для малочисленных народов, проживающих на этих территориях. Таким образом, не только уничтожается биоразнообразие, но и разрушаются уникальные природные системы, вместе с тра-

дициями малых народов уходят и навыки устойчивого управления природными ресурсами. Под угрозой вымирания находятся не только флора и фауна регионов, под угрозой вымирания находятся некоторые народы с их собственной культурой, традициями, обычаями. Люди, которые не успевают приспособиться под стремительно меняющиеся условия, созданные другими людьми.

Для того чтобы сохранить ресурсы, которые остались необходимо кардинально изменить потребительское отношение к регионам, провести детальный анализ ситуации и предложить меры по защите природы и коренного населения. Стабильное развитие может быть обеспечено не только с помощью ресурсов, а в первую очередь с помощью новых технологий, которые помогут развиваться, сохраняя бесценные природные ресурсы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чернявский Е.Б. Что есть Каспий и как его поделить? *Природа*. 2007;1:23-31.
2. Статус Каспия: море или озеро? URL: <http://caspiy.net/dir3/sol/sol3.html> (дата обращения: 12.10.2019)
3. Судьбоносная вежа в истории Каспия — из досье дипломата. URL: https://slovakia.mid.ru/v-dos-e-diplomata/-/asset_publisher/9eKlIfPSgood/content/sud-bonosnaa-veha-v-istorii-kaspia?inheritRedirect=false (дата обращения: 12.09.2019)
4. Конвенция о правовом статусе Каспийского моря. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> (дата обращения: 23.09.2019)
5. Анненков В.И., Аникин В.И., Бумагина Е.Л., Валиева З.Э., Волохов В.И., Грановская М.А., Дмитриева И.А., Иванов О.П., Кобышев В.Н., Ксенофонов В.Н., Кукарцева М.А., Колосова И.В., Лукин А.В., Манойло А.В., Мозель Т.Н., Неймарк М.А., Петрова Т.П., Рудницкий А.Ю., Рыхтик М.И., Сергунин А.А., Смирнов Г.Н., Соловьев Е.Г., Сурма И.В., Трифонова И.А. XXI век: перекрестки мировой политики. Москва; Канон+; 2014. 424 с.
6. Подкомиссия ООН подтвердила принадлежность территорий по заявке России на шельф Арктике. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6290153> (дата обращения: 12.10.2019)
7. Солдаткин Е.И. Новая американская стратегия освоения Арктики. *Наука, экономика, промышленность (НЭП) — XXI*. 2006;2:49-54.
8. Сысуев Ю., Знахуренко Э. национальная морская политика на Арктическом региональном направлении в сфере военной безопасности. *Морской сборник*. 2011;1:28-35.

9. Zhiltsov S.S. EU policy in shaping the pipeline architecture in the Caspian region. Oil and Gas Pipelines in the Black-Caspian Seas Region. *The Handbook of Environmental Chemistry*. 2016;51:95-103.
10. Zhiltsov S.S. The Caspian region at the Crossroads of Geopolitical Strategies. *Central Asia and Caucasus*. 2014;1:33-43.
11. Ланда К.Г. Влияние глобализации на Каспийский регион. *Современные проблемы науки и образования*. 2008;3:65-70.
12. Ковалев А. Международно-правовой режим Арктики и интересы России. *Индекс безопасности*. 2009;15(3-4):115-124.
13. Zhiltsov S.S. Russia's policy in the Caspian Region. New York: Nova Science Publishers; 2019. 313 p.
14. Договор между Российской Федерацией и Королевством Норвегия о разграниче-нии морских пространств и сотрудничестве в Баренцевом море и Северном Ледовитом океане. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902266343> (дата обращения 19.09.2019)
15. Лукин Ю.Ф. Договор между Россией и Норвегией — шаг к мирному переделу морского пространства Арктики. *Арктика и Север*. 2011;2:59-96.
16. География Планеты Земля. Центральная Азия. URL: <https://geography-a.ru/tsentralnaya-aziya.html> (дата обращения 19.09.2019)
17. На Каспийском море необходим государственный экологический мониторинг. URL: <http://news.gazeta.kz/art.asp?aid=268394> (дата обращения 10.10.2019)

REFERENCES

1. Chernyavsky E.B. What is the Caspian and how to divide it? *Nature*. 2007;1:23-31 (in Russ.)
2. The Caspian status: Is the Caspian a sea or a lake? URL: <http://caspiy.net/dir3/sol/sol3.html> [Accessed: 12.10.2019] (in Russ.)
3. The fateful milestone of the Caspian history from the file of the diplomat. URL: https://slovakia.mid.ru/v-dos-e-diplomata/-/asset_publisher/9eKIIIfPSgood/content/sud-bonos-naa-veha-v-istorii-kaspia?inheritRedirect=false [Accessed: 12.09.2019] (in Russ.)
4. The Convention on the legal status of the Caspian Sea. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5328> [Accessed: 23.09.2019] (in Russ.)
5. Annenkov V.I., Anikin V.I., Bumagina E.L., Valieva Z.E., Volohov V.I., Granovskaya M.A., Dmitrieva I.A., Ivanov O.P., Konyshev V.N., Ksenofontov V.N., Kukarceva M.A., Kolosova I.V., Lukin A.V., Manojlo A.V., Mozel' T.N., Nejmark M.A., Petrova T.P., Rudnickij A.YU., Ryhtik M.I., Sergunin A.A., Smirnov G.N., Solov'ev E.G., Surma I.V., Trifonova I.A. XXI century: the crossroads of world politics. Moscow: Canon +; 2014. 424 p.
6. The UN Sub-Commission confirmed the ownership of the territories at the request of Russia on the Arctic shelf. URL: <https://tass.ru/mezh-dunarodnaya-panorama/6290153> [Accessed: 12.09.2019] (in Russ.)
7. Soldatkin E.I. New American Arctic Development Strategy. *Science, Economics, Industry (NEP)* - XXI. 2006;2:49-54. (in Russ.)
8. Sysuyev Yu., Znakhurenko E. National maritime policy in the Arctic regional direction in the field of military security. *Maritime collection*. 2011;1:28-35. (in Russ.)
9. Zhiltsov S.S. EU policy in shaping the pipeline architecture in the Caspian region. Oil and Gas Pipelines in the Black-Caspian Seas Region. *The Handbook of Environmental Chemistry*. 2016;51:95-103.
10. Zhiltsov S.S. The Caspian region at the Crossroads of Geopolitical Strategies. *Central Asia and Caucasus*. 2014;1:33-43.

11. Landa K.G. The impact of globalization on the Caspian region. *Modern problems of science and education*. 2008;3:65-70. (in Russ.)
12. Kovalev A. International legal regime of the Arctic and the interests of Russia. *Security Index*. 2009;15(3-4):115-124. (in Russ.)
13. Zhiltsov S.S. Russia's policy in the Caspian Region. New York: Nova Science Publishers; 2019. 313 p.
14. The agreement between the Russian Federation and the Kingdom of Norway on delimitation of maritime zone and cooperation in the Barents Sea and the Arctic Ocean. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902266343> [Accessed: 19.09.2019] (in Russ.)
15. Lukin Y.F. The agreement between Russia and Norway is a step towards a peaceful redivision of the marine space of the Arctic. *Arctic and North*. 2011;2:59-96. (in Russ.)
16. Geography of Planet Earth. Central Asia. URL: <https://geography-a.ru/tsentralnaya-aziya.html> [Accessed: 19.09.2019] (in Russ.)
17. The state environmental monitoring is required in the Caspian Sea. URL: <http://news.gazeta.kz/art.asp?aid=268394> [Accessed: 10.10.2019] (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

София Ю. Черницына, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119992, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр.1;
sophis@mail.ru

Sofiya Y. Chernitsyn, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostogenka str., Moscow, 119992, Russia;
sophis@mail.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Эволюция внешней политики Кубы на современном этапе

Екатерина С. Запарий

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

katerinaavalon@yahoo.com

Аннотация: В статье освещены предпосылки установления и дальнейшего развития отношений между Республикой Куба и рядом основных игроков на мировой арене. В статье проанализированы материалы по данному вопросу и раскрыты тенденции положения страны по предмету экономического, политического, социального и других видов сотрудничества.

Статья раскрывает предпосылки и пути развития внешней политики Республики Куба, с участием которой были достигнуты положительные результаты по ряду международных вопросов, в частности по проблеме международных конфликтов в ряде стран.

Особое внимание в статье уделено особенностям отношений Соединенных Штатов Америки и Республики Куба, характерных для заявленного временного периода. Особое внимание уделено таким аспектам как: позиция Кубы по ключевым международным вопросам, подписание соглашений с акторами международных отношений и интересы Кубы на международной арене.

Рассматривается положительная динамика развития отношений на современном этапе со странами Карибского бассейна, Африканских стран, а также сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе в лице Китайской Народной Республики, что, в целом, говорит о росте влияния Республики Куба на мировом уровне.

Ключевые слова: Куба, Россия, США, международные отношения, сотрудничество, экономика, развитие, внешняя политика

Для цитирования: Запарий Е.С. Эволюция внешней политики Кубы на современном этапе. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):438-449. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-438-449>

Статья поступила 19.09.2019

Принята в печать 12.10.2019

Опубликована 02.12.2019

Development of Cuban foreign policy at the present stage

Ekaterina S. Zapariy

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
katerinaavalon@yahoo.com*

Abstract: The article highlights the premises of cooperation and further development of relations between the Republic of Cuba and a number of key stakeholders in the global stage. The article analyzes the materials on this issue and reveals the trends in the country's position on the subject of economic, political, social and other types of cooperation.

The article points out the prerequisites and ways of developing the Republic of Cuba foreign policy, with the participation of which positive results were achieved on a number of international issues, in particular on the issue of international conflicts in a number of countries.

The article reviews the characteristics of relations between the United States of America and the Republic of Cuba, characteristic of the declared time period. The article focuses the reader's attention on such aspects as: the position of Cuba on key international issues, the signing of agreements with actors in international relations and the Cuba pivotal international interests.

The article summarizes the positive dynamics of the relations development at the present stage with the countries of the Caribbean, African countries, as well as cooperation in the Asia-Pacific region in countries such China, which, in general, stresses of the growing influence of the Republic of Cuba at the world level.

Keywords: Cuba, Russian Federation, USA, international affairs, cooperation, economy, development, foreign policy

For citation: Zapariy E.S. Development of Cuban foreign policy at the present stage. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):438-449. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-438-449>

Received 19.09.2019

Revised 12.10.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

В системе международных отношений особое место занимает Республика Куба, как государство, на протяжении долгого времени противостоящее навязыванию курса развития и отстаивающее свое право на свободу. Куба являлась одной из самых богатых стран Латинской Америки, основу экономического роста которой составлял аграрный сектор. Соответственно произ-

водимая продукция была широко представлена в товарной структуре кубинского экспорта. Куба преодолела долгий путь отстаивания своих интересов, как внутри региона, так и на международной арене.

Одним из наиболее значимых событий XX века стала Кубинская революция 1953–1959 гг., во многом определившая дальнейшее развитие глобальной экономи-

ки и политики. Она начиналась как освободительное, антиимпериалистическое движение народа Кубы, направленное против господства Соединенных Штатов Америки на острове, которые с помощью диктаторских режимов управляли Кубой, сделав ее своим сателлитом. США считали Латинскую Америку своим «задним двором», а Кубу «ключом от Мексиканского залива», что оскорбляло национальное сознание кубинского народа. Диктаторским режимом на острове, против которого в 1953 г. началась освободительная борьба кубинского народа был режим Фульхенсио Батисты [1]. В результате победы массового революционного движения под руководством Фиделя Кастро 1 января 1959 года был установлен социалистический строй. Необходимо отметить, что изначально, содержание революции не носило социалистический характер, Фидель Кастро не являлся заядлым коммунистом и людей определенных социалистических убеждений в этом движении было не много. На Кубе существовала «Народно-социалистическая» коммунистическая партия, но она не оказывала прямого влияния на революционные события. В виду созревания резкой необходимости в общественных преобразованиях, революция носила народно-освободительный характер, несла в себе борьбу за социалистические преобразования.

В результате развития социалистических идей в ходе революции стали возникать дискуссии о ряде вопросов, таких как аграрная реформа, уровень грамотности населения, что соответственно, вызвало негативную реакцию со стороны Соединенных Штатов Америки. Постепенно Куба начала проводить процесс национализации американских предприятий на острове. Закон об аграрной реформе, подписанный новым руководством 17 мая 1959 года, вызвал негативную волну антикубинских настроений в США.

В результате возникших дискуссий контрреволюционные силы получили поддержку со стороны США, которые стали оказывать экономическое давление на Кубу. Но, несмотря на оказываемый напор, государство сумело противостоять сильному натиску со стороны США, а неудавшиеся попытки политического, дипломатического и даже вооруженного давления в период 1960-1962 гг. закончились объявлением Вашингтона о расширенных международных экономических санкциях и торгового эмбарго по отношению к Республике Куба.

Ряд принятых США мер повлек за собой существенные валютные потери, исключив, таким образом, страну не только из системы мировой экономики, но и из мировых финансов. Более того, вследствие открытого давления США вынудили европейские страны — участников НАТО — поддержать большинство принятых США запретов в отношении Кубы [1]. В сложившейся ситуации кубинский народ мог только опереться на советское правительство, а внутри страны на социалистические преобразования.

ВРЕМЯ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

На фоне происходящих событий в 1960 году закладывался фундамент советско-кубинской дружбы. Страна была принята решение об установлении дипломатических отношений, на основе которого было подписано первое торговое соглашение и Кубе был выдан первый кредит на сумму 100 млн долларов [2].

В указанный период десятки тысяч советских специалистов внесли огромный вклад в развитие ряда отраслей народного хозяйства Республики Куба, создавая базу для промышленного прогресса. Среди успешных проектов — завод азотных удобрений в г. Нуэвитас, ТЭС «Гавана», текстильный комбинат в г. Сантьяго-де-Ку-

ба, радиотелевизионный завод под Гаваной, завод сахароборочных комбайнов в г. Ольгин, авторемонтные предприятия в нескольких городах. При поддержке СССР создавались многочисленные сельскохозяйственные объекты, так же многое было сделано для укрепления вооруженных сил Кубы [3].

В Советский период Кубе оказывалась компенсационная помощь в форме массовой экономической помощи СССР и социалистических стран, входящих в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ). В этот период неоднократно предпринимались дипломатические шаги, направленные на возможность снятия с Кубы экономических санкций США.

АФРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КУБЫ

Революционные события 1959 года создали предпосылки к формированию тесных контактов с развивающимися странами в качестве одной из политических составляющих внешней политики Кубы. Как одна из опор данной линии рассматривалась сопричастность государств Латинской Америки и Африки в качестве сотрудничества с левыми и национально-освободительным движением в «третьем мире».

По времени Кубинская революция совпала с крушением колониальной системы, которое во многом нашло выражение на африканском континенте. Вековая борьба кубинского народа за свободу и независимость обусловила заинтересованность Кубы в развитии сотрудничества с африканскими странами, только вступающими на путь самостоятельного развития. Поддержка африканских стран в образовании и укреплении их суверенитета позволила Кубе приобрести союзников для достижения международного признания и собственной полной государственности.

Первым опытом Кубы в развитии сотрудничества на африканском континенте было возникновение «революционного очага» в Алжире. В этой стране разразилась война за независимость от Франции, и Куба немедленно отреагировала на это, заявив на заседании ООН в 1960 году о том, что необходимо признать суверенитет Алжира. Руководство Кубы также оказало военную помощь Алжиру в войне с Марокко, что было очень рискованно, так как с ним уже был подписан экономический контракт. Куба также не осталась в стороне, когда было подписано соглашение о прекращении огня между Марокко и Алжиром в 1964 году.

Куба принимала активное участие в вопросе обретения независимости Анголы и оказывала помощь МПЛА (Народное движение за освобождение Анголы) в национально-освободительной войне. В конечном итоге оказанная поддержка способствовала созданию нового независимого государства в Африке — Народной Республики Ангола.

В качестве еще одного примера участия Кубы на африканском континенте служит поддержка Намибии в вопросе обретения страной независимости. Южноафриканская республика полностью управляла ее территорией после Первой мировой войны и отказывалась передавать ее под опеку ООН.

В мае 1988 года при посредничестве кубинского руководства были проведены переговоры между представителями США, Анголы и ЮАР по поводу предоставления Намибии суверенитета. Результатом данной встречи явилось обретение Намибией независимости в 1990 году, Ангола укрепила свое положение в регионе, режим апартеида в ЮАР был обречен. Аналогичного рода поддержку от Кубы получил и Мозамбик во время борьбы за независимость.

Будучи посредником для африканских стран в решении международных конфликтов, Республика Куба играла немаловажную роль на африканском континенте. С ее подачи, было заключено соглашение между Марокко и Алжиром в 1964 году, что послужило ключом к восстановлению отношений между этими государствами и исчерпанию причин конфликта.

Участие Кубы в делах африканского континента было позитивно оценено не только лидерами этих стран, но и такими международными организациями, как ОАГ и Движение неприсоединения. Более того, Республика Куба неоднократно отстаивала интересы стран Африки на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Действия кубинского руководства на африканском континенте стали базой для расширения кубинского влияния в Африке. Также, можно отметить действия кубинского руководства как подкрепление выбранного вектора внешней политики.

ПЕРИОД РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Одним из важных переломных моментов в развитии Кубы стал распад Советского Союза, в результате которого экономике острова был нанесен ощутимый удар. Несмотря на трудности, Куба осталась верна социалистическому пути развития, что, связано, прежде всего, с убежденностью руководства в правильности избранного курса и с достижениями кубинской революции [3]. Россия после событий в октябре 1993 года свернула все экономические связи с Кубой, результатом которого стало катастрофическое падение экспорта, в том числе и поставок энергоносителей.

Кубинское правительство были вынуждено провести большую организационную и политическую работу по экономии энергоресурсов, увеличению производства продовольствия для населения, развитию

иностранный туризма на Кубе, открытию сельскохозяйственных рынков, усилению борьбы с коррупцией, активизации деятельности массовых общественных организаций [4]. В результате страна смогла достаточно быстро преодолеть продовольственный и валютный кризис.

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ С ВЕНЕСУЭЛОЙ

С 1993 г. Куба проводит активную работу по установлению внешнеэкономических связей с основными государствами, не поддержавшими санкции США, — Венесуэлой, Китаем, Бразилией, Аргентиной. В одном из таких государств, параллельно с кубинскими событиями, также происходили изменения в политической ситуации. В Венесуэле на президентских выборах 1998 года победу одержал Уго Чавес. В результате смены политического курса Венесуэла превратилась в главного политического союзника и экономического партнера Гаваны. Уже вскоре после прихода к власти в Каракасе леворадикального правительства во главе с избранным президентом Уго Чавесом между двумя странами 30 октября 2000 г. было заключено Комплексное соглашение о сотрудничестве, положившее начало кардинальному повороту в сторону налаживания самых тесных двусторонних связей во всех сферах.

Сложившиеся отношения подразумевали не только одностороннюю венесуэльскую поддержку, но и взаимовыгодный обмен. Венесуэла предоставляла льготные цены на энергоносители в обмен на экспорт врачебных услуг. В целом, Венесуэла и Куба с 2000 года подписали 175 двусторонних соглашений, охватывающих различные сферы. Казалось, сложилась простая и понятная схема бартера: энергоносители в обмен на специалистов. Взаимные контакты, официальные и неофициальные консультации выявили сходство позиций

двух стран по ключевым вопросам мировой политики.

Постепенно между Кубой и Венесуэлой сформировался политический и экономический союз. Кубинцы активно поддерживали инициативы, выдвигаемые Уго Чавесом. Соответственно, венесуэльское правительство на всех международных форумах и мероприятиях выражает солидарность с Гаваной и выступает за отмену дискриминационных экономических санкций против Кубы, в частности американского закона Хелмса-Бертон, который предусматривает определенные ограничения для иностранных компаний, торгующих с Кубой [5]. Окончательно партнерство Куба — Венесуэла оформилось в 2004 г. Союз получил название Боливарианская альтернатива для Америки (Alternativa Bolivariana para las Americas, ALBA) и предлагал тесное сотрудничество в экономической и социальной сферах.

ПОЛОЖЕНИЕ В РЕГИОНЕ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ И КАРИБСКОГО БАССЕЙНА

Во многом благодаря союзничеству с Венесуэлой, Куба, несмотря на противодействие США, взяла курс на реинтеграцию в латиноамериканское сообщество. Тем более, что одной из важных тенденций развития Латинской Америки в конце XX — начале XXI в. стало создание новых интеграционных объединений. На тот момент, Куба, окончательно потеряв партнерские отношения со странами постсоветского блока, активно искала возможность вернуться в региональную систему связей. Однако стоит отметить, что лидеры региона (на тот момент Бразилия, Мексика, Аргентина) в силу политических противоречий и союзнических отношений с антагонистом Кубы — США, не были готовы к расширению экономических связей с Кубой.

В период глобализации и интеграции, в 90-е годы — руководство стран Латин-

ской Америки искало прежде всего экономическую поддержку, а не новую политическую доктрину. Однако, в условиях начавшегося на рубеже нового тысячелетия подъема освободительного движения в регионе, получившего в научной литературе название «левого поворота», перед социалистической Кубой открылись новые, более благоприятные возможности.

Альтерглобалистские выступления в разных странах и общественная критика неолиберальных реформ идеально совпали с политическими воззрениями кубинского руководства. Политическая сила этого движения, основанного на обесценивании неолиберальных реформ и неприятии проектов США, помогла прийти к власти левым партиям стран Латинской Америки.

Кооперационные связи, которые Куба стремилась развивать со странами региона в предыдущие десятилетия, в последние годы начали обретать новое качество. Наряду с восстановлением дипломатических отношений со всеми странами Латинской Америки, укрепили ее политические, гуманитарные и экономические связи с ними. Участие Кубы в движении альтерглобализма и ставка на набирающие силу левые партии помогли присоединиться к региональным интеграционным процессам [6].

Соответственно, в атмосфере прихода к власти в ряде стран региона левоориентированных лидеров альтернативная, интеграция оказалась более чем привлекательной. К проекту ALBA стали присоединяться и другие государства региона. Так, Боливия и Никарагуа стали членами ALBA в 2006 году. Позже, в 2008 году, к ним присоединились Доминика и Гондурас.

Совместно с имеющимися интересами в союзе ALBA, Кубой прорабатывается важное внешнеэкономическое направление в виде Общего рынка стран Южного конуса (Mercosur), заявку на членство в кото-

ром Куба подала в 2006 году. Подписание экономического соглашения с одним из самых сильных общих рынков региона стало бы важным достижением кубинской внешнеэкономической политики, которое предоставило бы республике режим свободной торговли со всеми странами южноамериканского интеграционного блока. Если сотрудничество с Венесуэлой помогло решить энергетическую проблему, то контакты со странами Mercosur ли бы помочь Кубе решить еще и продовольственную [7].

Действуя согласно заявленному курсу, Куба вступает в Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна (La Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC), и в 2013 году избирается на один год председателем сообщества, что является признаком признания и достижения определенного уровня престижа в этом регионе [2].

На сегодняшний день в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна Куба занимает важное стратегическое местоположение. Куба, идеологический и символический лидер антиамериканского сопротивления в регионе, который годами придерживался жесткой позиции и требовал возвращения Кубы в межамериканскую систему.

Поддержку стран как латиноамериканского, так и мирового сообщества Куба получала на площадке Организации Объединенных Наций, членом которой, а также ряда специализированных организаций ООН (ЮНЕСКО, ЮНИДО, ВОЗ, ФАО, МОТ, ИКАО, МСЭ, ВПС, ВОИС, ВМО, МАГАТЭ и др.) является с 1945 года. Куба является членом Группы африканских, карибских и тихоокеанских государств, Альянса малых островных государств, Интерпола, АЭС, ЛАИ и ОПАНАЛ.

Большое значение кубинская дипломатия придает Движению неприсоединения (в сентябре 2006 года — сентябре 2009

года Куба была председателем Движения), в рамках которого Куба как один из лидеров организации пыталась повысить эффективность взаимодействия стран третьего мира для объединения усилий по защите собственных прав. В качестве результата выбранного Кубой курса уже к концу 2011 г. Гавана поддерживала дипломатические отношения со 186 государствами мира, успешно развивая связи со странами всех континентов.

ПРОЦЕСС «НОРМАЛИЗАЦИИ» ОТНОШЕНИЙ С США

Правящие круги Соединенных Штатов Америки в течение полувека после победы Кубинской революции 1959 г. пытались изолировать непокорный остров на международной арене. Введенное со стороны США эмбарго на торгово-экономические отношения с островом и в дальнейшем дополняемое новыми санкциями, не принесло американскому руководству требуемого результата [6]. Возникла необходимость в поиске новой модели взаимоотношений США и Кубы.

В качестве нового решения США проявляют инициативу в налаживании отношений с режимом Кастро, что одновременно было нацелено и на создание благоприятных условий для диалога с остальными странами региона, включая идейных соперников — Эквадор, Боливию и Венесуэлу [9] (8). Процесс «нормализации» отношений был запущен администрацией Барака Обамы с провозглашением курса на установление прямого дипломатического контакта с Гаваной и в 2013 году принятием решения об увеличении срока действия неиммиграционных виз для кубинцев с шести месяцев до пяти лет. Данные действия президента США были расценены как «смягчение американского курса администрацией Обамы в отношении Гаваны».

Новый кубинский лидер — Рауль Кастро олицетворял собой приверженность старому курсу в отношении США, однако был в большей степени нацелен на модернизацию Кубы и первым делом, придя к власти, провозгласил политику реформ. С 2009 г. Рауль Кастро начинает постепенную либерализацию централизованной и полностью контролируемой государством экономической и социальной системы кубинского общества.

Реформы в последующие годы включили в себя децентрализацию агропромышленного сектора экономики, ослабление ограничений на ведение малого бизнеса, некоторую либерализацию рынков недвижимости, предоставление возможности кубинцам выезжать за пределы страны и расширение доступа к товарам потребления. В результате проведенных реформ к 2014 г. кубинский частный сектор составил 20%. Число занятых индивидуальным предпринимательством людей выросло в три раза в период между 2009 и 2013 гг.

Анонсированное в декабре 2014 г. восстановление отношений с США дало Гаване возможность ускорить и экономические реформы, и политическую либерализацию. В свою очередь, прослеживается тенденция повышения интереса к инвестированию в экономику Кубы со стороны развитых стран, что соответственно, вызывает опасения у представителей власти США.

РАЗВИТИЕ ОТНОШЕНИЙ С КИТАЕМ

Одним из активных инвесторов в Латинской Америке постепенно становится Китай, который проводит достаточно активную инвестиционную политику с рядом латиноамериканских стран, в частности с Бразилией, Венесуэлой, Аргентиной, Мексикой, Чили и Перу. Высокая динамика роста объемов взаимной торговли сопровождается подписанием соглашений о созда-

нии зон свободной торговли в 2005 г. с Чили и в 2010 г. с Перу, что подкрепляется активным инвестиционным сотрудничеством.

Активное сотрудничество Китая не только с Республикой Куба, но и с рядом лидирующих латиноамериканских государств вызывает у Вашингтона серьезное беспокойство. Так, например, модель китайско-венесуэльских отношений строится вокруг поставок нефти в КНР. В период Уго Чавеса Китай стал вторым по важности торговым партнером для Венесуэлы. Для обеспечения гарантированных поставок нефтепродуктов китайские инвесторы активно вкладывали средства в строительство новых нефтедобывающих мощностей. Также Банк Развития Китая неоднократно предоставлял Венесуэле кредиты, исполнение обязательств по которым гарантируется нефтяными поставками.

Подобное растущее присутствие Китая в регионе заставляет Вашингтон искать новую стратегию возвращения в Южную Америку с применением «мягкой силы» в рамках более широкой глобальной стратегии.

Одним из важных мероприятий по налаживанию кубинско-американских отношений послужил VII Саммит в Панаме, который имел большое символическое значение в силу того, что одним из заявленных приоритетов США являлась Куба. Главная цель Соединенных Штатов на этом саммите заключалась в обеспечении интересов Вашингтона на мировом уровне. По словам аргентинского эксперта Андреса Сербна, она состояла в восстановлении «присутствия США в Латинской Америке и сдерживании роста влияния Китая в регионе» [8].

В связи со снижением товарооборота Кубы с Венесуэлой, Китай выдвинулся на первую позицию среди торговых партнеров Кубы. Так же можно отметить и исторические предпосылки установления китайско-кубинских отношений, когда Куба

в 1960 г. была первой страной ЛАКБ, признавшая Китайскую Народную Республику де-юре и установила с ней дипломатические отношения. С тех пор межгосударственный диалог не раз испытывался на прочность, однако страны находили точки соприкосновения и сохраняли активность в развитии сотрудничества.

Необходимо отметить, что позиции сторон по международным вопросам близки, либо совпадают. Неоднократно в ходе встреч, сторонами подтверждалось приверженность общим социалистическим ценностям. В ходе переговоров в 2014 году Министр иностранных дел Кубы отметил единство целей и направлений в международной деятельности обеих стран [9]. Кроме того, Пекин неоднократно выражал кубинским лидерам свою поддержку в вопросах снятия экономической блокады с Кубы и ее возвращения из международной изоляции в мировую систему на правах полноценного участника.

Помимо поддержки по вопросу эмбарго, Куба также получила поддержку со стороны Китая в 1990-ые года, в условиях тяжелой экономической ситуации и отсутствия поддержки со стороны России, которая была занята внутренними проблемами. В рамках «энергетической революции», которая начала реализовываться на острове в начале 2000-х гг. и была направлена на замену устаревшего энергозатратного оборудования, Гавана приобрела у Пекина энергосберегающую продукцию «нового поколения», что позволило кубинскому правительству в дальнейшем сэкономить значительные суммы [6].

Пекин стабильно занимает одно из первых мест среди торговых партнеров Гаваны. По итогам 2015 г. китайский экспорт достиг 2,33 млрд долл. Его структура представляет собой следующий набор: технологии (в основном, телекоммуникационный

сектор), машинное оборудование, сырье и продукты массового потребления. Так же Китай является лидером среди покупателей кубинского экспорта.

Примечательно, что в 2016 г. в связи со снижением товарооборота Кубы с Венесуэлой, Китай выдвинулся в лидеры среди торговых партнеров Кубы [10]. Так же, вопрос строительства Никарагуанского канала в качестве альтернативы Панамскому, несет в себе важное значение для ряда стран, в том числе и для Китая. Соответственно, Куба может рассматриваться китайским правительством как подходящий форпост, укрепление позиций на котором расширит возможности Китая по расширению экономического присутствия в регионе и «привязки» стран Латинской Америки.

Ряд экспертов отмечают определенную выгоду для Китая от смягчения политики США в отношении Кубы. По мнению Сю Шичена, ведущего эксперта по Кубе в Академии общественных наук КНР, смягчение санкций и отмена эмбарго откроют неисчерпаемое количество перспектив перед Китайской Народной Республикой, т.к. сейчас санкции серьезно ограничивают свободу китайских предприятий на Кубе и препятствуют углублению и расширению экономического диалога стран [7].

Что касается возможной отмены эмбарго США, о которой было заявлено президентом Б. Обамой в январе 2015 г., то можно отметить высокий уровень эффективности данного шага для обеих стран, т.к. текущая политика эмбарго наносит ежегодные потери как экономике США (по самым скромным оценкам, около 1,2 млрд долл. США в год), так и экономике Кубы (около 685 млн долл. США в год). Таким образом, дальнейшее внешнеэкономическое сотрудничество может быть перспективным и взаимовыгодным. Но, как отмечают большинство экспертов, со стороны Вашингтона отмена

торгового эмбарго была возможна только при смене режима на Кубе. Вашингтон выступает за приход к власти демократически избранного правительства.

Однако, последние действия Вашингтона только демонстрируют прямую противоположность мышления руководства США. В июне 2019 г. Министерство финансов США объявило о вступлении в силу очередного пакета мер в отношении Кубы, в соответствии с которым будет введен запрет на групповые поездки на остров американских граждан в рамках образовательных обменов, а также заход пассажирских судов из США в кубинские порты. Как отмечает глава Минфина США С. Мнучин, Куба играет дестабилизирующую роль в Западном полушарии.

ПОИСК НОВЫХ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ

Данного рода ограничения со стороны США, в частности экономическое эмбарго, не дает стране набрать необходимые темпы экономического роста, при этом оно не дестабилизирует кубинскую экономику, а напротив, вынуждает искать новые пути ее развития. Большая часть реформ проводится правительством Кубы с позиций национальной целесообразности и нацелена в первую очередь на развитие кубинской экономики.

Создаются специальные механизмы для обеспечения импортных потребностей негосударственных производителей и их выхода на внешние рынки, для международного сотрудничества активно используются преимущества в сфере образования, предпринимаются попытки привлечь иностранный капитал — все это способствует укреплению положения Кубы на международной арене. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что уже все страны, кроме США и Израиля, голосуют за отмену эмбарго в отношении Республики Куба [1].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Конечно, после смерти вдохновителя Кубинской революции и отца современной Кубы Фиделя Кастро остро встал вопрос, по какому пути пойдет посткастровская Куба: продолжит построение социализма, взяв курс на внедрение китайского опыта, либо сменит модель и будет налаживать диалог с США, проводя рыночные и демократические реформы. Многие исследователи полагают, что в новых реалиях Куба, учитывая предыдущий опыт взаимоотношений с могущественным северным соседом, не станет сворачивать с социалистического пути, а примет китайский вариант развития.

Кубинская социалистическая модель базируется во многом на советском опыте, поэтому нуждается в модернизации в условиях современного мира. Китайская модель, носящая название «социализм с китайской спецификой» представляет собой симбиоз централизованной экономики с использованием рыночных механизмов. Руководством Республики Куба отмечается неизменность основного курса на социализм, однако либерализация режима скорее всего будет продолжена, особенно учитывая тот факт, что важный партнер Кубы Китай успешно совмещает социализм и рыночные механизмы регулирования экономики.

Учитывая тот факт, что латиноамериканское направление занимает серьезное место во внешнеполитической стратегии Китая, можно констатировать, что Куба в этой цепочке является достаточно важным звеном, поскольку пользуется определенным авторитетом среди региональных держав, а также является для Китая близким в идеологическом плане государством. В целом, страны Латинской Америки сегодня занимают уже не то место, которое они занимали в XX и XIX веках и это во многом произошло благодаря событиям на Кубе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Звонова Е.А. Эволюция экономической политики Республики Куба в условиях международных санкций. *National Interests: Priorities and Security*. 2017;13(7):1378-1392.
2. Торшин М.П., Шабрин В.В. К истории становления и развития новой Кубы. *Латинская Америка*. 2015;10:94-101.
3. Торшин М.П. К истории Кубы и российско-кубинских отношений. *Латинская Америка*. 2014;5:105-107.
4. Дабагян Э.С. Китайский прорыв в Латинскую Америку. *Мировая экономика и международные отношения*. 2012;10:84-91.
5. Дабагян Э.С. Специфика кубино-венесуэльского альянса. *Мировая экономика и международные отношения*. 2013;5:81-90.
6. Бородаев В.А. Три главных направления мировой политики Кубы в начале XXI века. *Альманах Via Evrasia*. 2012;1:56-67.
7. Пискун И.П. Куба в интеграционных процессах Латинской Америки в начале XXI века. *Латинская Америка*. 2011;9:74-80.
8. Сербин А. Сербин П.А. Обама использует Кубу для сдерживания растущего влияния России, Ирана и Китая в Латинской Америке. *Латинская Америка*. 2013;6:32-34.
9. Mallen P. China and Cuba: Skip the Ideology, Let's Talk About Money. *International Business Times*. 24.04.2014. URL: <http://www.ibtimes.com/china-cuba-skip-ideology-lets-talk-about-money-1575560> (дата обращения: 23.08.2019)
10. Кодзоев М.А. Новый этап развития Кубы и задачи российско-кубинского сотрудничества. *Латинская Америка*. 2016;10:29-37.

REFERENCES

1. Zvonova, E.A. Evolution of the economic policy of the Republic of Cuba under international sanctions. *National Interests: Priorities and Security*. 2017;13(7):1378-1392. (in Russ.)
2. Torshin M.P., Shabrin V.V. On the history of the formation and development of a new Cuba. *Latin America*. 2015;10:94-101. (in Russ.)
3. Torshin M.P. On the history of Cuba and Russian-Cuban relations. *Latin America*. 2014;5:105-107. (in Russ.)
4. Dabagyan E.C. Chinese Breakthrough in Latin America. *World Economy and International Relations*. 2012;10:84-91. (in Russ.)
5. Dabagyan E.C. the specifics of the alliance of Venezuela and Cuba. *World Economy and International Relations*. 2013;5:81-90. (in Russ.)
6. Borodaev V.A. Three main directions of world politics of Cuba at the beginning of the XXI century. *Almanac Via Evrasia*. 2012;1:56-67. (in Russ.)
7. Piskun I.P. Cuba in the integration processes of Latin America at the beginning of the XXI century. *Latin America*. 2011;9:74-80. (in Russ.)
8. Serbin A., Serbin Pont A. Obama uses Cuba to contain the growing influence of Russia, Iran and China in Latin America. *Latin America*. 2013;6:32-34 (in Russ.)
9. Mallen P. China and Cuba: Skip the Ideology, Let's Talk About Money. *International Business Times*. 24.04.2014. URL: <http://www.ibtimes.com/china-cuba-skip-ideology-lets-talk-about-money-1575560> [Accessed: 12.08.2019] (in Russ.)
10. Kodzoev M.A. A new stage in the development of Cuba and the tasks of Russian-Cuban cooperation. *Latin America*. 2016;10:29-37. (in Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина С. Запарий, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1;

katerinaavalon@yahoo.com

Ekaterina S. Zapariy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;

katerinaavalon@yahoo.com

Словацко-белорусские культурные отношения

Гопта Иво^а, Гоптова Луциана^б

^аДипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

ivohopta@gmail.com

^бПрешовский университет, Прешов, Словакия,

luciana.hoptova@gmail.com

Аннотация: Словацкая Республика (СР) установила дипломатические отношения с Республикой Беларусь (РБ) в январе 1993 г. Двусторонние отношения между двумя славянскими странами, которые исторически не обременены негативным опытом или проблемами, развиваются в нескольких областях. В последние годы можно наблюдать беспрецедентное развитие словацко-белорусских отношений, что в основном связано с активным политическим диалогом между двумя странами. Двусторонние взаимоотношения развиваются в области экономики, образования, туризме, а также в культурной сфере.

Основной опорой словацко-белорусских культурных связей является Соглашение о сотрудничестве в области культуры и искусства, которое было заключено между Министерством культуры СР и Министерством культуры БР в 2005 г. в Минске. В настоящее время существует тесное сотрудничество между отдельными учреждениями культуры в области музыки, изобразительного искусства, литературы, а также интенсивное сотрудничество между музеями, галереями и библиотеками. Культурное сотрудничество между СР и БР так активно поддерживается не только словацкими и белорусскими министерствами культуры, но и дипломатическими представительствами в обеих странах.

К важным вехам в интенсификации взаимных культурных связей можно отнести выставку, посвященную О. П. Мариксу, основателю белорусской театральной сценографии словацкого происхождения, в Братиславе в 2018 г., выставку З. Граус Рудавской «Прикосновение Словакии. Рисунок. Объект. Драгоценность» в Минске в 2016 г., издание переводов стихотворений великого белорусского поэта Я. Купалы в 2017 г., а также издание публикаций белорусского автора Н. Труса о визите белорусского писателя на территории современной Словакии в 1935 г.

Большой потенциал для взаимного словацко-белорусского культурного сотрудничества можно наблюдать и в обмене традиционными фольклорными ансамблями. Музыкальные коллективы представляют свое культурное наследие на различных культурных мероприятиях, которые проводятся не только в Словакии, (Slavica Festival, Дожинки — фестиваль-ярмарка тружеников села, и др.), но и в Беларуси (Славянский базар в Витебске; и др.). Возможности сотрудничества между СР и РБ, т.е. странами, близкими в культурном и географическом отношении, очень широки. Целью статьи является выявление специфики и динамики словацко-белорусского культурного сотрудничества на современном этапе.

Ключевые слова: Словакия, Беларусь, сотрудничество, культурные отношения

Для цитирования: Гопта И., Гоптова Л. Словацко-белорусские культурные отношения. *Проблемы постсоветского пространства*. 2019;6(4):450-463. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-450-463>

Статья поступила 19.09.2019

Принята в печать 24.10.2019

Опубликована 02.12.2019

Slovak-Belarusian culture relations

Hopta Ivo^a, Hoptová Luciána^b

*^aDiplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
ivohopta@gmail.com*

*^bUniversity of Prešov, Prešov, Slovakia,
luciana.hoptova@gmail.com*

Abstract: The Slovak Republic (SR) established diplomatic relations with the Republic of Belarus (RB) in January 1993. Bilateral relations between two Slavic countries, which are historically not burdened with negative experience or problems, are developing in several areas. In recent years, an unprecedented development of Slovak-Belarusian relations can be observed, which is mainly associated with an active political dialogue between the two countries. Bilateral relations are developing in the fields of economics, education, tourism, as well as in the cultural sphere.

The main pillar of Slovak-Belarusian cultural ties is the Agreement on Cooperation in the Field of Culture and Art, which was concluded between the Ministry of Culture of the Slovak Republic and the Ministry of Culture of the Republic of Belarus in 2005 in Minsk. Currently, there is close cooperation between individual cultural institutions in the field of music, fine arts, literature, as well as intensive cooperation between museums, galleries and libraries. Cultural cooperation between the SR and BR is so actively supported not only by the Slovak and Belarusian ministries of culture, but also by diplomatic missions in both countries.

An important milestone in the intensification of mutual cultural ties is the exhibition dedicated to O.P. Mariks, the founder of Belarusian theatrical scenography of Slovak origin, in Bratislava in 2018, the exhibition by Z. Graus Rudavsky "Touch of Slovakia. Picture. Object. Jewel" in Minsk in 2016, the publication of translations of the poems of the great Belarusian poet Y. Kupala in 2017, as well as the publication of publications by the Belarusian author N. Trus about the visit of a Belarusian writer to the territory of modern Slovakia in 1935.

Great potential for mutual Slovak-Belarusian cultural cooperation can be observed in the exchange of traditional folklore ensembles. Musical groups present their cultural heritage at various cultural events that are held not only in Slovakia (Slavica Festival, Dozhinki — festival-fair of toilers of the village, etc.), but also in Belarus (Slavic Bazaar in Vitebsk; etc.).

Opportunities for cooperation between the SR and Belarus, i.e. culturally and geographically similar countries are very wide. The aim of the article is to identify the specifics and dynamics of Slovak-Belarusian cultural cooperation at the present stage.

Keywords: Slovakia, Belarus, cooperation, cultural relations

For citation: Hopta I., Hoptová L. Slovak-Belarusian culture relations. *Post-Soviet Issues*. 2019;6(4):450-463. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2019-6-4-450-463>

Received 19.09.2019

Revised 24.10.2019

Published 02.12.2019

ВВЕДЕНИЕ

1 января 1993 г. на карте Европы появилось новое государство — Словацкая Республика (СР). Независимость новообразованного государства признали десятки стран мира, включая Республику Беларусь. Дипломатические отношения между Словакией и Беларусью были установлены 14 января 1993 г. Двусторонние отношения между этими двумя славянскими странами так начали постепенно формироваться и развиваться. В последние годы наблюдается укрепление словацко-белорусских взаимоотношений, о чем свидетельствуют несколько соглашений и договоров, которые были подписаны не только на уровне правительств, министерских ведомств, местных органов власти, но и на уровне неправительственных организаций и коммерческих структур. В настоящее время Словакия является важным партнером для РБ в Центральной Европе, о чем также было заявлено на последней встрече президента Беларуси А. Г. Лукашенко с председателем Национального Совета СР А. Данко в июне 2019 г. [1].

СОСТОЯНИЕ, ДИНАМИКА И ФОРМЫ СЛОВАЦКО-БЕЛОРУССКОГО КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Активный диалог между политическими представителями СР и РБ, особенно в по-

следние годы, принес положительные результаты для обоих государств не только в области экономики, образования, туризма, но также и в сфере культуры. Соглашение между Министерством культуры РБ и Министерством культуры СР о сотрудничестве в области культуры и искусства, подписанное в Минске 19 октября 2005 г., является основой двустороннего словацко-белорусского культурного сотрудничества. Данный документ был заключен с обоюдным желанием вышеупомянутых стран упрочить дружеские связи и взаимопонимание между двумя народами, «осознавая необходимость как можно большей поддержки взаимного познания своих культур, духовной собственности и художественных достижений, а также своей истории и образа жизни» [2]. Согласно данному документу, который состоит из нескольких вступительных положений и 12 статей, обе стороны соглашения обязались создавать благоприятные условия для творческого сотрудничества в области культуры и искусства. Речь, прежде всего, идет об укреплении взаимного сотрудничества и взаимодействия в области музыки, театра, киноискусства, изобразительного искусства, а также сотрудничества между музеями, галереями и другими культурными словацкими и белорусскими учреждениями.

В соответствии с положениями вышеупомянутого Соглашения, СР и РБ поддерживают сотрудничество в области музыки, в частности обмен музыкальными ансамблями, солистами, дирижерами, а также прямое сотрудничество учреждений искусства, обмен научной литературой, и поддержку презентации творчества авторов страны-партнера. Музыканты обеих государств участвуют в различных международных мероприятиях, которые проходят, как в Словакии, так в Беларуси, представляя при этом свое культурное наследие.

Примером плодотворного и активного словацко-белорусского сотрудничества в области музыкального искусства является мероприятие, которое проходит в словацком городе Нитра. Речь идет о международном фольклорном фестивале под названием «Slavica Festival». В фестивале принимают участие фольклорные ансамбли и коллективы отдельных славянских народов, которые презентуют свои народные танцы, пение и традиционную народную славянскую культуру. Данный фестиваль, который проводится ежегодно с 2009 г. в День славян, преследует цель — поддерживать культурный обмен между славянскими странами [3]. Участниками данного фестиваля являлось и несколько фольклорных коллективов из РБ, среди которых: Народный фольклорный ансамбль «Гасцінец» из г. Гродна, Народный ансамбль народной музыки «Субботея» из г. Могилева, ансамбль «Шчодрыца» из г. Минска, Белорусский народный ансамбль «Пліса», и др.

Помимо «Slavica Festival», белорусские фольклористы также участвуют в фестивале-ярмарке тружеников села, в так называемых «Дожинках», которые проводятся в словацком п. Мутнэ в Жилинской области. Суть праздника заключается в выражении благодарности за урожай, презентации ремесленных изделий, а также в насыщенной

культурной программе, в которой часто участвуют народные ансамбли и фольклорные коллективы из Беларуси. Это было и в 2019 г., когда М. Мурин, глава п. Мутнэ, одновременно являющийся и почетным консулом РБ в СР, приветствовал на Дожинках и белорусский фольклорный ансамбль Неман [4].

Словацкие музыканты регулярно участвуют в Белорусском международном фестивале искусств под названием «Славянский базар в Витебске». Этот международный фестиваль искусств представляет собой крупнейший в РБ культурный форум, который стремится к духовному единению народов. Эта цель выражена и в главном девизе фестиваля — «Через искусство — к миру и взаимопониманию» [5]. Этот фестиваль имеет давние традиции, что подтверждает и факт, что в июле 2019 г. Он проходил уже в 28 раз. С 1995 г. этот фестиваль проводится под личным патронатом президента РБ А. Г. Лукашенко, который его традиционно открывает. В своей торжественной речи, произнесенной при открытии XVIII Славянского базара в Витебске, президент Беларуси заявил, что данный фестиваль — «это праздник дружбы и взаимопонимания», и не случайно проходит в Витебске, т. е. в городе, где жили и творили величайшие художники — К. С. Малевич и М. Шагал. Мы сохранили статус Витебска, города с богатыми культурными традициями, поддержав «Славянский базар» на государственном уровне. В свое время мы просто спасли «Славянский базар» от уничтожения после распада Советского Союза. И не зря — ежегодно мы принимаем друзей нашего фестиваля со всех уголков земного шара. Славянский мир, который, наверное, многие где-то на Западе когда-то не воспринимали всерьез, стал ядром, центром притяжения многих народов» [6]. В последнем фестивале приняли участие представите-

ли 70 стран со всех пяти континентов. Тот факт, что это важное культурное и общественное событие в Беларуси, подтверждал тот факт, что в 2001 г. на фестивале прошла встреча президентов Белоруссии, Украины и России — А. Г. Лукашенко, Л. Д. Кучмы и В. В. Путина. Президент России приветствовал участников и гостей фестиваля и в 2019 г. В поздравительной речи, которую от его имени зачитала на церемонии открытия фестиваля заместитель председателя правительства РФ О. Ю. Голодец, говорилось о том, что Славянский базар в Витебске — «это масштабное и поистине неординарное мероприятие, которое на протяжении десятилетий обогащает культурную жизнь многих стран, вносит весомый вклад в укрепление международного гуманитарного сотрудничества» [7].

СР была на Славянском базаре в Витебске был представлена уже в первый год существования фестиваля [8]. С 1993 г. несколько словацких музыкантов выступили на этом крупнейшем белорусском культурном и общественном мероприятии. Кроме того, в 2016 г. частью данного фестиваля стало мероприятие Дни Словакии в Витебске, в рамках которого прошел Белорусско-Словацкий предпринимательский форум под названием «Инновации — путь к успешной интеграции». Цель данного форума заключалась в расширении делового, экономического, культурного словацко-белорусского сотрудничества, а также в презентации туристических и оздоровительных курортов Словакии белорусскому населению. Мероприятие, в котором приняли участие более чем 40 словацких и 50 белорусских предпринимателей, было организовано Комитетом экономики Витебского областного исполнительного комитета, Витебским городским исполнительным комитетом, Витебским областным центром маркетинга, Почетным

консульством СР в Витебске, а также Чрезвычайным и полномочным послом СР в РБ Й. Мигахом.

Кроме интенсификации экономического сотрудничества между СР и РБ, во время проведения Дней Словакии в Витебске культурная программа также получила положительный отклик. Этому способствовала презентация словацкой кинематографии, словацких традиционных ремесел, словацких кулинарных блюд и словацких вин, открытие вернисажа словацкой художницы З. Граус Рудавской, а также фотовыставки «Волшебная Словакия». Данная культурная программа была направлена на сближение двух славянских народов [9].

Новая традиция, способствующая укреплению словацко-белорусских отношений в области музыкального искусства, была заложена в конце мая 2019 г. в г. Климовичи (Могилевская область), где проходил XVIII Международный фестиваль детского творчества «Золотая пчелка». Словакия была впервые представлена на фестивале в лице дочери Чрезвычайного и полномочного посла СР в РБ М.Э. Мигашовой. Во время фестиваля она вложила в скульптурную композицию «Золотая пчелка», расположенную в городском парке, табличку с названием страны «Словакия». СР так стала 24 страной-участником в истории этого детского фестиваля. Л. Засемчук, председатель Климовичского районного исполнительного комитета, заявил: «Уверен, что новые знакомства и дружба молодых людей послужат надежной основой для развития культурного сотрудничества между нашими странами» [10].

Весьма интенсивное сотрудничество по обмену музыкальными ансамблями ведется на протяжении нескольких лет и между г. Брестом и восточно-словацкими городами Вранов над Топлёу, Гуменне, и муниципалитетами этих округов. Сотруд-

ничество и взаимодействие начало реализовываться по инициативе И. Гопты, члена Совета Прешовской области, депутата Прешовской области. Благодаря его инициативе словацкие фольклорные ансамбли посетили несколько раз белорусский г. Брест. Последний раз это произошло в июне 2019 г., когда фольклорная группа «Лелия» из г. Гуменне подарила жителям Бреста восточно-словацкий фольклор. В состав словацкой делегации помимо фольклорной группы входили также депутаты Прешовской области и старосты деревень региона Гуменне, которые подписали соглашение о взаимном сотрудничестве в сфере культуры [11].

МУЗЕИ, ГАЛЕРЕИ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕНТРЫ — ЦЕНТРЫ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛОВАКИИ И БЕЛАРУСИ

Соглашение между министерствами культуры СР и РБ о сотрудничестве в области культуры и искусства также декларирует поддержку сотрудничества между музеями, галереями, художественными центрами Словакии и Беларуси, в частности, с целью обмена выставками. Анализируя данную отрасль взаимного словацко-белорусского культурного сотрудничества нельзя не затронуть выставку, проходившую в 2018 году при поддержке Министерства культуры СР. Она была посвящена О. П. Мариксу, основателю белорусской сценографии, художнику-графику и театральному художнику. О. П. Марикс, у которого есть словацкие корни, жил и работал в XX веке в Белоруссии. Выставка под названием «Оскар Марикс — основатель белорусской сценографии» состоялась по случаю 25-летия установления дипломатических отношений между РБ и СР. Ее организаторами выступили Посольство РБ в СР, Посольство СР в РБ, Национальный исторический музей РБ, Государственный музей истории теа-

тральной и музыкальной культуры Беларуси, Государственный литературный музей Я. Купалы, а также министерства культуры обеих государств. В открытии выставки 21 июля 2018 г. приняли участие представители словацких общественных организаций и учреждений культуры, союзов писателей и художников Словакии, а также и представители вышеперечисленных организаций. В своих выступлениях они сошлись во мнении, что выставка, благодаря которой словацкая общественность узнала о жизни и творчестве О. П. Марикса, вносит существенный вклад в развитие словацко-белорусского культурного диалога и является свидетельством близости культур этих народов [12]. Необходимо добавить, что это была не первая выставка, посвященная О. П. Мариксу в Словакии. В 2012 г. выставка, посвященная этому художнику, прошла в Государственной научной библиотеке Словакии в г. Банска Быстрица. Выставка реализовывалась при тесном сотрудничестве Государственного музея истории театральной и музыкальной культуры РБ и Государственным литературным музеем Я. Купалы в Минске [13].

Помимо организации выставки О. П. Марикса, в 2012 г. было также подписано официальное соглашение между вышеупомянутыми учреждениями. Результатом подписания данного документа стала реализация и презентация еще одной выставки, которая прошла в 2013 г. Она была посвящена Я. Купале, одному из важнейших белорусских поэтов, который в 1935 г. в составе делегации советских журналистов и писателей посетил современную территорию Словакии. Выставка проходила в 2013 г. в Государственной научной библиотеке Словакии в г. Банска Быстрица под названием «Янка Купала, словацкие встречи» [14]. В 2014 г. выставка проходила и в Министерстве культуры СР. На торже-

ственном открытии выставки присутствовали высокие представители и деятели общественно-политической жизни Словакии и Беларуси. Целью выставки было ознакомить словацкую публику с жизнью Я. Купалы, а также представить его творчество в работах белорусских художников разных поколений. С приветственной речью на открытии выставки выступил Чрезвычайный и полномочный посол РБ в СР В. М. Серпиков, а также директор Государственного литературного музея Я. Купалы Е. Р. Лешкович. В торжественной церемонии открытия выставки принял участие и посол СР в РБ М. Серватка, который прочел несколько отрывков из стихов Я. Купалы, которые сам перевел [15].

Я. Купала больше не является неизвестным именем для словацкой общественности. Большую заслугу в этом имеют труды белорусского педагога, просветителя, литературоведа и переводчика Н. Труса. В 2012 г. Он опубликовал книгу «Янка Купала в Словакии» [16], которая вызвала большой резонанс не только в Словакии, но и в Белоруссии. В последующие годы Н. Трус продолжил свои исследования Я. Купалы в Словакии, а в 2018 г. опубликовал книгу «Купаловские адреса в Словакии» [17]. Перед изданием книги Н. Трус вместе с другими белорусскими коллегами — писателями, музейщиками и деятелями культуры, посетил Словакию по приглашению Ассоциации словацких писателей [17]. Результатом этого сотрудничества стали не только опубликованные статьи, теле- и радиопередачи о словацких городах, санаториях, личностях, о Словакии в белорусских СМИ, но и издание двух книг. Как уже упоминалось выше, речь шла о книге Н. Труса «Купаловские адреса в Словакии», а также публикация, опубликованная в 2017 г. Ассоциацией словацких писателей. Это была подборка стихов Я. Ку-

палы под названием «А кто там идет?» [18]. В течение 2017 г. сборник, который был опубликован по случаю 135-летия со дня рождения белорусского поэта, был представлен в Минске, а затем в Братиславе.

Выставки, посвященные Я. Купале и О. П. Мариксу, являются результатом совместного идейного проекта «Диалог культур: Беларусь — Словакия», который начал реализоваться в 2011 г. по инициативе посла СР в РБ М. Серватки. Итогом этого проекта было осуществление выставки под названием «Белорусские народные музыкальные инструменты», которая состоялась в Государственной научной библиотеке Словакии в г. Банска Быстрица в 2015 г. Организация и проведение самой выставки осуществилось благодаря тесному сотрудничеству Государственной научной библиотекой Словакии в г. Банска Быстрица с Министерством культуры РБ, Национальным музеем РБ, а также Государственным музеем истории театральной и музыкальной культуры РБ в Минске. На выставке были представлены инструменты различных форм, размеров и разнообразных акустических возможностей, созданные известными белорусскими художниками. Представленные на выставке народные музыкальные инструменты Беларуси были из разных регионов Беларуси — Минской, Витебской, Брестской, и др. областей.

В соглашении 2005 г. Словакия и Беларусь взяли на себя обязательство обмениваться не только музейными выставками, но и выставками народной декоративной художественной индустрии. Помимо них, обе страны договорились в двустороннем соглашении поддержать обмен выставками современного изобразительного искусства. Примером реализации этих положений является и Международный фестиваль изобразительных искусств Снина, который ежегодно проходит в восточной Словакии.

В рамках фестиваля, который проводится с 1994 г., приняли участие около 600 художников из более чем 50 стран мира, в том числе и Белоруссии [19]. Цель фестиваля — предоставить художникам из разных стран и разнообразных культур возможность сопоставить свое творчество, а также ознакомиться со словацкой культурой. На последнем XXV Международном фестивале изобразительных искусств Снина, который проходил осенью 2018 г. в Словакии, словацкой общественности были представлены работы 25 художников из 18 стран, в том числе восьми художников из Белоруссии. Их труды были выставлены под названием «Белорусские впечатления» [19]. Это была не первая выставка белорусских художников на этом фестивале. Например, в 2015 г. работы белорусского художника В. Тихонова были выставлены на фестивале изобразительных искусств. Таким образом, словацкая аудитория смогла ознакомиться с работами, затрагивающими тематику пострадавших в Белоруссии сел в результате взрыва на Чернобыльской АЭС под названием «Траур по заброшенным деревням» [20]. Два года спустя, в 2017 г., Белоруссии на фестивале был представлен художник А. А. Концуб с выставкой «Странствие с ангелом».

С той же выставкой А. А. Концуб участвовал в конце 2017 г. в Художественной галерее А. Смолака в г. Братиславе¹. Мероприятие, которому оказало поддержку Посольство РБ в СР, было посвящено предстоящему 25-летию установления дипломатических отношений между Беларусью и Словакией. В церемонии открытия выставки приняли участие не только депутаты Национального Совета СР, сотрудники МИД СР, дипломатические представители Белоруссии, России, Украины, Болгарии,

Китая, которые аккредитованные в Братиславе, но и творческая интеллигенция данных государств [21].

Словацкие художники также презентуют свои работы в Беларуси. В 2011 г. словацкий художник А. Смолак представил свои труды в г. Гомеле. Выставка «Воодушевления и мечты» была организована совместно с Белорусским союзом художников при поддержке Посольства СР в РБ и проводилась в Картинной галерее Г. Х. Вашенко [22]. Кроме того, в конце февраля 2013 г. в культурной столице Белоруссии — Витебске состоялась встреча художника П. Поллага под названием «Открытые судьбы». На выставке, которая прошла в «Центре современного искусства», словацкий художник представил серию своих работ — как станковой живописи, так и книжных иллюстраций, в частности к Библии [23].

Большой положительный резонанс вызвала презентация трудов словацкой художницы З. Граус Рудавской, которая состоялась в сентябре 2016 г. в Минске. Выставка «Прикосновение Словакии. Рисунок. Объект. Драгоценность», которая проводилась по случаю Дня Конституции СР, а также председательства СР в Совете ЕС. Она была организованная при поддержке Посольства СР в РБ, Министерства культуры РБ, Белорусского государственного университета культуры и искусств, и художественной галереей «Университет культуры» [24]. На выставке З. Граус Рудавская презентовала 82 работ из широкого спектра своего творчества — от украшений до хрустальных предметов, картин, бронзовых скульптур и рисунков. Талант словацкого художника высоко оценил на церемонию открытия и Чрезвычайный и полномочный посол СР в РБ Й. Мигаш, в то время — заместитель министра внешнеполитического

¹ В 2018 г. выставка была представлена в г. Кошице в рамках мероприятия «Кошицкая музыкальная весна».

ведомства РБ Е. Н. Купчина, а также представители Союза белорусских художников и широкая общественность [25].

КИНОИСКУССТВО И ВИДЕОАРТ В СЛОВАЦКО-БЕЛОРУССКОМ КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Активный политический диалог между СР и РБ способствует укреплению такой сферы культурного словацко-белорусского сотрудничества как киноискусство и видеоарт. Результатом эффективного и продуктивного взаимодействия является представление словацкой и белорусской кинематографии на фестивалях различной направленности, а также участие словацких и белорусских актеров, режиссеров, кинокритиков и драматургов в социально-культурных мероприятиях, организованных учреждениями культуры двух стран. Сотрудничество началось реализоваться еще до подписания соглашения 2005 г. Об этом свидетельствует тот факт, что в апреле 2004 г., во время Дней Беларуси в Словакии, впервые в Братиславе прошел фестиваль белорусского кино. Он был организован Национальной киностудией «Беларусьфильм» и на церемонии открытия также присутствовали заместитель министра иностранных дел РБ А. Ю. Михневич, Чрезвычайный и полномочный посол РБ в СР В. И. Воронецкий и генеральный директор Национальной киностудии «Беларусьфильм» В. В. Шенько [26].

Белорусская публика могла познакомиться со словацкой кинематографией. В 2013 г. в РБ состоялся Словацко-чешский кинофестиваль, который проводился в рамках мероприятий, организованных Посольством СР в РБ по случаю 20-летия установления дипломатических отношений между Словакией и Беларусью. В течение апреля и мая 2013 г. в белорусских городах Брест, Витебск, Могилев и Гродно были показа-

ны такие словацкие фильмы как «Батори», «Легенда о летающем Киприане» и «Разбойник Юрко» [27]. В 2016 г. на мероприятии «Дни словацкого кино» было показано пять фильмов из Золотого фонда словацкой кинематографии — «Солнце в сети», «Боксер и смерть», «Птицы, сироты и безумные», «Тропинка через Дунай», «Я люблю, ты любишь» [9].

Как сотрудничество киноискусства и видеоарта можно отметить участие словацких художников и кинокритиков в Минском международном кинофестивале «Лістапад» — крупнейшем кинофоруме, на котором ежегодно в ноябре в Белоруссии. Там собираются известные режиссеры, актеры и любители искусства. На этом фестивале, история которого берет свое начало в 1994 г., представляются фильмы, которые созданы в странах СНГ, государствах Центральной и Юго-Восточной Азии, Прибалтике, а также в Восточной и Центральной Европе [28]. Наиболее успешными стали XIV и XIX Минский международный кинофестиваль «Лістапад». На них словацкие фильмы достигли значимых достижений. На первом из них фильм «Я обслуживал английского короля» получил сразу несколько наград — приз и диплом зрительского жюри «Серебро Лістапада», а также награда словацкого актера М. Губе за лучшую роль второго плана [29]. В рамках XIX Минского международного кинофестиваля «Лістапад» состоялась презентация словацкой кинематографии. Она реализовывалась при поддержке Министерства культуры СР и в соответствии с двусторонним соглашением о словацко-белорусском культурном сотрудничестве. Его главными организаторами выступили Словацкий киноинститут и Посольство СР в РБ. Широкая публика могла увидеть и оценить словацкую кинематографию в рамках конкурсной и неконкурентной секциях. В рамках последней,

зритель имел уникальную возможность познакомиться с творчеством одного из режиссеров восточноевропейского кино Ш. Угера через просмотр таких фильмов как: «Солнце в сети», «Орган», «Дева-чудотворица», «Три дочери», «...на асфальте коней пасла» [30].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на факт, что двустороннее культурное сотрудничество между СР и РБ развивается с 1993 г., интенсификация словацко-белорусских культурных контактов наблюдается лишь в последние годы. Главным образом благодаря соглашению

между двумя министерствами. Обмен музыкальными ансамблями и коллективами, выставки, презентация кинематографии, — все это характерно для культурного сотрудничества между этими государствами. Плодотворное двустороннее сотрудничество между Словакией и Беларусью подтверждают и слова министра культуры СР Л. Лашаковой, произнесенные на встрече с Чрезвычайным и полномочным послом РБ в СР И. А. Лещеней: «Возможности взаимного сотрудничества в области культуры очень широки. Искусство объединяет нации, и поэтому все наши проекты могут привести только к взаимному удовлетворению» [31].

ЛИТЕРАТУРА

1. Встреча с Председателем Национального совета Словакии Андреем Данко. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predsedatelem-natsionalnogo-soveta-slovakii-andreem-danko-21237/ (дата обращения: 01.09.2019).
2. Dohoda medzi Ministerstvom kultúry Slovenskej republiky a Ministerstvom kultúry Bieloruskej republiky o spolupráci v oblasti kultúry a umenia. URL: <http://www.culture.gov.sk/posobnost-ministerstva/medzinarodna-spolupraca/bilateralna-spolupraca/medzivladne-kulturne-dohody/bielorusko-203.html> (дата обращения: 29.08.2019).
3. Medzinárodný folklórny Slavica Festival. URL: <https://www.slavica.sk/slavica-festival> (дата обращения: 29.08.2019).
4. Kultúrne podujatia. Dožinky 2019. URL: http://mutne.sk/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=87&Itemid=155 (дата обращения: 29.08.2019).
5. О фестивале. URL: <https://fest-sbv.by/about> (дата обращения: 02.09.2019).
6. «Это праздник дружбы и взаимопонимания» — Лукашенко открыл «Славянский базар в Витебске». URL: <https://www.belta.by/president/view/eto-prazdnik-druzhby-i-vzaimoponimaniya-lukashenko-otkryl-slavjanskij-bazar-v-vitebske-354648-2019> (дата обращения: 02.09.2019).
7. Ольга Голодец приняла участие в открытии XXVIII Международного фестиваля искусств «Славянский базар в Витебске». URL: <http://government.ru/news/37345/> (дата обращения: 02.09.2019).
8. Международный фестиваль искусств «Славянский базар в Витебске». URL: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/culture/international-arts-festival-slavonic-bazaar> (дата обращения: 02.09.2019).
9. Dni SR v bieloruskom Vitebsku. URL: https://www.mzv.sk/web/minsk/spravy/-/asset_publisher/qUcjGk6Falrh/content/dni-sr-v-bieloruskom-vitebsku/10182?p_p_auth=ZgJmNWIn (дата обращения: 02.09.2019).
10. Скульптурную композицию фестиваля «Золотая пчелка» пополнил знак Словакии. URL: <https://www.belta.by/culture/view/skulpturnuju-kompozitsiju-festivalja-zolotaja-pchelka-popolnil-znak-slovakii-348668-2019/> (дата обращения: 29.08.2019).

11. Делегация из Словацкой Республики посетила город Брест. URL: <https://virtualbrest.by/news67614.php> (дата обращения: 09.09.2019).
12. Об открытии в Братиславе выставки, посвященной творчеству Оскара Марикса. URL: <http://slovakia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/a687a6b343f40a74.html> (дата обращения: 01.09.2019).
13. Výstava: Oskar Mariks. URL: <https://www.archivneusohl.sk/archiv-akcii/vystava-oskar-mariks/> (дата обращения: 06.09.2019).
14. Janko Kupala — stretnutie nie len literárne. URL: https://www.noveslovo.sk/c/Janko_Kupala_stretnutie_nie_len_literarne (дата обращения: 04.09.2019).
15. Аб адкрыцці выставы «Славацкія сустрэчы Янкі Купалы». URL: <http://slovakia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/f726075c8c34036e.html> (дата обращения: 04.09.2019).
16. Трус М. Янка Купала ў Славакіі. Мінск: Рэдакцыя часопіса «Роднае слова»; 2012. 176 с.
17. Трус М. Купалаўскія адрасы ў Славакіі. Мінск: Медысонт; 2018. 286 с.
18. Kupala J. Ktože to tam ide? Zost.: J. Rezník. Bratislava: Spolok slovenských spisovateľov; 2017. 72 p.
19. Bol jubilejný festival v Snine posledný? URL: <https://literarnytyzdennik.sk/bol-jubilejny-festival-v-snine-posledny/> (дата обращения: 01.09.2019).
20. Výstavy. URL: <https://www.mskssnina.sk/vystavy> (дата обращения: 07.09.2019).
21. Об открытии выставки белорусского художника А.Концуба в Братиславе. URL: <http://slovakia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/d1cf794add7c29b6.html> (дата обращения: 03.09.2019).
22. В Гомеле открылись выставки словацкого художника и белорусских керамистов. URL: <https://gomel.today/rus/news/gomel/7600/> (дата обращения: 09.09.2019).
23. Картины художника из Словакии можно увидеть в Витебске. URL: <https://www.belnovosti.by/education/5620-kartiny-hudozhnika-iz-slovakii-mozhno-uvidet-v-vitebske.html> (дата обращения: 04.09.2019).
24. «Прикосновение Словакии. Рисунок. Объект. Драгоценность». URL: <http://cultur.by/articles/prikosnovenie-slovakii-risunok-obekt-dragocennost> (дата обращения: 07.09.2019).
25. Zuzana Graus Rudavská a jej „Dotyky Slovenska“ v Minsku. URL: https://www.mzv.sk/web/minsk/detail/-/asset_publisher/bZtjMy3iNwbo/content/zuzana-graus-rudavska-a-jej-dotyky-slovenska-v-minsku/10182?p_auth=LT18Dfkw&101_INSTANCE_bZtjMy3iNwbo_redirect=%2Fweb%2Fminsk%2Fspravy%3Fstrana%3D3 (дата обращения: 07.09.2019).
26. О проведении фестиваля белорусского кино в Словакии. URL: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/fld7a088a112a9b7.html (дата обращения: 09.09.2019).
27. Otvorenie slovensko-českého filmového festivalu v Breste. URL: https://www.mzv.sk/web/minsk/detail/-/asset_publisher/bZtjMy3iNwbo/content/otvorenie-slovensko-ceskeho-filmoveho-festivalu-v-breste/10182?p_auth=2m6o7z2m&101_INSTANCE_bZtjMy3iNwbo_redirect=%2Fweb%2Fminsk%2Fspravy%3Fstrana%3D7 (дата обращения: 09.09.2019).
28. Общая информация — Минский международный кинофестиваль «Лістапад». URL: <http://listapad.com/o-nas/> (дата обращения: 06.09.2019).
29. Награды кинофестиваля «Лістапад-2007». URL: <http://listapad.com/arhiv/2007-year/nagrody-kinofestivalia-listapad-2007/> (дата обращения: 06.09.2019).
30. Ретроспектива фильмов Штефана Угера пройдет в рамках ММКФ «Лістапад». URL: http://listapad.com/news/2012/10/retrospektiva-filmov-shtefana-ugera-proidet-v-ramkah-mmkf-listapad/?sphrase_id=14026 (дата обращения: 06.09.2019).

31. Stretnutie ministerky s bieloruským veľvyslancom. URL: <http://www.culture.gov.sk/aktuality-ministerstva-kultury-36.html?id=1650> (дата обращения: 01.09.2019).

REFERENCES

1. Meeting with the Chairman of the National Council of Slovakia Andrei Danko. URL: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/vstrecha-s-predsedatelem-natsionalnogo-soveta-slovakii-andreem-danko-21237/ [Accessed: 01.09.2019] (In Russ.).
2. Agreement between the Ministry of Culture of the Slovak Republic and the Ministry of Culture of the Republic of Belarus on Cooperation in the Field of Culture and Art. URL: <http://www.culture.gov.sk/posobnost-ministerstva/medzinarodna-spolupraca/bilateralna-spolupraca/medzivladne-kulturne-dohody/bielorusko-203.html> [Accessed: 29.08.2019] (In Slovak).
3. International Folklore Festival Slavica. URL: <https://www.slavica.sk/slavica-festival> [Accessed: 29.08.2019] (In Slovak).
4. Cultural events. Dozhinki 2019. URL: http://mutne.sk/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=87&Itemid=155 [Accessed: 29.08.2019] (In Slovak).
5. About the festival. URL: <https://fest-sbv.by/about> [Accessed: 02.09.2019] (In Russ.).
6. «This is a holiday of friendship and mutual understanding» - Lukashenko opened the «Slavic Bazaar in Vitebsk». URL: <https://www.belta.by/president/view/eto-prazdnik-druzhby-i-vzaimoponimaniya-lukashenko-otkryl-slavyanskij-bazar-v-vitebske-354648-2019> [Accessed: 02.09.2019] (In Russ.).
7. Olga Golodets took part in the opening of the XXVIII International Festival of Arts «Slavic Bazaar in Vitebsk». URL: <http://government.ru/news/37345/> [Accessed: 02.09.2019] (In Russ.).
8. International Arts Festival «Slavic Bazaar in Vitebsk». URL: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/culture/international-arts-festival-slavonic-bazaar> [Accessed: 02.09.2019] (In Russ.).
9. Slovak Republic Days in Belarusian Vitebsk. URL: https://www.mzv.sk/web/minsk/spravy/-/asset_publisher/qUcjGk6Falrh/content/dni-sr-v-bieloruskom-vitebsku/10182?p_auth=ZgJmNWIn [Accessed: 02.09.2019] (In Slovak).
10. The sculptural composition of the festival «Golden Bee» was supplemented by the sign of Slovakia. URL: <https://www.belta.by/culture/view/skulpturnuju-kompozitsiju-festivalja-zolotaja-pchelka-popolnil-znak-slovakii-348668-2019/> [Accessed: 29.08.2019] (In Russ.).
11. A delegation from the Slovak Republic visited the city of Brest. URL: <https://virtualbrest.by/news67614.php> [Accessed: 09.09.2019] (In Russ.).
12. About the opening in Bratislava of an exhibition dedicated to the work of Oscar Mariks. URL: <http://slovakia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/a687a6b343f40a74.html> [Accessed: 01.09.2019] (In Russ.).
13. Exhibition: Oskar Mariks. URL: <https://www.archivneusohl.sk/archiv-akcii/vystava-oskar-mariks/> [Accessed: 06.09.2019] (In Slovak).
14. Yanka Kupala — meeting not only literary. URL: https://www.noveslovo.sk/c/Janko_Kupala_stretnutie_nie_len_literarne [Accessed: 04.09.2019] (In Slovak).
15. About the opening of the exhibition «Slovak Meetings of Yanka Kupala». URL: <http://slovakia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/f726075c-8c34036e.html> [Accessed: 04.09.2019] (In Belarusian).
16. Trus M. Yanka Kupala in Slovakia. Minsk: Editorial office of the journal «Native Word»; 2012. 176 p.

17. Trus M. Kupala addresses in Slovakia. Minsk: Medysont; 2018. 286 p.
18. Kupala Y. Who's going there? Ed.: J. Reznik. Bratislava: Spolok slovenských spisovateľov; 2017. 72 p.
19. Was the jubilee festival in Snina last? URL: <https://literarnytyzdennik.sk/bol-jubilejny-festival-v-snine-posledny/> [Accessed: 01.09.2019] (In Slovak).
20. Exhibitions. URL: <https://www.mskssnina.sk/vystavy> [Accessed: 07.09.2019] (In Slovak).
21. About the opening of the exhibition of the Belarusian artist A. Kontsub in Bratislava. URL: <http://slovakia.mfa.gov.by/ru/embassy/news/d1cf794add7c29b6.html> [Accessed: 03.09.2019] (In Russian).
22. Exhibitions of a Slovak artist and Belarusian ceramists open in Gomel. URL: <https://gomel.today/rus/news/gomel/7600/> [Accessed: 09.09.2019] (In Russian).
23. The artworks from Slovakia can be seen in Vitebsk. URL: <https://www.belnovosti.by/education/5620-kartiny-hudozhnika-iz-slovakii-mozhno-uvidet-v-vitebske.html> [Accessed: 04.09.2019] (In Russian).
24. «Touch of Slovakia. Picture. Object. Jewel». URL: <http://cultur.by/articles/prikosnovenie-slovakii-risunok-obeckt-dragocennost> [Accessed: 09.09.2019] (In Russ.).
25. Zuzana Graus Rudavská and her «Touches of Slovakia» in Minsk. URL: https://www.mzv.sk/web/minsk/detail/-/asset_publisher/bZtjMy3iNwbo/content/zuzana-graus-rudavska-a-jej-dotyky-slovenska-v-minsku/10182?p_p_auth=LT18Dfw&_101_INSTANCE_bZtjMy3iNwbo_redirect=%2Fweb%2Fminsk%2Fspravy%3Fstrana%3D3 [Accessed: 06.09.2019] (In Slovak).
26. On holding a festival of Belarusian cinema in Slovakia. URL: http://mfa.gov.by/press/news_mfa/fl1d7a088a112a9b7.html [Accessed: 09.09.2019] (In Russ.).
27. Opening of the Slovak-Czech Film Festival in Brest. URL: [minsk/detail/-/asset_publisher/bZtjMy3iNwbo/content/otvorenie-slovensko-ceskeho-filmoveho-festivalu-v-breste/10182?p_p_auth=2m6o7z2m&_101_INSTANCE_bZtjMy3iNwbo_redirect=%2Fweb%2Fminsk%2Fspravy%3Fstrana%3D7](https://www.mzv.sk/web/minsk/detail/-/asset_publisher/bZtjMy3iNwbo/content/otvorenie-slovensko-ceskeho-filmoveho-festivalu-v-breste/10182?p_p_auth=2m6o7z2m&_101_INSTANCE_bZtjMy3iNwbo_redirect=%2Fweb%2Fminsk%2Fspravy%3Fstrana%3D7) [Accessed: 09.09.2019] (In Slovak).
28. General information — Minsk International Film Festival «Listapad». URL: <http://listapad.com/o-nas/> [Accessed: 06.09.2019] (In Russ.).
29. Awards of the film festival «Listapad-2007». URL: <http://listapad.com/arhiv/2007-year/nagrody-kinofestivalia-listapad-2007/> [Accessed: 06.09.2019] (In Russ.).
30. A retrospective of films by Stefan Uger will be held as part of the MIFF «Listapad». URL: http://listapad.com/news/2012/10/retrospektiva-filmov-shtefana-ugera-proidet-v-ramkah-mmkf-listapad/?sphrase_id=14026 [Accessed: 06.09.2019] (In Russ.).
31. Ministerial meeting with Belarusian Ambassador. URL: <http://www.culture.gov.sk/aktuality-ministerstva-kultury-36.html?id=1650> [Accessed: 01.09.2019] (In Slovak)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гопта Иво, Дипломатическая академия
МИД России, Москва, Россия; 119992, Рос-
сия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2, стр. 1;
ivohopta@gmail.com

Гоптова Луциана, Кандидат историче-
ских наук, Прешовский университет, Пре-
шов, Словакия; 08001, Словакия, Прештов,
Прешова ул., д. 17;
luciana.hoptova@gmail.com

Hopta Ivo, Diplomatic Academy of the
Ministry of Foreign Affairs of Russia, Mos-
cow, Russia; bld. 53/2, b. 1, Ostogenka str.,
Moscow, 119992, Russia;
ivohopta@gmail.com

Hoptová Luciána, Candidate of Historical
Sciences, University of Prešov, Prešov, Slova-
kia; bld. 17, Prešove str., Prešov, 08001, Slo-
vakia;
luciana.hoptova@gmail.com

